

М. Б. Гимбатова

**ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА
НОГАЙЦЕВ
в XIX – начале XX в.**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Гимбатова М.Б.

*ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НОГАЙЦЕВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.*

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала
2005

ББК – 63.5 (2)
УДК – 902.7

Мадина Багавутдиновна Гимбатова
Утверждено к печати Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Алимова Б.М.*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Магомедсалихов Х.Г.*
кандидат исторических наук *Мусаева М.К.*

Г – 48 Гимбатова М.Б.

Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2005. – 188с. – (ДНЦ РАН. Институт истории, археологии и этнографии).

Монография является первым специальным исследованием духовной культуры ногайцев в XIX – нач. XX в. В ней рассматриваются основные формы традиционной духовной культуры: система народного образования, особенности устного народного творчества, народного календаря, календарных праздников, народной медицины и ветеринарии, религиозных представлений у ногайцев.

Книга предназначена для этнологов, историков, культурологов и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой ногайцев.

ВВЕДЕНИЕ

Культура – понятие многогранное. Общеизвестно, что понятие «культура» обычно используется в двояком смысле. С одной стороны, оно имеет широкое содержание, включающее в себя весь многогранный комплекс материального и духовного процесса общества, непрерывно развивающегося в конкретно-исторических границах, но, с другой стороны, наряду с таким широким толкованием в понятие «культура» вкладывается более узкое значение, совпадающее с понятием «духовная культура», которое ограничивается явлениями, создаваемыми лишь в процессе духовной деятельности человека¹.

Целью нашего исследования является исследование духовной культуры ногайцев XIX – нач. XX века, проживающих главным образом на Северном Кавказе. Для достижения поставленной цели надлежит решить ряд задач, а именно:

– во-первых, рассмотреть социально-экономическую, культурную адаптацию ногайцев, жизнь ногайского общества в исследуемый период, особенности среды обитания, систему традиционного хозяйства, образа жизни, который непременно находится в прямом взаимодействии с духовной культурой как его результат;

– во-вторых, изучить составные элементы духовной культуры ногайцев (система народного образования; устное народное творчество; праздники, обычаи и обряды семейного, общесельского, календарного и религиозного цикла; религиозные представления; народный сельскохозяйственный календарь и счет времени; народная медицина и ветеринария);

– в-третьих, выявить всеобщее, повсеместное в области духовной культуры, присущее всем этническим группам ногайцев;

¹ Социальное и национальное: Опыт этно-социологических исследований. - М., 1973. - С. 79.

– в-четвертых, показать взаимовлияние и взаимопроникновение духовной культуры ногайцев с культурами дагестанских и северокавказских народов;

– в-пятых, выявить общее и специфическое в области духовной культуры ногайцев и современных тюркских народов (татар, башкир, казахов, киргизов и др.).

Тема нашего исследования – духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. как комплексная единая проблема в намеченных аспектах и поставленных хронологических рамках не рассматривалась.

Актуальность исследования заключается в том, что в последнее время у людей молодого поколения растет желание знать историю своего народа, его традиции и обычаи. В этом плане изучение наследия старшего поколения представляет собой значительный интерес. Все это и определило выбор темы нашего исследования, методологической и теоретической основой которого послужил принцип историзма, предполагающий изучение любого явления в конкретных исторических условиях и связях, выявление его исторической перспективы, рассмотрение его в единстве настоящего, прошлого и будущего. Мы придерживаемся утвердившегося в отечественной этнографии учения о преемственности и взаимопроникновении культур разных народов, о взаимосвязанных процессах развития народов в рамках всеобщей истории. И поэтому предпочтение отдается системно-структурному, комплексному типу исследования с использованием историко-сравнительного и историко-типологического методов.

Источниковой базой нашего исследования послужил полевой этнографический материал¹, собранный нами во время экспедиционных работ в Ногайском районе Республики Дагестан в течение 2001-2003 гг. Источником же по северокавказским ногайцам послужила доступная нам научная литература, письменные источники (исторические и этнографические очерки, монографии, статьи, данные устного народного творчества, литературные произведения, материалы РФ ИИАЭ ДНЦ РАН).

Литературу по ногайцам можно условно разделить на рассматривающую аспекты политической истории ногайцев¹ и собственно этнографическую.

Первые этнографические сведения о ногайцах мы находим в трудах польского историка XVI в. Матвея Меховского², С. Герберштейна³, московского купца Ф. Котова⁴.

В течение XVII века Россию и Северо-Восточный Кавказ с различными целями посещает значительное число европейцев. Все они оставили описания увиденного и услышанного. В этом плане следует отметить записки советника гольштинского по-

¹ *Татищев В.Н.* История российская. - М., 1962. Т. 1; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. - СПб., 1892. Т. 1; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. - М., 1988. Кн. 1. Т. 2; *Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 годы. - СПб., 1793; *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследования о касимовских царях и царицах. - СПб., 1877. Ч. II; *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках. - М., 1877; *Посольская книга* по связям России с Ногайской Ордой. 1489-1508 гг. - М., 1984; *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. ЗРАНОИФ. Т. XIII, № 6 – Пгр., 1922; *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII вв – Саратов - Москва, 1923; *Новосельский А.Н.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. - М.-Л., 1948; *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда во 2-й половине XVI в. // Сб. научных работ. - Саранск, 1949; *Кочкаев Б.-А.Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. - Черкесск, 1973; Он же. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. - Алма-Ата, 1988; *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. - Л., 1974; *Кужелева Л.Н.* Ногайцы (из истории ногайцев XVIII-нач. XX в.) // УЗ. ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Т. 13., сер. Истор. - Махачкала, 1964; *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы XV-XVIII вв. - Махачкала, 2000; Он же. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII в. - Махачкала, 2000; Он же. Взаимоотношения ногайцев с Россией XVIII в. - Махачкала, 2000; Он же. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI-XIX вв. - Махачкала, 2003; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. - М., 2002 и др.

² *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. - М.-Л., 1936.

³ *Герберштейн С.* Записки о Москве / Под ред. В.Л. Янина. - М., 1988.

⁴ *Котов Ф.А.* Хождения купца Федота Котова в Персию // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост.: В.Г. Гаджиев. - Махачкала, 1992.

¹ Ссылки на собственный полевой материал в работе мы не делаем.

сольства Олеария¹. Опираясь на его сведения, можно воссоздать материальную культуру ногайцев XVII в.

Интересные материалы по ногайцам содержатся в трудах турецкого путешественника Эвлия Челеби², голландского путешественника Яна Стрейса³, доминиканца Дортелли Д'Асколи⁴. Работы И.Г. Гербера⁵, С.Г. Гмелина⁶, И.Г. Георги⁷, И.И. Гильденштедта⁸ объединяет единая система изложения материала. Они подробно описали местность, занимаемую ногайцами, перечислили ногайские роды, детально описали юрту, одежду (как мужскую, так и женскую), быт ногайцев, их промыслы.

В XIX в. изучением малочисленных кочевых народов России занялись профессиональные историки, этнографы, такие, как С. Броневский⁹, А. Павлов¹⁰, П. Небольсин¹¹, К.Ф. Сталь¹², Н. Дубровин¹³, Г. Малявкин¹. Работы этих авторов схожи по

¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. - СПб., 1906.

² *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. - М., 1979.

³ *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. - М., 1935.

⁴ *Д'Асколи.* Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмилио Дортелли Д'Асколи, префектом Кафы, Татарии и пр., в 1634 г. // ЗИООИД. Т. 13. - Одесса, 1902.

⁵ *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. - М., 1958.

⁶ *Гмелин С.Г.* Путешествие по России. - Ч. 2. - СПб., 1777.

⁷ *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. Т. 2. О народах татарского племени. - СПб., 1799.

⁸ *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа: Из путешествия акад. Гильденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770-1773 гг. // Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост.: В.Г. Гаджиев. - Махачкала, 1992.

⁹ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. - Ч. 2. - М., 1823.

¹⁰ *Павлов А.* О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. - СПб., 1842.

¹¹ *Небольсин П.* Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // ВИРГО на 1851 г. Т. 2. Кн. 2. - СПб., 1851.

¹² *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа. (1852) // КС. Т. 21. - Тифлис, 1900.

¹³ *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. - СПб., 1871.

своему характеру: как и их предшественники, они подробно описали образ жизни ногайцев, их быт, занятия, жилища, национальные блюда, костюмы, женские украшения.

В начале XX в. о ногайцах писали А.И. Якобий², И.Л. Щеглов³. В их трудах систематизирован и обобщен богатый этнографический материал. Неоценимый вклад в разработку вопросов материальной культуры, семьи и брака у ногайцев внесла С.Ш. Гаджиева⁴.

Для нашего исследования большой интерес представляют работы, в которых освещаются те или иные вопросы, составляющие духовную культуру этноса. Наиболее ярко духовная культура ногайцев выражена в устном народном творчестве: героическом эпосе, былинах, сказках, пословицах, поговорках, загадках и т.д. Именно с помощью устного народного творчества можно представить традиционное мировоззрение ногайцев. Одними из первых собирателей ногайского фольклора были А. Ходзько, А. Архипов, А. Рудановский⁵. Проведенная в середине XIX столетия работа Ч. Валиханова⁶ по сбору эпических песен казахского народа имеет огромное значение для нашего исследования в силу того, что автором выявлены исторические связи между ногайцами, казахами, киргизами и общность их происхождения, языка и преданий. Значительный вклад в сбор ногайского фольклора внес Мухаммед Османов⁷. Наряду с эпическими песнями им были записаны и ногайские поэмы «Эдиге», «Шора батыр», «Мамай», «Ахмед, сын Айсула», «Адиль-

¹ *Малявкин Г.* Караногайцы // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Приложение к Терскому календарю на 1894 г. / Под ред. Г.А. Вертенова. - Владикавказ, 1893.

² *Якобий А.И.* Тюрки степей Северного Кавказа. - СПб., 1901.

³ *Щеглов И.Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. В 4-х тт. Т.1. - Ставрополь, 1910.

⁴ *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX - начале XX в. - М., 1976; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX - нач. XX в. - М., 1979.

⁵ *Chodzko A.* Specimtns of the Popular Poefry of Persia. - London, 1842; *Архипов А.* Подстреленный орел (рассказ) // Кавказ. 1851. № 27; *Рудановский А.О.* Караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1863. № 51.

⁶ *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в 5 тт. Т. 1. - Алма-Ата, 1961.

⁷ *Османов М.* Ногайские и кумыкские тексты. - СПб., 1883.

Солтан», «Эссен-Болат» и др. Их работу продолжил В. Радлов¹, записавший поэмы «Шора Батыр», «Адиль Солтан», «Амет» и др.

В конце XIX века сбором ногайского фольклора занялся Г. Ананьев². Им были записаны ногайские поэмы «Тохтамышхан», «Мирза Мамай», «Адиль-Солтан Крымский», «Эрю-Ахмед, сын Айсулы», «Нарыг и Чира Батыр». Помимо этого, Г. Ананьевым изучен быт ногайцев, а также ритуалы, связанные с рождением ребенка, свадебные обычаи, положение женщины в семье и занятия караногайцев³.

Вопросам быта, образа жизни и духовного наследия ногайцев посвящена и работа Н. Семенова⁴. Разносторонний материал по ногайцам сосредоточен в труде Ф.О. Капельгородского⁵. Ему удалось детально изучить социально-экономическую ситуацию в Караногае, вопросы судопроизводства, народного образования, обычаи, верования, игры, развлечения и др.

Первым профессиональным собирателем фольклора ногайцев был А.-Х.Ш. Джанибеков⁶. Им собран и обработан большой пласт устного народного творчества ногайцев. Собранные А.-Х. Джанибековым во время экспедиций с 1905 по 1930 г. поговорки, пословицы, сказки, проклятия, песни и дияры помогают воссоздать богатые духовные традиции ногайцев, их миропонимание и мироощущение.

В сборнике «Песни народов Северного Кавказа» представлены образцы песенного творчества ногайцев: обрядовые песни и плачи, героические и величальные песни, песни о женской доле и о любви, колыбельные песни, которые послужат ценным источником в изучении духовной культуры ногайцев⁷.

¹ Радлов В.В. Предисловие // Образцы народной литературы северных тюркских племен. Т. VII. - СПб., 1896.

² Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. - Ставрополь, 1909.

³ Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // СМОМПК. Вып. 20. - Тифлис, 1894.

⁴ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Ногайцы. - СПб., 1895.

⁵ Капельгородский Ф.О. Караногай, страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 68.

⁶ Джанибеков «Созь казнасы» (Сокровищница слов) на ногайск. языке. - Ч. 1. - Камызяк, 1994.

⁷ Песни народов Северного Кавказа. - Л., 1976.

Традиционные игры у ногайцев рассматриваются в работах И.Х. Калмыкова¹.

В историко-этнографическом очерке «Ногайцы»² представлены все стороны жизнедеятельности ногайцев. Одна из глав очерка посвящена духовной культуре ногайцев, в которой рассмотрены вопросы народного образования и здравоохранения, народные знания, фольклор, литература.

Сведения о мечетях, школах, рукописных и печатных книгах религиозного, исторического, медицинского плана у ногайцев отражены в работах А.Х. Курмансеитовой³, которые существенно дополняют сведения информаторов о системе народного образования XIX – нач. XX в.

Изучением творчества ногайских поэтов XV – нач. XX в. занимается известный ногайский ученый-фольклорист А.И. – М. Сикалиев⁴. В их произведениях проявляется самобытный характер ногайцев, их жизнь и быт. Обычаи, обряды, традиции, народный календарь, календарные праздники кубанских ногайцев исследуются в работе С.И. Капаева⁵.

Большое значение для освещения тех или иных вопросов, рассматриваемых в нашем исследовании, имеют труды видного ногайского ученого Р.Х. Керейтова⁶.

¹ Калмыков И.Х. Традиционные виды игр у ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1980; Он же. Самобытные физические упражнения и игры у тюркских народов // Половецкая луна. 1994. № 1 / 8.

² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. - Черкесск, 1988.

³ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. Вып. 3. – Черкесск, 1990; Она же. Древо познания. Письмена и книги. Очерки, статьи на ногайском языке. - Черкесск, 1996; Она же. «Универсалы» Петра Великого и начало ногайского книгопечатания // Языки, духовная культура и история тюрков: традиция и современность. Труды междунар. конференции в 3-х томах. Июнь 9-13, 1992. - Казань. Т. 2. - М., 1997.

⁴ Завещание. Сб. произведений ногайских поэтов XV- нач. XX в. / Сост.: А.И.-М. Сикалиев (Шейхалиев). - Махачкала, 1990; Он же. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994.

⁵ Капаев С.И. Ногайский дом. Повесть, статья. - Черкесск, 1995.

⁶ Керейтов Р.Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // СЭ. 1980. №2; Он же. Весенний праздник «Сабантой» у ногайцев // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг. - Черновцы, 1984; Он же. Два сюжета из мусуль-

Таков круг основной научной литературы по ногайцам¹.

Духовную культуру ногайцев невозможно рассматривать вне общетюркской культуры². Исторические судьбы современных тюркских народов и ногайцев тесно переплетены, их формирование и становление происходило на обширной территории державы чингизидов. Исследователи отмечают ногайский период не только в политической истории, но и в духовной культуре большинства тюркоязычных народов.

Духовную культуру ногайцев XIX – нач. XX в. нельзя рассматривать и в отрыве от культуры народов Северного Кавказа, т. к. длительное совместное проживание на одной территории привнесло определенные северокавказские черты не только в материальную культуру, но и в духовную. Поэтому в качестве сравнительного материала нами будут использованы труды видных кавказоведов и известных дагестанских этнографов С.Ш. Гаджиевой, С.С. Агашириновой, А.Г. Булатовой, М.-З.О. Османова, А.И. Исламмагомедова, М.А. Агларова, С.А. Лугуева, Б.М. Алимовой, Г.А. Гаджиева, Б.Р. Рагимовой, М.Ш. Ризахановой, Р.И. Сефербекова, М.К. Мусаевой, З.Б. Рамазановой, М.А. Дибирова, М.М. Магомедханова, М.-З.Ю. Курбанова, Х.Г. Магомедсалихова.

манского месяца «Ораза» у ногайцев // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. - Л., 1988 и др.

¹ Наиболее полный список научной литературы по ногайцам см.: *Ярлыков А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. - Махачкала, 1998.

² См.: Казахская литература и ее интернациональные связи. Сборник статей. - Алма-Ата, 1973; Казахские народные сказки. - М., 1953; Казахские сказки о животных: (Легенды, предания, бытовые рассказы, сказки и басни) / Сост.: *С.А. Каскабасов* и др. - Алма-Ата, 1979; Казахский музыкальный фольклор. Отв. ред. *Б. Ерзакович*. - Алма-Ата, 1982; Каракалпакские народные легенды и анекдоты. - Нукус-Самарканд, 1962; Каракалпакские народные сказки. - Казань, 1965; Каракалпакский фольклор. - Нукус, 1980; *Абишев Х.* Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. - Алма-Ата, 1949; Материалы и исследования по этнографии казахского народа. - Алма-Ата, 1963; *Абрамзон С.М.* Очерки культуры киргизского народа. - Фрунзе, 1946; *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1972; Этнография Башкирии. Сб. статей / Под ред. *Н.В. Бикбулатова* и *Р.Г. Кузеева*. - Уфа, 1976; Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Сб. статей / Под ред. *Р.Г. Кузеева* и *Н.В. Бикбулатова*. - Уфа, 1980; *Липец Р.С.* Образы Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. - М., 1984; *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования у тюркоязычных народов Сибири. - Новосибирск, 1992.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НОГАЙЦАХ

Ногайцы – один из тюркоязычных народов, издревле населяющий нашу страну. Самоназвание ногайцев – «ногай» (ногайлар). Под этим этническим названием ногайцы еще в XIV-XV вв. были известны народам Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Крыма. Формирование ногайской народности началось еще в VI веке. Согласно выдвинутой Р.Х. Керейтовым периодизации формирования ногайской народности выделяются пять этапов: I (VI-VIII вв.) связан с тюркскими племенами; II (IX-XI вв.) – печенежский; III (XI-XIII вв.) – кипчакский; IV (XII-XV вв.) – золотоордынский; V (XIV-XVII вв.) – ногайский (связан с появлением Ногайской Орды)¹. Становление ногайцев завершилось в XVII веке и связано с окончательным утверждением Ногайской Орды как самостоятельного государства. Ногайцы подразделяют друг друга на группы, названия которых подчас совпадают с названием территорий их проживания.

Так, ногайцев, живущих на р. Кубани, называют «кьобан ногайлар» – кубанскими ногайцами, ногайцев, живущих на р. Кума – кумскими ногайцами – «куьми ногайлар», «Бестав (пять гор – с ногайского) ногайлар» – бештовскими ногайцами, ногайцев, живущих на Пятигорье. Также ногайцы делятся на крымских ногайцев – «Крым ногайлар», волжских или астраханских ногайцев – «Эдиль (старое тюркское название р. Волги) ногайлар» или «астрахан ногайлар», ембойлуковцев – «ембойлуқлар», «етишкульлер» – етишкульцев, етисанцев – «етисанлар», караногайцев «тюмен ногай», таркинских «таргъу», аксайских «яхсай», костековских «костек» ногайцев (дагестанские ногайцы).

В 1998 году в мире насчитывалось в общей сложности 4379800 ногайцев¹. По переписи 1989 г. в Российской Федерации насчитывалось 73703 ногайца.

Большинство их проживает на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане – 28294 человека, в Чеченской Республике –

¹ Sami Nogay. Turkieri. Ankara. Kasim. - 1998.

6884, в Ставропольском крае – 15569, в Карачаево-Черкесии – 12993, в Астраханской области – 3958¹. Отмечены компактные группы проживания ногайцев в Сибири. В ближнем зарубежье ногайцы проживают в Белоруссии и Литве, в дальнем – в Турции, Румынии, Польше². Одним из основных путей распространения ногайского этноса за пределы бывшей Российской империи было широко известное «мухаджирство», ориентировавшее переселенцев на страны мусульманского Востока. Однако еще раньше, начиная с эпохи расцвета Великого Княжества Литовского в период позднего средневековья, ногайцы проникали и в европейские страны, где составили группу западных ногайцев, или «литовских татар» внутри шляхетского сословья. К 1939 г. ногайцы Западной Белоруссии, Польши, Литвы были объединены в 19 религиозных общин, имели 17 мечетей, музей, архив, издавали журналы. В годы сталинских репрессий многие из этих ногайцев бежали в Польшу, затем в Америку, Австралию, страны Западной Европы. В настоящее время ногайцев в Белоруссии, например, насчитывается по разным источникам от 10 до 15 тысяч человек³.

В современной России ногайцы проживают как в городах, так и в сельской местности. Наибольшими группами ногайцы проживают в Махачкале, Кизляре, Черкесске, Ставрополе, Нефтекумске, Пятигорске, Минеральных Водах, Владикавказе, Тюмени, Якутске, Уренгое. В Дагестане в 1929 г. был образован Ногайский район. Он включает в себя Терекли-Мектеб (районный центр) и аулы Батыр-Мурза, Бажиган, Боранчи, Карагас, Карасув, Кумлы, Куньбаттар, им. Ленина, Нариман, Таьтли Булак (бывш. им. Калинина), Сулу-Тюбе, Орта-Тюбе, Уйсалган, Червленые Буруны (племзавод), Эдиге аул (бывш. Яньгы-аул).

Помимо Ногайского района ногайцы проживают в Бабаюртовском (в с. Бабаюрте, Тамаза-Тюбе, Новой Косе, Токсанаке), Кизлярском (аулы – Боранбай, Ново-Владимировка, Крайновка, Макараул, Сангиши, Огузер, Урицкого, Крестьяновка),

Тарумовском (с. Александра Невского, Алексейяуле, Выше-Таловке, Ново-Дмитриевке, Шубутлы) районах, в аулах Асаул, Мейтаул, Кумаул, а также в поселке Главсулак.

В Ставропольском крае ногайцы проживают в Нефтекумском районе в аулах Абрам-Тюбе, Артезиан-Мангыт, Ачикулак, Бийсей, Бияш, Ильяс-Кишлау, Кара-Тюбе, Каясула, Нукус-Артезиан, Махмуд-Мектеб, Мирзабек, Тукуй-Мектеб, Ямангой, в городах Ставрополь и Нефтекумск. В Степновском районе того же Ставропольского края они населяют аулы Ыргаклы, с. Степное; в Минераловодском районе – аул Канглы, в Кочубеевском районе – аул Карамурзинский, частично селение Балахоновское, в райцентре.

В Чеченской Республике ногайцы проживают, в основном, в Шелковском районе в сс. Воскресенское, Сарысу, Каршыгаул, Ораза, Коккуй, Коби, Красный Восток, Курганаул, в поселке Шестой совхоз, в станицах Шелковская, Червленая, Старогладовская, Каргалинская, Курдюковская.

Проживают ногайцы и в Астраханской области: в ауле Лапас (Харабалинского района), в Красноярском районе – в аулах Сеитовка, Айсапай, Коялы, Ланчык, Хожетай, Джанай, Ясын-Соккан, Белячное, Иодшалык, Малый Арал; в пригороде областного центра в поселках Киркиле и Свободное¹. В Астрахани этих ногайцев называют карагашами. В Володарском районе Астраханской области и в основном в селе Тулугановка проживают кундоровские ногайцы².

На Северном Кавказе ногайцы проживают еще и в Адыгее-Хабльском районе Карачаево-Черкесии: Адыге-Хабль (районный центр), Адиль-Халк, Икон-Халк, Кобан-Халк, Кызыл-Тогай, Эркин-Юрт, Эркин-Халк, Кызыл-Юрт (Хабезского района), в ауле Ильичевском (Прикубанского района), в поселке Московском (Усть-Джегутинского района), в городах Черкесске и Карачаевске.

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 7.

² Арсланов Л.Ш. К вопросу о караногайском языке // Советская тюркология. 1977. № 4. - С. 73-74; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. – Черкесск, 1988. - С. 102.

¹ Народы России: Энциклопедия. - М., 1994. - С. 433-436.

² Народы Кавказа. Т. 1. - М., 1960. - С. 301.

³ Кидирниязов Д.С. Западные ногайцы // Половецкая луна. 1993. №№ 3-7. - С. 35.

Часть ногайцев обосновались в Калмыкии: – это ногайцы – утары каспийского района. Потомки ногайцев – «нагайбаки» проживают и в Нагайбакском районе Челябинской области.

В плане антропологической характеристики ногайцев необходимо отметить, что ногайцы расово неоднородны, у них сочетаются европеоидные и монголоидные черты с преобладанием последних.

Ногайский язык относится к кипчакской группе тюркских языков, внутри которой вместе с каракалпакским и казахским образует кипчакско-ногайскую подгруппу¹.

Основным районом обитания ногайцев в исследуемый период становится Северный Кавказ. Традиционная хозяйственная система со строгой регламентацией пастбищных угодий между родоплеменными объединениями способствовала образованию на Северном Кавказе ряда административных районов с ногайским населением.

В 1793 г. на территории Северо-Восточного Кавказа царская администрация образовала четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембойлуковское, Ачикулак-Джембойлуковское и Караногайское.

Калаус-Саблинскому приставству были отмежеваны земли по верховьям Калауса и его нагорной стороне, а также участок между озерами Большой и Малой Янкули. Кроме того, к приставству отошел район Кавказских Минеральных вод. На этой территории кочевали едисанские, едишкульские и касаевские ногайцы.

Низовья Калауса и районы бассейнов рек Айгур, Барханчук, Камбулат и Кугульта отвели Калаус-Джембойлуковскому приставству. Здесь обитали джембойлуковцы со следующими подразделениями: канглинским, караюмским и меситским.

Территорию закумской части передали Ачикулак-Джембойлуковскому приставству. На этом участке кочевали едисанцы и джембойлуковцы.

Территориальные границы Караногайского приставства сложились гораздо раньше, чем в трех предыдущих приставствах. Граница Караногайского приставства на юго-востоке дохо-

дила до побережья Каспийского моря, на северо-западе – до реки Кумы и на юго-западе до Степан-Бугорского урочища.

На закубанской территории, населенной ногайцами, было организовано 3 приставства: 1) главное приставство закубанских народов; 2) приставство Тохтамышевское; 3) приставство Бесленеевское и закубанских армян, куда входили наврузовские ногайцы. Ногайцы проживали также в Моздокском и Георгиевском уездах.

Ногайцы степных районов Северного Кавказа в административном отношении были разделены на четыре приставства.

Ногайцев, кочевавших на территории Сулакской низменности, именовали аксаевскими или костековскими ногайцами. На юге и юго-востоке они граничили с кумыками и Тарковскими ногайцами. Последние, составляя небольшую группу, кочевали вдоль Каспия в пределах Тарковского шамхальства. Их здесь насчитывалось около 300 кибиток¹.

Итак, в начале XIX века на северо-востоке Кавказа были созданы ногайские приставства. Управляли приставствами с помощью разработанного в 1827 году «Положения о кочующих инородцах».

В 1847 г. Кавказская область, куда входили все 4 приставства, была преобразована в Ставропольскую губернию. Позднее, в 1888 году, Караногайское приставство с Кизлярским уездом было передано Терской области. В середине XIX в. калаусо-джембойлуковские ногайцы численностью 14538 чел. занимали около 87 тыс. дес. земли. На юго-западе от них проживали калаусо-саблинские ногайцы численностью 12245 чел., занимая 39 тыс. дес. земли.

Ачикулак-джембойлуковцы и едисанцы кочевали по Ачикулак-Джембойлуковскому приставству, составлявшему в общей сложности 184 тыс. дес. земли.

Самым крупным приставством считалось Караногайское. Его территория составляла 1 млн дес. с численностью 38450 человек караногайцев и едишкульцев. Так обстояло дело до переселения ногайцев в Турцию. В результате двух эмиграционных потоков (1859 и 1860гг.) из 4 приставств сохранилось лишь два

¹ Баскаков Н.А. Тюркские языки. - М., 1960. - С. 165.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 41-43.

– Караногайское и Ачикулакское. Последнее общей площадью 824807 дес. земли было образовано в 1880 г. В конце XIX века единсанцы и частично джембойлуковцы уже вели оседлый образ жизни. С переходом к оседлости ногайцы начали ежегодно делить пахотные угодия подушно. Пахотный надел обычно не превышал 7 дес. на одного члена семьи. Таким образом, пахотный надел семьи зависел от количества ее членов. За свой надел каждая семья платила налоги в государственную казну. С оседлых и полуоседлых ногайцев взимались налоги и за содержание скота. Так, за одного верблюда в казну платили 1 рубль, за голову крупного рогатого скота или лошадь – по 40 коп., овцу или козу – по 5 коп., а также воинский налог общей суммой 1379 руб. Только за 1908 г. по этим видам налога они внесли в государственную казну 15125 руб¹.

К юго-востоку от Ачикулакского находилось Караногайское приставство. По территории и по численности жителей оно значительно превосходило Ачикулакское. По данным переписи 1828 года в Караногое насчитывалось 3060 дворов с 19634 душами.

С караногайцев взимались повинности: на содержание управления Кизлярского отдела – 5000 рублей, на содержание судебного следователя Кизлярского отдела – 2500 рублей. На 1916 год сумма общественных повинностей равнялась 37.845 руб. 05 коп., причем взималось с каждого верблюда по 1 рублю, с головы крупного рогатого скота – 50 коп., мелкого – 5 коп. По закону караногайцы не служили в войсках, а вместо этого выплачивали 60 коп. воинского налога с каждого рубля общественных повинностей. Со временем налоги стали увеличиваться: с верблюда взималось 1 р. 60 коп., с крупного рогатого скота – 80 коп. и мелкого – 8 коп. Но зато больше никаких земских и государственных повинностей караногайцы не знали. В общем на бедняцкое хозяйство падало всех налогов от 80 коп до 4 руб.,

¹ Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 5. Оп. 1. - Д. 67. - Л. 24.

на середняцкое – от 40 руб. до 80 руб. и на кулацкое – до 500 руб.; четыре хозяйства платили от 600 до 800 рублей¹.

Кроме того, с 1828 по 1862 год караногай-едишкульский народ нес особую повинность в виде доставки провианта с пристаней в продовольственные магазины².

Караногай управлялся на основании «Положения об инородцах» и особой инструкции, утвержденной наместником кавказским. В административном отношении он числился в военном ведомстве, и всеми правами по управлению этим приставством, как и в равной степени и другими областями Северного Кавказа, обладал начальник Терской области, а атаман кизлярского отдела пользовался правами «главного пристава» кочующих народов³.

Непосредственно в самом Караногое имелся начальник караногайского участка. Штаб его располагался в ставке Терекли-Мектеб.

Начальнику участка вменялся надзор за общественным управлением и хозяйственной жизнью караногайцев. Согласно «Положению об инородцах» на начальника участка возлагались следующие обязанности:

1) «ограждение и защищение пользы и выгод народа, направление оного к трудолюбию и промышленности»;

2) «внушение преимущества постоянного (оседлого) жительства как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее»;

3) «попечение о введении и умножении в обществах ведомства его доходов от таких статей, как для пользы общества могут быть изобретены»;

4) «наблюдение за расходами, за правильностью судопроизводства в местных судах, составление смет и представление их на рассмотрение общества»;

5) «по желанию обеих сторон он сам мог выступать в качестве судьи на основании местных адатов»⁴.

¹ Капельгородский Ф.О. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ Ф. 5. Оп. 1. - Л. 187-188.

² Там же. - Л. - 199.

³ Там же. - Л. 148.

⁴ Там же. - Л. 149.

Кроме начальника участка имелся целый штат работников: два помощника, народный казначей, кассир вспомогательной кассы, народный голова, 4 кубных и 3 аульных старшины, 13 десятников при старшинах, 19 дуванчиков (посыльных-переводчиков), 17 аксакалов (сборщиков податей), писарь с двумя помощниками и переводчик с помощником.

Кроме того, в Караногае существовал полицейский участок, в котором было 2 урядника и 10 казаков-охранников¹.

В 1910-1916 гг. был введен новый порядок общественного самоуправления. С этого времени все общественные должности в Караногае становились выборными. Выборы проводили 1 раз в три года на всенародном низаме. Выбирали народного голову, казначея, кассира вспомогательной кассы. Затем каждый куб, а их было 4 (нойманов, терков, кипчаков, минов), выбирал себе старшину, кадия, помощника казначея. И, наконец, каждое аксакальство (всего их было 17) выбирало себе аксакала (сборщика податей) и ахуна (духовное лицо). Таким образом, одновременно с должностными лицами баллотировалось и духовенство. Выбирали кадиев, имамов, наибов, ахунов, эфендиев.

Народный голова руководил общественным хозяйством, выпасами, покосами, распашками земель, собирал сходы. Народный казначей принимал от аксакалов и разъездных казначеев деньги.

Старшины находились в подчинении у народного головы. Они следили за порядком, за сбором налогов, возглавляли маслагатный суд.

Вообще в Караногае до 1917 года действовало два местных суда: шариатный (духовный) и маслагатный (гражданский). Возглавлял маслагатный суд, как было отмечено выше, старшина, ему помогало несколько авторитетных стариков. Этому суду подлежали: 1) иски на сумму до 30 и свыше рублей; 2) разбирательства неблагоприятных поступков, дела о кражах, грабежах на сумму до 30 руб. Дела о более тяжких преступлениях передавались на рассмотрение в окружной суд.

Маслагатный суд носил состязательный характер. И истец, и ответчик перед началом судебного разбирательства приносили судье присягу. Обе стороны могли представить свидете-

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. – Л. 146.

лей. Маслагатные разборы по гражданским делам чаще всего заканчивались миром.

Разбирал маслагатный суд и уголовные дела, в основном это были кражи. За кражи наказывали розгами и приговаривали к отсечению руки, но руку обычно не отсекали. Почти каждый маслагатный суд по уголовному делу выносил примерно такое решение: «Приговорили взыскать с него 50 рублей за быка, а чтобы и впредь ему неповадно было воровать, дать ему 50 розог»¹.

Маслагатные суды находились в ведении начальника участка. В случае неудовлетворительного приговора сторона могла подать апелляционную жалобу начальнику участка для пересмотра решения суда, а тот в свою очередь мог назначить новый суд в составе уже не одного, а нескольких старшин. Выигравшая сторона была обязана отблагодарить старшину. Помимо этого обе стороны платили судебные пошлины.

Шариатские суды рассматривали более широкий круг вопросов. Рассматриваемые дела обычно были связаны с регулированием семейно-правовых отношений, в большинстве случаев – с вопросами наследства. Шариатский суд состоял из одного или двух кадиев. При разборе дела судья руководствовался «Аль-кораном» и разными шариатскими книгами. Были случаи, когда рассматриваемый в суде вопрос не был предусмотрен нормами шариата, и тогда судья руководствовался адатами, выработанными обществом. Маслагатный и шариатский суды вполне удовлетворяли потребности общества в судопроизводстве и регулировали все стороны общественно-политической жизни того времени.

Кочевое общество ногайцев в XIX веке было патриархально-феодальным. Социальная структура ногайского общества была довольно сложной. В нем выделялось два основных класса: господствующий класс феодалов в лице султанов, князей, мурз и баев (к нему причисляются также представители духовенства (кадии, эфенди, муллы) и уздени); и эксплуатируемый – в лице полузависимых кочевых бедняков, простых ногайцев и патриархальных рабов (ясыри), байгушей, тарханов, чагаров.

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 168.

В исследуемый период практиковались различные способы присвоения феодалами прибавочного продукта ногайских крестьян. В одних случаях прибавочный продукт присваивался в форме помощи феодалу в его хозяйстве, ухода за его скотом (отработочная рента). Так, с трех семей взималось два воза сена и два воза дров или кизяка и с каждой семьи – по две мерки проса в пользу мурз. Взимался также «зекят» – десятая часть урожая в пользу духовенства. Кроме этого, ногайские крестьяне отбывали повинности и платили подати в пользу царской власти. Они заключались в виде выставления арб для перевоза казенного провианта, выставления конных «милиционеров» для кордонных постов, прямого налога на скот, воинского налога, подводной, конной, почтовой повинности¹.

Таким образом, только в Караногайском приставстве на 1916 год сумма общественных повинностей равнялась 37845 р. 05 коп.²

Основой хозяйства ногайцев являлось скотоводство. Разводили овец и коз, крупно-рогатый скот, лошадей и верблюдов. Скотоводство приносило немалый доход. Разведение скота для многих кочевников было единственным средством для существования. Скот обеспечивал продуктами питания и сырьем для изготовления одежды, обуви и т. д.

У ногайцев Ачикулакского приставства в разные годы насчитывалось скота:

Годы	Рогатый скот	Овцы
1829	15259	8452
1879	19187	55545
1902	23298	43302 ³

Более высоких результатов в разведении скота добились караногайцы. С середины XIX в. поголовье скота у них неуклонно росло:

¹ Кочкаев Б.-А.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX - начале XX века. - Алма-Ата, 1973. - С. 173-174.

² Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 169.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 67-68.

Годы	Верблюды	Рогатый скот	Овцы и козы
1862	—	39347	130000
1864	328	44726	158299
1876	461	28180	101960
1886	1200	23000	166000
1896	2112	23854	111000
1906	1061	36471	178669
1916	1259	38299	227000 ¹

В основном скот был сосредоточен в руках зажиточных ногайцев. Так из 6000 кибитковладельцев 255 человек, т.е. около 4%, имели 900 верблюдов (99 %), 10000 лошадей (70 %), 13400 рогатого скота (40 %), 90530 овец (55 %). На долю же остальных 5700 хозяйств приходилось 34 % всего скота, хотя они составляли 76 % всех кибитковладельцев. При этом 540 хозяйств, т. е. 9 %, совершенно были бесскотными².

Значительное место отводилось коневодству. Оно было одной из наиболее развитых отраслей хозяйства. На количество лошадей влияли различные социально-экономические и политические процессы, происходившие в России, а также погодные условия (чрезмерная засуха, холод). Так, в начале XIX века погибло три четверти лошадей у ногайцев Мелитопольского уезда. Резко упала численность табунов и у закубанских ногайцев от частых набегов русских экспедиционных войск³. Количество лошадей уменьшилось и у джембойлуковцев.

В 1824 году у них насчитывалось 7749 лошадей⁴, в 1885 году – 842⁵. И только в середине XIX в. численность их увеличилась до 3240⁶. У караногайцев и едишкульцев в 1812 году насчитывалось 22698 лошадей⁷, в 1850 г. – 15557, в 1892 г. – 18773⁸, а в 1914 г. – 16.600⁹.

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 191.

² Там же. - Л. 52.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 65.

⁴ ГАСК. - Ф. 249. ОП. 3. - Д. 167. - Л. 45-48.

⁵ Там же. - Д. 2385. - Л. 3.

⁶ Архипов А. Ногайцы // Кавказ. 1852. № 4.

⁷ АКАК. V. 1873. - С. 877-878.

⁸ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 190.

⁹ Там же. - Л. 190.

Другой отраслью хозяйства ногайцев являлось земледелие. Земледелием преимущественно занимались оседлые калаусо-джембойлуковские и калаусо-саблинские ногайцы, проживающие по левому берегу р. Кубань, где земли были более плодородны, что способствовало занятию хлебопашеством. Поля засеивали пшеницей, ячменем, просом, кукурузой, полбой. Так, калаусо-джембойлуковскими ногайцами в 1880 г. было засеяно различными злаковыми культурами 1855 четвертей земли, а в 1850 г. – 3265; калаусо-саблинские и баштово-кумские ногайцы в 1885 г. засеяли 1250 и в 1850 г. – 3070 четвертей земли. Хлебопашеством отчасти занимались и полуседлые ногайцы Ачикулакского приставства. В 1855 г. ими было засеяно 111 четвертей земли, а в 1850 г. – 278, в 1880 г. – 726. Даже аксайские и костековские ногайцы Дагестана с населением в 850 семей высеивали в год около 250 чувалов пшеницы и до 150 чувалов проса¹. К концу XIX в. землю начали обрабатывать и караногайцы. В 1906 г. в Караногое было засеяно 60 дес. озимой пшеницы и 162 дес. проса, а в 1916 г. просом было засеяно 655 дес., а озимой пшеницей 5016 дес. земли².

В 1845 г. кочующими народами Кавказской области было посеяно озимых хлебов 3272 четверти, снято 7151 четверти; урожайность была самая низкая, ниже, чем у государственных крестьян, у которых урожайность озимых составила у ставропольцев сам – 5, пятигорцев сам – 8,5 и кизлярцев сам – 5³. Караногайцы же собирали урожай от 25 до 60 пудов с десятины⁴. Низкие урожаи объясняются несколькими причинами: непригодностью земель для занятия земледелием, отсутствием опыта и навыков в хлебопашестве, примитивностью земледельческих орудий и многими другими.

Подсобными отраслями хозяйства являлись рыболовство и охота. Все добытое во время рыбной ловли и охоты шло на удовлетворение семейных нужд. Значительное место в экономике ногайцев занимали домашние промыслы. Хозяйственная

специализация ногайцев и ее полунатуральный характер способствовали развитию таких промыслов, как обработка шерсти, кожи, шкур, которые шли на приготовление сукна, полостей, войлока, шерстяных чулков, обуви и т. д. Изделия домашнего производства шли на удовлетворение собственных нужд и частично на продажу. Торговали обычно кожей, овечьей и верблюжьей шерстью, войлоками. Так, караногайцы сбывали шерсть в порты Каспийского моря, в Астрахань и выручали ежегодно от продажи шерсти – 108 000 руб., кож и овчин – 50 000 рублей¹. Калаусо-джембойлуковцы продавали шерсть в Ставрополе, Пятигорске и на линии до 5000 пудов. При средней цене шерсти от 50 до 75 коп. за пуд ногайцы могли получать доход до 30 тыс. рублей серебром². Но наибольший доход ногайцы получали от продажи лошадей и скота. В первой половине XIX в. средняя цена за одну голову скота составила: на лошадь – от 15 до 30 руб., рогатый скот – от 10 до 15 руб., овец – от 1 до 1,50 рубля и на верблюдов – от 75 до 100 и более рублей серебром³. Караногайцы ежегодно выручали от продажи лошадей около 168 000 руб., рогатого скота – 360 000 руб., овец – 420 000 рублей⁴.

В целом ногайцы Северного Кавказа ежегодно продавали около 2000 лошадей, до 6000 рогатого скота и до 15 000 овец. Верблюды поступали на продажу только на меновые дворы, главным образом в Тбилиси. В среднем же ногайцы от продажи рогатого скота получали в год дохода от 100 до 175 тыс. руб. серебром⁵.

Еще одной доходной статьёй ногайцев являлся кизяк, который использовался в качестве топлива: от его продажи ногайцы ежегодно получали около 1000 руб. серебром.

Караногайцы и туркмены занимались и добычей соды. В год они выжигали до 10 тыс. пудов соды, от продажи которой получали от 7 до 10 тыс. рублей серебром в год. Продавали в

¹ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 206.

² Забудский Н.Н. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. - СПб., 1851. - С. 178.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 116.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 206.

⁵ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 116.

¹ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 83.

² Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 202.

³ Кочкаев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 83.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 205.

большом количестве корень «кермекь», поставляемый на кожевенные заводы¹.

На вырученные деньги состоятельные ногайцы приобретали мануфактурные и бакалейные товары в мануфактурных и мелких торговых лавках, которых в начале XX в. у ногайцев насчитывалось более 40².

Но основная масса простых ногайцев не знала денег и приобретала необходимые товары у армян путем обмена на скот, шерсть, животноводческие продукты. По примеру армян, которым принадлежала почти вся внутренняя торговля в Ногайской степи, ногайцы начали постепенно приобщаться к торговле. Но количество торговцев из числа ногайского населения было весьма незначительным. Так, к концу XIX века ногайских семей, занимавшихся различной формой торговли, в Ставропольской губернии насчитывалось 88, в Дагестанской области – 14, в Кубанской – 46³.

Ногайцы, имевшие подводы и лошадей, занимались перевозкой грузов из Кизляра в Астрахань, в Ставрополь, Моздок и др. районы Северного Кавказа. Большинство ногайцев нанимались в пастухи к богатым ногайцам, батраками на виноградники к армянам в Кизляре и т. д.

Такова в целом картина социально-экономического и политического развития ногайского общества в XIX – нач. XX века. Изменения, произошедшие на рубеже двух эпох (в управлении, хозяйстве, экономике, быту), повлияли на развитие духовной культуры народа, особенности и своеобразие которой мы рассмотрим в последующих главах.

¹ Забудский И.Н. Указ. раб. - С. 178.

² Фарфоровский С.В. Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом // Журнал Министерства народ. просвещения. - СПб., 1909. № 12 - Ч. 24. - С. 196.

³ Кочеев Б.-А.Б. Указ. раб. - С. 117.

ГЛАВА II. СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Появление и распространение письменности у ногайцев нельзя отнести ко времени их окончательного формирования как отдельного народа (XIV в.), она появилась гораздо раньше.

Предки ногайцев – тюркские племена – уже с V века пользовались древнетюркским руническим алфавитом. С VIII века среди них стала распространяться уйгурская письменность¹. С принятием ислама, еще при хане Берке, приблизительно в 1254-1256 гг., среди населения Золотой Орды стала распространяться арабская письменность. О распространении арабской письменности среди простого населения свидетельствует найденная в 1961 г. в развале одного из зданий Нового Сарая левая лопатка быка типа *Bast'aurus* с надписью. Надпись сделана, как определил Э. Наджип, на кипчакском языке арабскими буквами и датируется серединой или третьей четвертью XIV в.²

На кипчакском языке свои грамоты и послания писали ногайские князья и мурзы.

Вот что по этому поводу писал Г. Перетяткович: «Князья и мурзы ногайские грамоты свои в Москву писали обыкновенно на своем языке, и оне для государя переводились толмачами в Посольском приказе»³.

Бумагу для ведения делопроизводства закупали в основном на Руси⁴. Иногда русские правители писчую бумагу посылали в подарок ногайским мурзам наряду с дорогими меховыми

¹ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994. - С. 45.

² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М., 1996. - С. 206.

³ Перетяткович Г. Поволжье в XV-XVI вв. - М., 1877. - С. 136.

⁴ Алексеева Е.П. Ногайцы // Очерки по истории Карачаево-Черкессии. Т. 1. - С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - Ставрополь, 1967. - С. 144.

шубами, шапками, сукнами, полотнами, драгоценной посудой, медом, вином¹.

Письменность была необходима не только для ведения дипломатической переписки с другими государствами, но и для делопроизводства внутри государства. У ногайского хана числился целый штат чиновников, занимавшихся делопроизводством. Это дуваны, которые помимо того, что выполняли различные дипломатические и финансовые поручения бия (хана), ведавшие дипломатической перепиской, встречей иностранных послов, были еще и секретарями при бие². Тока-дуван, другой придворный чиновник, отвечавший за обширное придворное хозяйство бия, встречу послов соседних улусов, организацию приемов у бия, ведал еще и канцелярией.

Кроме дуванов и тока – дувана, были чиновники и более мелкого ранга. Это афызы, которых русские источники часто называют дяками, бекшеи – писари³. Они занимались выдачей ханских тарханых ярлыков, указов-фирманов, подсчетом населения, войска, налогообложением, снаряжением и фуражом, учетом расходов казначейства на военные и государственные нужды⁴. Все это требовало знаний счета и письма.

Почти в каждом ауле был грамотей, который по просьбе простых кочевников составлял жалобы и прошения ногайским мурзам или представителям царской администрации⁵. Это подтверждают сохранившиеся документы (жалобы и прошения) ногайских крестьян и рабов.

У ногайцев были и литературные произведения. По содержанию они делились на религиозные, исторические, художественные, медицинские⁶.

¹ Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗИООИД. Т. XXIV, 1902. - С. 487.

² Кочкаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. - Алма-Ата, 1988. - С. 41-42.

³ Там же. - С. 87.

⁴ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 45-46.

⁵ Курмангитова А.Х. Бытование арабписьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1990. - С. 173.

⁶ Там же. - С. 162.

О бытовании у ногайцев письменных произведений писал Г. Прозрителев: «...Ногайцы имели свои литературные произведения, но это были рукописи»¹. Распространение рукописей среди населения происходило путем их переписывания. В начале XX века Корнис писал, что ногайцы имеют историческую книгу под заглавием «Таврик»². А из ногайских рукописей начала XX века мы узнаем, что в прошлом у ногайцев существовали исторические сочинения «Тарихи ногай» («История ногайцев») и «Таварихи – и – ногай» («Ногайские летописи») ³. В 1922 году А.-Х.Ш. Джанибеков, будучи в одной из экспедиций по Краснодарскому краю, в библиотеке ногайского арабиста муллы Ахмеда обнаружил «Канун» – свод законов жителей ногайского улуса Касайаул на арабском языке, защищавший частную собственность феодалов и регулировавший различные вопросы уголовного, семейно-наследственного права. Документ относится к XVIII – началу XIX века, ко времени распада Малой Орды. Можно предположить, что у каждого крупного улуса был свой свод законов⁴, который составлялся грамотными людьми, знавшими обычное право и основы шариата.

Распространению знаний об исламе среди ногайцев способствовали в первую очередь Коран как в рукописи, так и в типографском издании, а также отдельные его главы – «Ясин», «Маульт», «Андик» и литература религиозного характера: «Калам шариф», «Иман-шарты» (условия веры), «Иман-ислам», «Книга о рождении пророка Магомета», «Сорок священных преданий пророка Магомета», «Рассказы о пророках», «Тафсир» (комментарий к Корану в 4 тт.) и др. Большой популярностью у ногайцев пользовалась не только религиозная литература, но и научная. Такая, как по астрономии – «Иллоон», мусульманскому праву – «Тавзих и Тальвих», по астрологии, логике, фарма-

¹ Прозрителев Г. Печатное дело на Северном Кавказе (Ставропольская губерния) // Труды Ставроп. уч. Архивной комиссии. Вып. 2. - Ставрополь, 1910. - С. 1.

² Корнис М. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836. Ч. XXIII. - С. 4.

³ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 46.

⁴ Гымбатова М.Б. Из истории обычного права ногайцев (XVIII – начало XIX вв.) // Вестник ДНЦ. - Махачкала, 2001. № 10. - С. 110.

кологии¹. В этом плане справедливо высказывание академика РАН Г.Г. Гамзатова, что «через арабский язык проникала не одна религиозная схоластика, но и арабская словесность, произведения положительной научной мысли и литературы Востока»².

Помимо арабописьменной литературы у ногайцев бытовали книги на тюрки, татарском, турецком и кумыкском языках, переведенные с иранского. Так, у ногайцев бытует «Книга о звездах, земле, планете», «Книга о правильном чтении Корана», «Сокровищница мудрых изречений Абу Али Сина», «Светочи влюбленных», «Кабус намэ», учебники и учебные пособия по изучению арабского языка и др.

Большое распространение среди ногайцев получили книги на татарском языке. Это объясняется прежде всего общностью происхождения языков, обычаев татарского и ногайского народов. Так, у ногайцев до сих пор сохранились книги на татарском языке «Тысяча и одно предание», «Книга о сотворении мира», «Кисик баш китабы» («Книга об отрезанной голове»), «Бакырган китабы», «Рассказы о Ходже Насреддине», «Книга о знании», «Курс личного магнетизма», пособие по фотографии, «Правила общения», учебники и учебные пособия по арабскому и татарскому языкам, литературе, географии, арифметике, геометрии, а также календари, детская литература из серии «Балалар китап ханасы». Из книг на кумыкском языке у ногайцев сохранились «Абдурахман китаби» («Книга Абдурахмана»), «Сафар йолдаш» («Друг Сафар»), «Ибрахим-китаби» («Книга Ибрагима»)³.

Среди разнообразной религиозной литературы ногайцам были известны и христианские книги. Усилиями шотландских миссионеров в 1816 году на ногайском языке были изданы «От Луки святое Евангелие», в 1818 г. «Библия. Новый Завет» и «Великое славословие царя и пророка Давида», позднее напечатана «Книга псалмов» и «Книга бытия»⁴.

Широкой известностью пользовались различные справочные издания: «Арабско-тюркский словарь», «Арабо-персидско-татарский словарь», «Арабо-турко-татаро-русский разговорник»¹.

Ногайцы очень бережно и трепетно относились к книгам. Их любовь к книгам отразилась в следующих поговорках: «У мужчины есть два искусства: одно – застрелить и свалить врага, другое – открыть и прочитать книгу», «Акыр досын акыры – китаб» («Последний друг – последняя книга»), «Кой баккан тонь алар, китаб окыган билим алар» («Пасущий овец получит шубу, читающий книгу – знания»), «Яхшы китаб колдан – колга юрип тозар, яман китаб ятып – ятып шань болар» («Хорошая книга, переходя из рук в руки, порвется, плохая книга будет лежать пылиться»).

Одним из достоинств человека считалось умение читать книги. Так, в одной из эпических песен Эдиге, обращаясь к своему сыну Нурадину, хвалился, что «семь раз прочитал Алкорань книгу во имя Бога, семь раз проникал в тайны этой книги; по тридцать три раза постоянно повторял Славословие, по столько же раз повторял его при пятничном намазе в большой мечети», «...прочитал все четыре книги, полученные с неба: Библию, Псалтырь, Евангелие и Коран и, прочитав, поступал по требованию их»².

Авторитет написанного слова, книги, был настолько велик, что существовала клятва книгой «Китаптынъ хақына» («Книгой клянусь»). Об особенно убедительных словах человека говорили: «Слова его будто взяты из книги». Ногайцы читали и периодические издания. В местах совместного проживания с татарами ногайцы читали татарские газеты «Вақыт» («Время»), «Юлдуз» («Звезда»), «Ульфат» («Дружба»), женский журнал «Суюнбике», журнал «Терджуман» («Переводчик»), турецкий журнал «Мизан» («Весть»), «Савахъ» («Утро»), являлись подписчиками газет на арабском языке, издаваемых в Каире³.

¹ Курмансеитова А.Х. Указ. раб. - С. 163-164.

² Гамзатов Г.Г. Гамзат Цадаса. Жизнь и творчество. - Махачкала, 1983. - С. 51-52.

³ Курмансеитова А.Х. Указ. раб. - С. 174.

⁴ Курмансеитова А.Х. Библия на ногайском языке // Половецкая луна. - Черкесск, 1991. № 1. - С. 99-100.

¹ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 174.

² Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. - СПб., 1895. - С. 443.

³ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 46.

Распространению знаний среди населения способствовала широкая по тем временам сеть примечетских школ (мектебы, медресе). Почти в каждом ауле имелась мечеть, а при ней обязательно школа-мектеб. До поступления на обучение в примечетские школы дети уже дома получали элементарные знания об окружающем мире. С помощью взрослых дети узнавали о явлениях природы (о смене времен года, о выпадениях осадков, землетрясениях, паводках, наводнениях и т. д.), осваивали основы счета, метрическую систему, имели представления о народном календаре, основах народной медицины и ветеринарии. Все это постигалось путем наблюдений за окружающей средой, личного участия в трудовой деятельности взрослых, а также во время бесед-объяснений, рассказов родителей, родственников, людей старшего поколения.

Большое внимание взрослыми уделялось трудовому и физическому воспитанию детей.

Таким образом, прежде чем поступить в примечетскую школу, дети получали элементарные знания об окружающем мире, овладевали трудовыми навыками и были достаточно физически подготовлены.

История образования у ногайцев имеет давние традиции и глубокие корни. Еще в XV–XVI вв. ногайцы, проживающие в Поволжье, «обучали своих детей грамоте, а наиболее состоятельные предпочитали учиться в Крыму»¹.

В XVIII веке И.Г. Георги, посетив астраханских ногайцев отметил, что они имели «у себя 15 мечетей, изрядные школы»². Кубанские и астраханские ногайцы имели мечети в каждом ямагале (квартал), и каждый аул имел джума-мечеть, где собирались все мусульмане на молитву по пятницам и в праздники. У кубанских ногайцев в ауле Тохтамыс (Икон-Халк) было 5 мечетей, Ураковском (Эркин-Юрт) – 5 мечетей, Нижне-Мансуровском (Эркин-Халк) – 2 мечети³.

¹ Перетяткович Г. Указ. раб. - С. 146.

² Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав. Т. 2. О народах татарского племени. - СПб., 1799. - С. 30.

³ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 165.

В ногайских кочевьях на Молочных водах проживал 17401 человек в 43 селениях, и в каждом из них была мечеть (в кибитках)¹.

У оседлых ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештаво-Кумского приставства школы размещались в домах, где обучали татарской грамоте, а в некоторых и арабской². В ауле Канглы в конце XIX в. на 546 дворов приходилось 13 мечетей с мектебами³.

Степные ногайцы летом, во время кочевья, детей учили в «терме» (кибитке), и этот метод обучения в пути назывался «йолым», зимой учили детей в «ер казба» (землянка), которую утепляли и отапливали. Размещались мектебы и в домах. Так, в начале XX века в Караногае были известны «Алаш мектеп», «Маштак куйы мектеп», «Кобгелли мектеп», «Муьлкали ажи мектеп», «Куьн шырактагы мектеп уьй» (с куполом и минаретом)⁴.

Ногайцы уделяли большое внимание воспитанию и обучению детей. Каждый родитель, даже не очень состоятельный, считал своим долгом дать образование ребенку. Родители отдавали детей как мальчиков, так и девочек, в мектеб в семилетнем возрасте. Обучение мальчиков и девочек проходило совместно⁵. Хотя имеются сведения, что в некоторых духовных школах мальчиков обучал мулла, а девочек обучала и воспитывала жена муллы⁶. Девочки учились обычно 3-4 года – до 10-11 лет. С этого возраста девочка считалась уже невестой и должна была сидеть дома и помогать матери по хозяйству. Но и за этот короткий срок обучения девочки овладевали навыками чтения и

¹ Бентковский Г. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии // Ногайцы. - Ч. 1. - Ставрополь, 1883. - С. 39.

² Там же. - С. 84.

³ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1988. - С. 182.

⁴ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 166.

⁵ Апаньев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни // СМОПК. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 59.

⁶ Анастасиев А. О татарских духовных школах // Русская школа. 1893. № 12. - С. 129.

письма. Так, по сообщению Г. Ананьева, среди женщин-караногаек были знающие арабскую грамоту¹.

Срок обучения мальчиков был от четырех до шести лет. Бедные ногайцы старались обучать ребенка грамоте хотя бы год, в дальнейшем обучение зависело от способностей и желания самого ученика.

В мектебе ученики сидели перед учителем полукругом на полу, застланном войлоком. Урок начинался с хорового чтения молитвы. В начале обучения приступали к изучению алфавита. Учитель записывал букву на дощечке, показывал ее детям, затем дети записывали ее у себя на бумаге. Для удобства ученики под бумагу подкладывали специальные дощечки. Писали на бумаге чернилами (делали чернила из проса) гусиными перьями или тростником с заостренным концом. Чернила и чернильницы изготовляли родители или же сами дети².

Мулла следил за тем, чтобы ученики писали аккуратно, красиво и без ошибок, правильно держали перо в руках. Старательных учеников мулла хвалил, ставил в пример другим, нерадивых наказывал.

Когда ученик выучивал наизусть все буквы, приступали к чтению. Первой книжкой на арабском языке, с которой приступали к обучению чтению, была «Аптиеке». Изучив «Аптиеке», приступали к чтению Корана. Суры из Корана заучивались учениками наизусть. Далее изучались «Иман-Ислам Китаб», «Шурутиссалат», «Ильмильяль» и др.³ В мектебе детей не только учили писать и читать Коран, но и преподавали арифметику, географию, литературу. Особое внимание уделялось изучению столпов ислама, выполнению намаза, религиозных обрядов, правил поведения и правоверного мусульманина⁴. Мулла разъяснял, как вести себя с родителями, соседями, родственниками, что положено делать мусульманину и что недозволено и т. п.

Требования к учителю-мулле предъявлялись довольно высокие. Не каждый мулла мог стать учителем. Прежде всего, он

¹ Ананьев Г. Указ. раб. - С. 59.

² Там же. - С. 61, 62.

³ Там же. - С. 62.

⁴ Там же. - С. 62.

должен был быть человеком уважаемым, пользоваться авторитетом, обладать высокими нравственными качествами, иметь репутацию хорошего учителя. Прежде чем заняться педагогической деятельностью, начинающий учитель должен был получить от кадия положительные рекомендации как высоконравственный человек, знающий свое дело¹. Учителя делились на эфендиев и мулл. Эфенди – это начитанный, знающий все священные книги, опытный в деле обучения детей учитель. Мулла-учитель – это грамотный и знающий из священных книг главнейшее. Положение эфенди было выше и почетнее, нежели положение муллы².

Эфенди и муллы пользовались уважением и почетом у ногайцев и занимали высокое положение в обществе. Так, в народе говорили: «Кто не верит мулле, тот не верит в Аллаха» («Ким инанмайдыр моллага, оль инанмайдыр Аллаха»), «Кто не признает муллы, тот не признает Аллаха» («Ким бильмейдир моллады, оль бильмейдир Аллахды»), «Кто не любит муллу, тот не любит Аллаха» («Ким суймейдырь моллады, оль суймейдыр Аллахды») и т. д.³

С родителей учеников взималась плата за обучение детей. Плата с каждого ученика составляла в год два рубля денег и годовалый теленок⁴. Учитель обычно жил в маленькой пристройке около мечети. Пропитание учителя, обустройство его быта полностью лежало на родителях учеников. Обычно бедные ногайцы нанимали учителя для своих детей сообща, богатые же приглашали учителя отдельно для индивидуального обучения своих детей⁵.

После получения образования в примечетской школе-мектебе часть ногайцев продолжала обучать своих детей в медресе.

Для продолжения учебы многим приходилось выезжать из аула. Выезды за пределы родных мест в целях получения знаний

¹ Ананьев Г. Указ. раб. - С. 60.

² Там же. - С. 60.

³ Там же. - С. 61.

⁴ Там же. - С. 61.

⁵ Там же. - С. 61.

поощрялись населением. Так, в Коране говорится: «Ищите науку, если бы она и находилась в земле Китая. Кто отправится в путь с целью искания науки и знания, тому бог откроет пути к раю, и ангелы осенят его крыльями своими из уважения и почести к искателю»¹. В медресе обучались дети состоятельных родителей, хотя были случаи, когда в них обучались одаренные дети из бедных семей.

В Ногайской степи большой известностью пользовалось медресе Зармамбет-аьпенди, который после 20-летнего обучения в Турции в а.Терекли-Мектеб арендовал дом и открыл свое учебное заведение².

В 1888 году Молла Садык в Петербурге открыл медресе для обучения детей на ногайском, арабском и русском языках³.

В 1889 году Абдрахман Умеров открыл новометодное медресе в Астрахани, где для иногородних имелось общежитие. В это медресе приезжали учиться из Казани, Оренбурга, Поволжья, Казахстана⁴.

В медресе изучали арабскую грамматику, логику, курс мусульманского права, географию, астрономию. Учащиеся медресе свободно читали Коран и грамотно писали по-арабски⁵.

После окончания выпускники медресе становились муллами, эфендиями, кадиями, муфтиями. Для получения соответствующей должности необходимо было сдать экзамен по исламу и, согласно правилам об установлении образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания от 11 октября 1890 г., при определении высшего духовенства в городах требовали свидетельство о сдаче экзамена по русскому языку (письменно и устно), а от кандидатов на должность сельских мулл – свидетельство о знании ими русской разговорной речи и чтения⁶.

Таким образом, выпускники медресе были достаточно образованными людьми для своего времени.

Многие выпускники медресе выбирали педагогическую деятельность, преподавали в примечетских школах-мектебах и медресе, неся в народные массы достижения арабо-мусульманской культуры. Это было очень почетным и, самое главное, богоугодным делом. В одном из аятов говорится: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому бог даст спасение семидесяти святых»¹.

В начале XIX века национальные окраины были включены в состав России, что ознаменовало собой начало нового периода в истории образования и просвещения ногайцев. В местах их проживания появляются светские школы, где обучение шло, в основном, на русском языке. Так, в 1816 году по ходатайству графа Ланжерона в г. Ногайске Таврической губернии было открыто училище с двумя классами для обучения детей ногайцев. Открытие школы состоялось в 1826 году. В официальных документах ее именовали русско-татарской (ногайской) школой. В первые годы существования ее контингент не превышал и десяти человек. Только в начале 1830-х годов число учеников увеличилось в связи с организацией пансиона. В 1832-33 учебном году в ее стенах обучалось 23 ногайца, 6 русских, 2 армянина и 2 француза. В первом классе преподавали русский язык и арифметику, а во втором – письменный ногайский язык. Выпускники школы из числа ногайцев, как правило, становились волостными писарями в ногайских аулах².

В 1869 году в Ачикулаке была открыта русская школа для обучения ногайских мальчиков с пансионом. В 1904 году в ней обучалось 25 мальчиков, учителю русского языка платили 420 рублей, ногайского – 180 рублей в год³. Обучаться в этой школе было под силу только детям богатых ногайцев.

¹ Баязитов А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. - СПб., 1887. - С. 20.

² Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 168.

³ Там же. - С. 168.

⁴ Там же. - С. 168-169.

⁵ Каймазаров Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. - М., 1971. - С. 37.

⁶ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 169.

¹ Баязитов А. Указ. раб. - С. 21.

² Сергеев А. Ногайцы на молочных водах (1790-1832). Исторический очерк // ИТУАК. - Симферополь, 1912. № 48. - С. 58-60.

³ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 170.

В 1868 году было открыто одноклассное училище в ауле Канглы на реке Куме, а в 1877 году – в Мансуровском ауле Баталпащинского отдела Кубанской области¹.

В 1914 году в ставке Терекли-Мектеб было открыто кара-ногайское одноклассное училище с пансионом на 60 детей, с мастерскими и хозяйственными постройками. Пансион был оборудован лучшей мебелью, бельем, одеждой, пищей. Строительство пансиона обошлось по тем временам в 75 тыс. рублей².

Школы, созданные в ногайских аулах Северного Кавказа, назывались окружными и начальными и работали по специальному уставу.

В ногайских школах Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей преподавание велось по программе русских школ, но, в отличие от последних, дополнительно преподавалось мусульманское религиозное учение. Учителями в школах работали русские, ногайцы и представители других национальностей Северного Кавказа³. Школы располагались в хороших, светлых помещениях. Там учили писать, читать, считать. В число обязательных предметов входило и пение. Классы были оснащены необходимым инвентарем: имелись парты, скамьи, доска, мел, глобус, наглядные пособия. В конце XIX – начале XX века в Ногайской степи было достаточно много людей, получивших начальное образование в школах, умеющих читать и писать⁴.

Окончившие начальную школу принимались во второй класс уездных училищ и в гимназию⁵. В них обучались как мальчики, так и девочки.

В Астрахани в 1907 году ногайское общество «Джамияти-Исламия» имело 3 училища: 1-е мужское – в здании этого общества обучалось до 200 человек, 2-е женское – в доме Адельшинова по Старо-Заливной улице обучалось 200 девочек, и 3-е женское – в участке на Цареве.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 183.

² Капельгородский Ф.О. Карапогай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. - Ф. 5. Оп. 1. - Л. 42.

³ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 184-185.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 56.

⁵ Там же. - С. 184.

В 1908 году в г. Гурьеве было создано мусульманское общество, которое при содействии богатых мусульман открыло в городе пятиклассное училище для обучения детей ногайцев и киргизов¹.

После окончания училищ, гимназий многие ногайцы поступали в университеты России, Франции, Германии, где продолжали свое образование².

Ногайцы обучались и в высших мусульманских заведениях Крыма, Стамбула, Константинополя, Дамаска, Бухары, Самарканда. Так, Мухаммед-Зариф Алиев окончил в Казани медресе «Мухамадия» Шигана Марджани, Абдул-Хамид Курман Сеитов учился в Крыму, сыновья Карима Ходжаева, Абдрахмана Умерова, Абдрахмана Алиева, Исхак Хаджи, Мухамедрахима Эрэмбетова и Наджиб Гасри – в Константинополе, Аьжибекбер Джемакулов, Оьмирбек Киримов, Керим Нурмамбетов и др. – в Борагане, Щедрине, Яхсае, Темир-Хан-Шуре Дагестанской области³.

Среди ногайцев были видные ученые, общественные деятели. Среди них известный ногайский ученый и автор учебников арабского языка Абдрахман Умеров, преподаватель медресе «Галия» – профессор Булат Салиев. Мазгар Муртазаев преподавал в Багдаде, Стамбуле, Дамаске, был известен в странах Ближнего Востока, Поволжья и Средней Азии⁴.

Видным ногайским просветителем был Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков. Свою деятельность он начал в конце XIX – начале XX века. А.-Х.Ш. Джанибеков – автор первой ногайской азбуки, первых учебников на ногайском языке, первых русско-ногайских терминологических словарей, первой грамматики родного языка⁵. Им собран ногайский фольклор, написаны содержащие этнографические материалы труды: «Ка-

¹ Курмансеитова А.Х. Бытование арабописьменной... - С. 170.

² Там же. - С. 169.

³ Там же. - С. 168.

⁴ Там же. - С. 168.

⁵ Сикалиев А.И. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х.Ш. Джанибекова (1879-1955) // Просветители. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. - Черкесск, 1981. - С. 5.

раногайцы», «Мое жизнеописание», «Исторический очерк ногогайской литературы».

А.-Х.Ш. Джанибеков заложил основы ногогайской национальной драматургии¹.

Всю свою жизнь он отдал делу просвещения ногогайского народа, воспитанию учительских кадров для национальных школ.

Итак, народное образование у ногогайцев имеет многовековую историю.

Предки ногогайцев, тюркские племена, еще в V веке пользовались древнетюркским руническим алфавитом. С VIII века среди них распространяется уйгурская письменность, с принятием ислама ногогайцами (XIII в.) повсеместно использовалась арабская графика.

Многочисленные грамоты ногогайских мурз, дипломатическая переписка между русскими князьями и ногогайскими мурзами, исторические и литературные памятники свидетельствуют о наличии письменности у ногогайцев.

Система образования имела следующую структуру.

Первая, начальная ступень образования – это примечательные школы-мектебы. В них учили читать и писать, изучали основы ислама. Вторая, более высокая – медресе. Там учащиеся получали помимо религиозных знаний и разносторонние светские. Они изучали астрономию, географию, философию, логику, арифметику и т. д. Выпускники медресе при желании могли поступить в высшие духовные учебные заведения как в России, так и за ее пределами.

В начале XIX века в местах проживания ногогайцев появляются светские школы, где обучение проходило на русском и ногогайском языках. Выпускники светских школ поступали в уездные училища и гимназии. Наиболее одаренные после окончания гимназии становились студентами высших светских учебных заведений г. Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и др.

¹ Керейтов Р.Х. А.-Х.Ш. Джанибеков - этнограф // Просветители. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. - Черкесск, 1981. - С. 31.

В XIX – начале XX века из ногогайской среды выделилась целая плеяда высокообразованных людей. Среди них были и известные ученые, общественные деятели, журналисты, просветители.

Коренные изменения в системе образования произошли только после победы Октябрьской революции. Все детское и взрослое трудоспособное население было охвачено всеобучем, и через несколько лет в Ногогайской степи почти не осталось неграмотных людей.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Одной из составных частей традиционной духовной культуры является устное народное творчество, представленное различными фольклорными жанрами. Это героический эпос, календарно-обрядовый фольклор, семейно-обрядовый фольклор (свадебные песни, здравицы, похоронные плачи, благопожелания, проклятия), произведения народной прозы (сказки, легенды, предания, рассказы), паремиологический жанр (поговорки, загадки), детский фольклор. Являясь в большинстве случаев продуктом индивидуального творчества, фольклор, попадая в народные массы, обрабатывался, обрастая новыми деталями, и в результате приобретал черты коллективного творчества.

В произведениях устного народного творчества прослеживаются мировоззрение, миропонимание, нравственно-этические идеалы народа, различные стороны его жизни и быта, представления о добре и зле, благородстве и справедливости, дается народная оценка многим событиям и человеческим поступкам.

В фольклоре отражена многовековая история духовного развития народа, выражены его мечты и чаяния, философия, взгляд на прошлое и настоящее, вера в светлое будущее¹. Вместе с тем, отражая особенности и своеобразие социально-экономических условий, быта, присущие данному народу и отличающие один народ от другого, в нем имеются схожие сюжеты, что подтверждает теорию о взаимопроникновении и взаимообогащении культур. В этом плане устное народное творчество ногайцев не является исключением. Имея свои отличительные особенности, устное народное творчество ногайцев несет в себе черты, характерные многим тюркоязычным народам, а, находясь в непосредственном контакте с народами Северного Кавказа, – и отпечаток северокавказской духовной культуры.

¹ Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 5.

В устно-поэтическом творчестве ногайцев одно из центральных мест занимает героический эпос. Ногайский героический эпос был создан относительно поздно – в XIV – XVII вв., т. е. после того, как сложилась ногайская народность и государственность, когда социальное развитие и классовое расслоение ногайского феодального общества достигли значительных высот. Эпические произведения ногайцев в основном имеют стихотворную форму. Хотя встречаются образцы, где стихотворная форма сменяется прозой. Героический эпос ногайцев отличается своей реалистичностью. В нем отразились основные исторические этапы становления и развития Ногайской Орды, ее распад на Больших и Малых ногаев, междоусобные войны ногайских мурз¹.

Идея создания ногайского государства зарождается в начале XIV века, и одним из самых ярких эпических произведений этого периода является «Сказание об Идиге», составленное, по-видимому, по заказу самого Эдиге, основателя Мангытского юрта (1391 г.). (Сделано это было прежде всего для обоснования своего господства в Орде, т. к. Эдиге и его потомки не принадлежали к роду чингизидов, а потому и не могли называться ханами.) «Сказание об Идиге» начинается с описания происхождения и детства Эдиге. В основе эпического сказания лежат подлинные исторические события, относящиеся к концу XIV – началу XV в., начальному периоду политического раскола Золотой Орды и утверждения на Востоке новой мировой державы Тимура (Тамерлана) с центром в Средней Азии. В центре внимания находятся распри между Эдиге и Тохтамышем. В поэме Тохтамыш представлен врагом народа и потому все действия Эдиге против Тохтамыша оправданы. Эдиге выступает защитником интересов ногайского народа. Эти события действительно имели место и подтверждаются сведениями летописцев, современников известных событий. В зависимости от круга своих территориально-политических интересов, национальных и политических пристрастий и оценок они описывают ту или иную часть событий с различной степенью полноты и объективности,

¹ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994. - С. 79.

но в целом критическое сопоставление источников позволяет восстановить довольно полную картину всей совокупности событий, послуживших основанием для развития эпического сказания¹. Сказание об Эдиге бытует у казахов, каракалпаков, кочевых узбеков, туркмен, башкир, у тюркских народов степного Крыма и Южной Сибири (сибирских татар и горных алтайцев), что указывает на их общие генетические корни².

Наиболее ранним из ногайских эпосов, посвященным событиям периода правления золотоордынского хана Джанибека (сер. XIV в.), является эпическое произведение «Батыр Амит, сын Айсыла». В поэме ярко отражаются классовые противоречия, борьба за уничтожение социальных привилегий. С периодом правления хана Джанибека связано и эпическое сказание «Отважная Ян-Бикеш». В центре произведения – образ богатырши, несколько напоминающий дагестанских Максуму и Парту Патиму³. Во всех вариантах этого произведения народ рисует героический образ девушки Ян-Бикеш, славит ее как героя, изображает ее храброй, отважной, бесстрашной защитницей Родины.

Среди богатырских поэм о борьбе ногайцев с иноземными захватчиками можно выделить такие, как «Манашы», «Адиль-Солтан». Идеи патриотизма и защиты Родины от внешних врагов, национальной гордости преобладают в этих произведениях.

Период XV–XVII вв. в истории ногайского народа известен как «богатырский век ногайцев» и является эпическим временем былевой поэзии. Поэмы «Мамай», «Ормамбет», «Сорок ногайских богатырей» относятся к разным эпохам ногайской истории и отражают различные события. Однако при всем различии остается и нечто общее: их связывает общая идея осуждения кровавой междоусобной войны князей, стремления к единению ногайской земли. Положительные герои поэм хорошо понимают всю пагубность взаимной вражды мурз, которой пользуются враги ногайского народа. Эти поэмы сложились в

¹ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - Л., 1974. - С. 360.

² Там же. - С. 351.

³ Аджиев А.М. Героико-эпические сказания и песни // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 39.

Западном Казахстане, на территории Младшего жуза (Малой Орды), где в этот период происходила особенно ожесточенная борьба с родственными и иноплеменными соседями. В процессе этой борьбы в состав казахов Младшего жуза вошли в значительной степени и ногайцы, находившиеся на протяжении всего XV и XVI в. в теснейшем общении с родственными им казахскими племенами. По свидетельству казахских историков, «в памяти народа сохранился период «ногайлы», т. е. тесного сближения казахов и ногайцев, который запечатлелся как период расцвета Казахского ханства». В результате этих обстоятельств сказания о ногайских богатырях заняли прочное место в составе казахского героического эпоса, а в конечном счете и остальные исторические сказания этой группы оказались перенесенными в идеальное героическое прошлое «века ногайцев»¹.

Особого внимания заслуживает и эпическая поэма «Мамай». В ней повествуется о событиях, происходящих в XVI в. Семейные распри и междоусобные войны между сыновьями ногайского хана Мусы разоряют Ногайскую Орду. В центре внимания находится Мамай, призывающий к единению страны. Здесь Мамай выступает как мудрый и сильный правитель, которого боятся враги. Во времена правления Мамаю в Орде наступает период стабильности и спокойствия, прекращаются междоусобные войны.

Далее в поэме описаны исторические события, происшедшие в Ногайской Орде после смерти Мамаю². Со временем правления Мамаю связана и поэма «Эр Таргыл». В ней описаны подвиги ногайского богатыря Таргыла, совершаемые им во имя свободы и независимости Родины³.

Итак, в ногайском героическом эпосе представлен путь становления и развития ногайской государственности, стремление народа к единению. В нем в полной мере отражен патриотизм народа, его героическая борьба за независимость, за светлое будущее.

¹ Жирмунский В.М. Указ. раб. - С. 392.

² Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Указ. раб. - С. 71-72.

³ Там же. - С. 71-74.

В эпосе нашли отражение государственные институты, существовавшие в Ногайской Орде, общественный строй ногайцев, ярко представлено социальное неравенство и классовые противоречия.

В полной мере в эпосе отображен и духовный мир ногайцев. За политическими перипетиями и ратными подвигами ногайских батыров прослеживаются веками создаваемые морально-этические нормы, нарушение или неприятие которых осуждалось обществом. Народ презирал трусов, предателей, негодяев, относился к ним с отвращением. Супружеская верность, любовь к родителям воспеваются в эпосе с не меньшей силой, чем ратные подвиги батыров.

Эпические произведения имели большое воспитательное значение. Наполненные житейской мудростью, они воспитывали в людях лучшие человеческие качества, помогали в нравственном становлении молодого поколения. Помимо этого, героический эпос нес и познавательную нагрузку. С помощью эпических сказаний люди узнавали историю своего народа, о его героическом прошлом, воссоздавали хронологию исторических событий, давали им оценку. Героические песни, сказания несли в массы большой заряд жизненной энергии. Многие из них люди знали наизусть. Их исполняли на всех торжествах. Исполнителей героических поэм называли «йырау». Наиболее известными певцами прошлого являются Коркут, Шезбаян, Балашык улы, Кет-Буга Найманлы, Сыбра, Жиренше Шешен.

В довоенные годы в ногайских степях прославились своим исполнением героических песен Муса йырау, Касым, Идрис Исхак улы, исполнявшие цикл поэм «Сорок ногайских богатырей»¹.

Одним из наиболее крупных пластов устного народного творчества является семейно-обрядовый фольклор. Он сопровождал все важные события человеческой жизни, такие, как свадьба, рождение ребенка, похороны.

¹ Сикалиев А.И.-М. Устное народное творчество ногайцев (к характеристике жанров) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Жанр и образ. - Черкесск, 1988. - С. 42.

Большое место в устном народном творчестве ногайцев занимает свадебный фольклор. В нем отражены основные этапы свадебного обряда: сватовство («айттырып келуьв»), помолвка («айттырув»), малая свадьба («кишкой той»), передача калыма, большая свадьба («уллы той»)¹. Перечисленные этапы сопровождались песнями – это свадебные плачи, прощальные, величальные песни, здравицы и т. д.

Брак у ногайцев был экзогамным. Экзогамия распространялась на всю фамилию до шестого поколения. Жители аула в основном принадлежали одному тухуму, и потому в большинстве случаев девушек выдавали замуж в другой аул, требуя за нее большой калым. Таким образом, многие семьи, где рождались девочки, обогащались. Так, родителей новорожденной девочки поздравляли со словами: «Кырк туварынъ хаирлы болсын» («Поздравляю тебя, и 40 быков пусть пользу тебе принесут»), т. к. за невесту семья жениха выплачивала калым скотом. Этому мы находим подтверждение в колыбельной песне:

Кызым, кызым, кыз тана
Кызымнан келер юз тана,
Юзеви де ак тана
Атасы тура мактана.
Айди, айди айдиав
Айди, айди кызымав.

Дочка, дочка – телочка,
От дочки мне сто телят,
Сто телят все белые,
И отец стоит хвастается.
Айди, айди айдиав
Айди, айди доченька.

Не каждая семья могла уплатить столь высокий выкуп, и многие ногайцы женились в возрасте 30-40 лет².

Нередки были случаи выдачи замуж за старого, нелюбимого. По сведениям И. Бентковского, «были и главы семейств в 60 лет, имеющие 16-летних жен»³. Как правило, девушку выдавали замуж без ее согласия.

¹ Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX – нач. XX в. - М., 1979. - С. 75-76.

² Там же. - С. 57.

³ Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-мусульман, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. - Ставрополь, 1883. - С. 110-111.

Так как зачастую замуж выдавали против воли невесты, были известны случаи, когда девушка решалась на отчаянный шаг. Не смирившись с такой участью, девушка кончала жизнь самоубийством.

Терезеден куьн шыкты	За окном уж рассвело,
Куйдум Аваим!	Я сгорела, мама!
Шешекейли бавум ашылды	Расцвели цветы в саду,
Оьлдым Аваим!	Умерла я, мама!
Акъ тонынны ягъасына	С белым воротом шубы,
Неттим Аваим!	Что я надела, мама!
Акъ сутынды халал эт	Твое белое молоко
Кеттим Аваим!	пусть пойдет мне впрок, И ушла я, мама!

В большинстве случаев свадьба была радостным событием для обеих сторон. После сговора родителей жениха и невесты назначался день сватовства, обговаривались условия передачи подарков и назначался день свадьбы.

В условленный день свадебная процессия направлялась к дому невесты. У ворот дома невесты инсценировалась борьба с приехавшими, которые как бы старались ворваться в дом, а родственники невесты, в том числе ее отец и мать, с палками и кольями в руках препятствовали им в этом. Наконец, сторона жениха платила выкуп деньгами, и «борьба» прекращалась.

Когда все «препятствия» были преодолены, гостей приглашали в дом¹. И тут происходил церемониал обмена приветствиями в форме поэтического состязания.

Главный сват говорит:

Что синее там красиво?
Там синее пруд, яр-яр!
Молодые пусть счастливо
Век свой проживут, яр-яр!
Кто жуе листочки ивы?

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 89.

Молодой верблюд, яр-яр!
Молодые пусть счастливо
Век свой проживут, яр-яр!

На его приветствие сестра невесты отвечала так:

Вам, о сваты дорогие,
Рады мы сейчас, яр-яр.
В этот час мы не впервые
Речь вели о вас, яр-яр.
Мы приданым вас богатым
Удивим сейчас, яр-яр.
Мы сейчас покажем сватам
Бархат и атлас, яр-яр.
Нам не жалко для невесты
Красного сукна, яр-яр.
Средь подруг, своих ровесниц,
Ласточка она, яр-яр.

В ответ на слова сестры невесты сват отвечал:

На возах найдется место,
Каждый воз тяжел, яр-яр.
Если ласточка – невеста,
То жених – орел, яр-яр!

В это состязание вступала и сестра жениха. Ее слова были обращены к свату:

Милый сват, тебе я рада,
Выходи вперед, яр-яр.
Вот я шарик винограда
Положу в твой рот, яр-яр.
В дверь платочек мы протянем,
Кто его возьмет, яр-яр?
Пусть по очереди станем,
Кто звучней споет, яр-яр¹?

¹ Песни народов Северного Кавказа. - Л., 1976. - С. 297.

После словесных состязаний, которые могли продолжаться долго, гостей усаживали за праздничный стол, угощали, развлекали музыкой.

Когда наступало время отъезда гостей и невесты, начинался ритуал прощания девушки с родителями. Невеста с плачем бросалась к матери. В песне, обращенной к отцу, звучали обида и упреки:

Айланайым, куват, элинънен,
Ак кув ушсын коблинънен,
Ак кувлайын занъыран
Кеттим, куват, элиннен.
Етегеним ети юлдыз еттим, акам,
Авырмалынъ менде болса, кеттим, акам
Яз келуъвим, кыс келуъвим койман, акам,
Аъвелгидинъ бир куъниндей болман, акам.
Эсигим алды татавыл,
Ойнаганым ят авыл,
Ак буъркеншик яр суъйреп
Мен де болдым ят авыл.

Обойду я твой родной аул,
Пусть белая лебедь улетит с твоего озера,
Как лебедь, издав звон,
Ушла я из своего родного аула.
Я до Большой Медведицы дошла (выросла), отец,
Если я была для тебя в тягость, я ушла, отец,
Летом, зимой навестить дом не забуду, отец,
Но не стану такой, как прежде, отец.
У порога моего – канава,
Попаду в чужой аул.
Белым покрывалом волоча по земле,
И я стала чужой, из другого аула¹.

После прощания с родителями невесту усаживали на красиво украшенную свадебную арбу и везли в дом жениха. По до-

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 91.

роге подруги невесты пели песни. Они могли быть шуточными, как, например:

Эки ястык, бир тосек	Две подушки, один матрац
Котеригиз аркъагъа,	Взвалите на спину,
Келин алып келемиз	Невесту мы везем
Тамирландегъен манкъагъа.	Курносому Тамерлану.

Или же величальными. В таких песнях подруги подчеркивали обаяние невесты, богатство ее украшений, которыми обычно увешивали свадебное платье. К рукавам платья пришивали серебряные монеты, колокольчики. Грудь невесты украшала подвеска (мойтумар)¹, тонкую талию подчеркивал серебряный пояс.

Наша невеста обаятельна, яри-яр!
На груди красивые украшения, яри-яр!
На руках браслеты, яри-яр!
А колечко очень тонкое, яри-яр!
Колечко упало в родник, яри-яр!
Серьги малы для ее ушей, яри-яр!
Мы – девушки, юноши – идем, яри-яр!
К жениху домой в гости, яри-яр²!

В доме жениха невесту и гостей встречала будущая свекровь, родственники. Мать жениха поздравляла невесту с приходом в новый дом, желала ей счастья, здоровья, много детей, достатка.

На свадьбе произносили многочисленные пожелания, поздравления. Вот одно из благопожеланий, произносимых в адрес невесты в момент ее приезда в дом жениха.

Келин кирсин, кыз шыксын,
Кынъгыр кирсин, туъз шыксын,
Бизге келген келин

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 167.

² Халилов Х.М. Народы Дагестана // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. - Махачкала, 1985. - С. 37-38.

Хайырлы аягы ман,
Наьсиби ерден шыккан оьлендей,
Кокктен явган ямгырдай болсын,
Экевининь бавы бек болсын,
Оьмирлери узак болсын
Сыйырлары суьтли болсын,
Оьгизи куьшли болсын,
Аты шапкыш болсын,
Алганы тапкыш болсын,
Наьсиби артык болсын¹.
Невестой войдет, девушкой выйдет,
Кривой войдет, прямой выйдет,
Невеста, пришедшая к нам
С счастливой ногой будет,
Счастья пусть будет столько,
Сколько травы на земле и дождя с неба.
Жизнь пусть будет долгой,
Пусть коровы будут молочные,
Быки сильные,
Кони быстрые,
Чтобы умелой была
Счастья вдоволь было.

Благопожелания в адрес жениха и невесты звучали и в свадебных здравицах. Так, в старинной ногайской здравнице поется:

Пусть дом этот будет счастлив и богат,
Достаток его прибудет.
Пусть по верблюжонку вам народят
Все восемь ваших верблюдиц!
И пусть удой их будет неплох,
Чтобы доили их восемь снох!
Пусть изобилье пошлет вам творец.
Пусть будут возы от поклажи тяжки.
Рождаются пусть у ваших овец
Только двойняшки.

¹ Джанибеков А.Ш. Указ. раб. - С. 72.

Этому дому, бог наш Кудай,
Кипчакских кобыл во множестве дай!
Пусть будет угодно тебе и сподручно
Устроить все так, чтоб сбылась их мечта.
Чтобы счастливо на пастбищах тучных
Паслись все четыре вида скота.
Пусть счастье придет, пусть плукает недолго,
Пусть будет проворным, как перепелка.
Пусть дом удача не покидает.
Пусть здесь не знают недобрых вестей.
Пусть в этом доме не иссякает
Вовеки хлеб-соль для желанных гостей¹.

Из текста здравицы видно, что достаток дома связывают с увеличением поголовья скота. В здравнице прослеживаются следы религиозных представлений ногайцев. Так, просьбы и мольбы о благополучии новой семьи обращены к древнетюркскому богу Кудая. Упоминается также и один из древних обычаев ногайцев - обычай гостеприимства.

Итак, анализируя свадебный фольклор ногайцев, можно утверждать, что свадьба – это один из важных этапов в жизни человека. В свадебных песнях, здравицах отражены мечты и чаяния людей, их представления о лучшей жизни.

Благопожелания, сказанные молодым, должны были стать залогом их счастливой семейной жизни. Люди издавна верили в магию слова, в его чудесную преобразующую силу. С помощью слова люди пытались изменить судьбу в лучшую сторону. Одной из таких попыток были свадебные песни, здравицы, благопожелания.

Самое раннее знакомство человека с устным народным творчеством происходило через колыбельные песни. Они являлись средством воспитания через приобщение ребенка к человеческой речи, знакомства с окружающими людьми, предметами. Созданные женщиной-матерью и предназначенные для усыпления ребенка, они отразили не только глубокое чувство материнской любви, свойственное женщинам всех народов и времен, но

¹ Песни народов Северного Кавказа. - Л., 1976. - С. 295.

и многовековой опыт народа по воспитанию детей¹. Колыбельные песни успокаивали ребенка, голос женщины создавал атмосферу покоя, уюта, защищенности. Песни были пронизаны любовью к малышу. Их пели детям мамы, бабушки, тетки. Женщины исполняли колыбельные песни, в основном те, что сложили сами. В них отражались самые заветные желания, надежды, связанные с воспитанием ребенка и его будущим. Колыбельные песни содержали много своеобразных, удивительно ярких сравнений и эпитетов, порой свойственных только этому жанру народной лирики.

Так, в колыбельной песне поется:

Меним бебем ап-пак	Мой малыш беленький-беленький,
Ак пыслак тай,	Как сыр, как сметана,
Суттен шыккан каймактай	Как белый сыр, золотце,
Ак пыслак тай алтынным,	Как фрукты в саду,
Бавда биткен емисим	которыми не насытишься.
Адам ашап тоймастай.	

Такие сравнения наблюдаются в колыбельных песнях и у других народов Дагестана. Например, девочку сравнивают с «вишней из Голотля», «тиндинской фасолью», ароматной грушей, красным яблочком, гранатом, орешком, мальчика ласково называют зайчиком, медвежонком, волчонком, голубем, беленьким ягненком, чернооким орлом². По мнению исследователей, наделение ребенка различными эпитетами в колыбельных песнях без произнесения имени оберегало его от сглаза, что является отголоском культового запрета³.

В колыбельных песнях нашли отражение и повседневные домашние занятия женщин.

Так, в колыбельной песне мальчику поется:

Лаъв-лаъв, бала, лаъв, бала,	Баю бай, дитя, баю бай,
лаъв, даъв болса, не бола	

¹ Мусаева М.К. Хваршины XIX - нач. XX в. - Махачкала, 1995. - С. 114.

² Абакарова Ф.З. Детская поэзия // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 219.

³ Там же. - С. 212.

Айланайым, кетейим,
Актан каптал этейим,
Кокьктен туъйме туъейим...

Вокруг тебя обойду, пойду,
Из белого тебе бешмет сошью,
Из синего пуговку пришью...¹

В колыбельных песнях нашло отражение и социальное неравенство, существовавшее в ногайском обществе в исследуемое время.

У меня сыночек родился,
В красную рубашку нарядился,
Снял сыночек мой свою обновку
И сушить повесил на веревку.
Проходила мимо дочка бая,
Заспешила, глаз не поднимая.
Дочке хана проходить случилось,
Глянула она и рассердилась.
Проходила дочка бедняка –
Полюбила моего сына².

Или:

Кедем, кедем, кеделес,
Кеделер мен тоъбелес,
Тоъбеге барып мал уълес,
Тоъмен барып кыз тилес,
Тоъмен бай кызын бермесе,
Уъйин артын барып тес³.

Сынок, сынок, сыночек,
С мальчишками дерись,
На холме скот раздай,
В низину сойди, девушку попроси,
Если местный бай дочь не отдаст,
Сзади дом его разрушь (имелось в виду продырявь юрту – М.Г.).

В колыбельных песнях представлен и женский взгляд на любовь, дружбу, представления о счастливой жизни.

Итак, колыбельные песни отличаются задушевностью, т. к. в них в полной мере проявляется безграничная материнская любовь. В них женщина-мать выражает все свои надежды и

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 113-114.

² Песни народов Дагестана. - С. 448.

³ Ай, Айданак: Народные колыбельные и детские песни. / Сост.: С. Батыров. - Махачкала, 1990. - С. 88.

чаяния, мечты о том, какими она хочет видеть своих детей. В колыбельных песнях мать представляет сына будущим героем, защитником Родины, храбрецом, тружеником, красавцем-удальцом, наделенным высокими нравственными качествами, а дочь – спокойной, тихой, трудолюбивой красавицей.

Помимо всего, колыбельная песня несла определенную воспитательную функцию, являлась первой ступенью в музыкальном развитии ребенка.

Одним из древних и наиболее немиграционных жанров устной народной поэзии является похоронный плач¹.

Плач – это выражение скорби по умершему в стихотворной форме. Плач-прчитание ногойцы называют «бозлав». У ногойцев по усопшему причитали громко, так, чтобы его услышали соседи, родственники и жители соседнего аула. Обычай требовал участия в оплакивании и причитании всех родственников и даже посторонних.

Среди ногойских женщин были профессиональные плакальщицы, которых специально приглашали для оплакивания покойника. Когда роль плакальщицы выполняла посторонняя женщина, родственницы должны были прекратить свои причитания и молча ее слушать². Узнав о жизни усопшего от родственников, плакальщицы слагали причитания.

Они были построены в форме обращения к покойнику: почему он покинул их, на кого оставил родителей, жену, детей и т. д. Покойники наделялись высокими нравственными качествами, даже если они ими не обладали при жизни. В плачах передавались безутешная боль, переживания родственников по усопшему, особенно если из жизни уходили молодые люди.

Так, в плаче по молодой девушке воспеваются ее красота, молодость, те украшения и предметы, которые окружали ее при жизни.

Ах-хай, кызым, ай, бебем....
Касы яйлай керилип,

Ай-хай, доченька, ай, дитя...
Брови твои, словно лук,

Кирпиги окътай тоьгилип,
Юзик касы йылтырып,
Алтын кусак сылтырып.

Ресницы – стрелы – позумент,
Камень на кольце твоём светит,
Золотой пояс звенит.

В плаче по безвременно ушедшему юноше приводятся другие сравнения.

Хан ялалы, бий сынлы
Илгери банкан тилекли,
Ийиллиген темирдей,
Ат басындай юреккли.
Аюв сынла ол оьзи,
Батыпир биткен билеккли,
Адаганда акыл табаган,
Алты юртка ол оьзи,
Кайтнай карсы шабаган,
Яз куьниндей яйнаган.
Яв коьргенде ол оьзи
Эки коьзи кайнаган¹.

С ханским размахом, с бийским станом,
Дальновидный, негнущийся, как железо.
С сердцем с голову коня.
С медвежьей силой,
Богатырской хваткой.
В трудную минуту решение находящий,
На шесть юртов (аулов) выходящий один.
Не отступающий никогда.
Как летний день, ясный.
При встрече с врагом
Глаза закипали.

Молодую хозяйку дома в плаче изображали щедрой, хлебосольной, называли княжной, красавицей и т. д.

Бийкелердинъ бийкеси,
Бийик тактынъ иеси,
Тастарын орай салынган,

¹ Халилов Х.М. Поэзия скорби // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 168-170.

² Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 128.

¹ Ногойские народные песни / Сост.: С.А. Калмыкова. - М., 1969. - С. 115-116.

Тамагынынъ астыннан
Ишкен асы коьринген
Тувмагалы уьйдинъ иеси,
Толгысыган коьп наьвметтинъ маьнеси...¹
Среди княгинь княжна,
Высокого трона хозяйка
В красиво накинута платке.
Через горло видно то, что ела.
Прекрасного крыльца хозяйка,
Хозяйка всего добра...

Создавали похоронные плачи исключительно женщины. Оплакивали усопших как женщины, так и мужчины, каждый в своем кругу.

Итак, несмотря на представление мусульман о загробном мире, как о лучшем, вечном, смерть близкого человека воспринималась людьми болезненно. Проводы в мир иной сопровождалась плачем, в котором родственники усопшего выражали всю скорбь и горечь утраты.

Другим жанром в устном народном творчестве являются сказки. Они занимают особое место в устном творчестве ногайцев. В них отражены мировоззрение народа, его миропонимание и представления о справедливости, о светлом будущем. Герои сказок наделены лучшими человеческими качествами: храбростью, честностью, благородством, готовностью прийти на помощь слабому, беззащитному, любовью к Родине и т. д.

Сказки любили слушать не только дети, но и взрослые. Обычно их рассказывали вечером, когда старшие завершали все работы по хозяйству.

Почти в каждом ауле был старик или старуха, которые знали много сказок. У рассказчиков собирались не только соседи, но иногда и половина аула. Многое зависело и от умения рассказчика интересно и красочно преподнести сказку. В этом ему помогали интригующие захватывающие зачины, уводящие слушателя в далекие, почти «сказочные времена». Например: «В давние времена, когда пшеница росла на льду, а просо – на кам-

не, когда ханская дочь была кадием, а скворец – колдуном, в той стороне, где встает солнце, жил богатый хан». Или: «В давние-давние времена, когда козы ходили толстыми, когда из черной воды сметану получали, а сухое дерево фрукты давало, лебеди без крыльев летали, а воробей жил в воде, когда жаворонок был иноходцем, быстрым, как поток, жил один старик».

Рассказывание сказок – это одна из форм проведения досуга. Нередко вечерами у рассказчика люди делились новостями, обсуждали чьи-то поступки и, как правило, итогом этих разговоров была сказка, в которой как бы преломлялись события реальной жизни и оценивались поступки людей.

Сказки всегда несли в себе нравственную, этическую нагрузку, и из них каждый слушатель извлекал для себя урок.

Ногайские сказки делятся на три группы: волшебные, о животных и бытовые.

Особой любовью у ногайцев пользовались волшебные сказки. Обычно герои таких сказок отправляются в другую страну за чудесными предметами или невестой. Они наделяются положительными качествами, помогающими им выполнить почти невыполнимые задания и с честью вернуться домой, но в этом им почти всегда помогают животные: волк, лиса, собака, кошка, змея и т. д.

Так, в сказке «Золотой петух»¹ юноша Яурынтак подвергается жестоким испытаниям, справиться с которыми ему помогает волшебный орел.

Героям волшебных сказок помогают и чудодейственные предметы. Так, в сказке «Три девушки и четыре елмавыза»² девушкам, попавшим в беду, помогают, на первый взгляд, самые обыкновенные предметы: кусочек бараньего сала, зеркальце и гребень.

В волшебных сказках нашли свое отражение и религиозные представления ногайцев. Герои сказок вступают в неравную схватку с такими демоническими персонажами, как аздаа, ал-

¹ Ногайские народные песни. - С. 115.

¹ Ногайские народные сказки. / Сост.: А.Ногай. - М., 1979. - С. 20-27.

² Там же. - С. 129-132.

баслы, див, оборотень, джинн. Встречаются сюжеты, в которых демоны помогают героям¹.

В репертуаре волшебных сказок ногайцев особенно часто обыгрываются семейные конфликты. Это сказки о мачехе и падчерице: «Луноликая девушка», «Мачеха», «О падчерице»².

В ногайских сказках встречается и такой сюжет, когда в роли бедной падчерицы выступает юноша-сирота, а в роли злой мачехи – перодные братья («Семеро братьев»)³.

В волшебных же сказках соперницами бывают и родные сестры («Прекрасный юноша в змеиной шкуре»)⁴.

К разряду волшебных относятся и богатырские сказки. Такова серия ногайских сказок о подвигах батыра Бекбулата.

Героям богатырских сказок помогают не чудодейственные предметы и чародейство, а их природная сила и безграничная любовь к своему народу, к Родине.

Следующую группу ногайских сказок составляют сказки о животных, которые делятся на комические (в них речь идет о проделках животных-хитрецов) и аполог (нравоучительные сказки).

Героями сказок здесь выступают представители степной фауны: орлы, волки, лисы, змеи, ежи, зайцы, ласточки и т.д. В сказках одних наделяют положительными человеческими качествами, других – отрицательными. Они умеют говорить, мыслить, рассуждать, различать добро и зло. В комических сказках животные-трикстеры не заботятся о соблюдении моральных норм, и сильный, но глупый всегда становится жертвой жестокой проделки более слабого пройдохи⁵.

В сказках о животных можно проследить один из основных признаков мифа – этиологизм. Этиологические сказки родственны легендам, в которых объясняются различные природные явления. Такие сказки обычно начинаются с формулы, указывающей на мифические времена: «Когда-то давным-давно

люди, птицы и звери говорили на одном языке» или «В давние времена люди, как и звери, ели траву» и т. д., а характерной этиологической концовкой считаются слова: «С тех пор...», «С тех времен...».

В сказке «Змея, ласточка и комар», бытующей у ногайцев и кумыков¹, объясняется, почему змея ест лягушек, у ласточки раздвоен хвост, а комар произносит только звук «ззз», а в сказке «Спор орлов и саранчи»² – почему на земле орлов меньше, чем саранчи. Объясняют сказки и появление орудий труда³.

Наибольшее распространение у ногайцев получили бытовые сказки. Они пользовались большой любовью и были разнообразны по сюжету. Бытовые сказки характеризуются, как правило, социальной направленностью. В них осмеиваются представители господствующих сословий и всякого рода человеческие недостатки: глупость, болтливость, жадность. Героями бытовых сказок являются простые люди: старик-бедняк, бедный юноша, девушка. Их противниками являются представители эксплуататорского класса: хан, бай, мулла⁴. Иногда героем в сказках выступает мулла, которого народ представляет жадным и глупым. В сказке «Молла и овца»⁵ высмеивается глупый мулла, который поверил старику, что овца может задрать волка.

Целый цикл ногайских сказок посвящен ловким ворам («Конокрады», «Воры и мулла»), хитрецам («Находчивый бедняк»⁶, «Хитрый мельник и старик ногаец»)⁷. Сказки этой группы всегда комические и близки к анекдотам. В них объектом одурачивания и постоянных насмешек становится жадный и глупый богач. Различные проделки, хитрость и обман ловкача-вора не осуждаются народом, наоборот, все его действия воспринимаются как торжество справедливости, даже если оно достигается нечестным путем.

¹ Ганиева А.М. Сказки о животных // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 361.

² Ногайские народные сказки. - С. 11-12.

³ Там же. - С. 13-14.

⁴ Там же. - С. 386.

⁵ Там же. - С. 172-173.

⁶ Там же. - С. 156-157.

⁷ Там же. - С. 166-168.

¹ Там же. - С. 47-55.

² Ногайские народные сказки. - С. 140-143, 178-180, 138-142.

³ Там же. - С. 147-149.

⁴ Там же. - С. 109-116.

⁵ Там же. - С. 18-20.

Следующую группу бытовых сказок составляют семейно-бытовые сказки. Их тематика многообразна. Касаясь общечеловеческих пороков и недостатков (таких, как лень, упрямство, глупость, невежество, супружеская неверность, трусость и др.), сказки дают им свою коллективную оценку, утверждающую высокие моральные качества и нравственный идеал народа¹.

Особую группу бытовых сказок составляют новеллистические сказки. Главной отличительной особенностью новеллистических сказок является уменьшение в них фантастичности, волшебства и приближенность к реальной жизни, воплощение общечеловеческих тем и идей, утверждение лучших человеческих качеств².

Одна из тем новеллистических сказок – это тема поиска счастья. Герой сказки в поисках счастья отправляется в дальние страны, в пути с ним происходят всевозможные происшествия, встречи. Типичными являются схожие по сюжету ногайская сказка «Бектур» и кумыкская сказка «Об искателе счастья», в которых рассказывается о герое-бедняке, задумавшем отправиться на поиски «хозяина счастья».

Не осталась без внимания и такая житейская ситуация, как раздел имущества (сказка «Три сына»). Эта же тема получила распространение и у других народов Дагестана³.

Большое распространение среди новеллистических повествований получили сюжеты, связанные с традицией бытовых сказок. Взаимоотношения в семье составляют основу многих подобных новелл. В одних случаях это коварство и жестокость мачехи, отказавшейся от детей мужа и требующей их изгнания, в других козни невестки, в третьих – скитания в поисках заработка брата и сестры, изгнанных из дома родителями, и т. д.

Некоторые сказки настолько приближены к реальной жизни, что многие старики искренне верят в то, что рассказанное действительно имело место. Так, в одной из них повествуется, что давным-давно жили старик со старухой и их дочь. И бы-

¹ Алиева Ф.А. Бытовые сказки // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 411.

² Там же. - С. 421.

³ Там же. - С. 425.

ла у них собака. Они так любили собаку, что она превратилась в девушку, точь-в-точь похожую на их дочь. Старик со старухой даже не могли различить, где их дочь, а где собака. Прошло время, дочери выросли, и родители выдали их замуж. Через некоторое время захотелось старикам навестить своих дочерей. Приехали они в гости к одной дочери. Свекровь со свекром хвалят сноху – не нахвалят. И хозяйка она хорошая, и приветлива всегда. Обрадовались родители и поехали в гости к другой дочери. Зашли в дом к сватьям и спросили, как живет их дочь, слушается ли их? А сватья как начали жаловаться на их дочь, что покоя им от нее нет и характер у нее скверный, как у собаки. После этих слов поняли старик со старухой, какая из них их дочь.

Ногайские сказки имеют интернациональные корни и представляют собой различные переработанные варианты сказок народов мира, представляющие собой образцы коллективного устного творчества, с деталями местных хозяйственно-бытовых и культурных традиций. Так, у ногайцев бытуют варианты сказки «Конек-горбунок», «О царевиче и сером волке», «Золушка» и т. д.

В сказках прослеживаются национальные черты, морально-этические нормы, особенности хозяйственной деятельности, быта и жизненного уклада. Так, герои сказок шьют шубы, бешметы, чепкены, трудятся: пасут скот, ловят рыбу, охотятся, обрабатывают землю и т. д. Нашли отражение в сказках и классовые противоречия – хан – бедняк, социальное неравенство: золотой дворец – бедная юрта.

Предметом споров являлись лошади, верблюды, мука и т. д.

Итак, мир сказок богат и разнообразен, в них отражены мировоззрение и мироощущения людей, их отношение к реальному миру. Через сказку люди выражали свои чувства к Родине, готовность пожертвовать собой ради нее. Сказки поучали не только детей, но и взрослых. В них содержится богатый этнографический материал, отражающий хозяйственно-культурные традиции этноса.

В фольклоре ногайцев большое место занимают пословицы («такпаклар») и поговорки («айтувлар»). Пословица – в современном употреблении общеизвестное, образное, афористич-

чески сжатое изречение с поучительным смыслом, основанным на жизненном опыте или каких-то правилах общественного бытия¹.

Поговорка – «это устойчивое речевое выражение, иносказание, образно отражающее существенные стороны, признаки общественного поведения и психологию людей, метко характеризующее связи и отношения вещей и явлений»². Особенностью пословиц и поговорок является то, что они взаимообразны, т. е. пословица – «замкнутое клише» – может перейти в поговорку «незамкнутое клише» и наоборот³. Приведем несколько примеров: «Авырмаган баска явлык байламай» – («Здоровую голову платком не перевязывают») (посл.). «Авырмаган баска явлык байлап» («Здоровую голову платком перевязывать») (погов.); «Элек пен сув тасымайдылар» («В сите воду не носят») (посл.), «Элек пен сув тасымакъ» («В сите воду носить») (погов.).

В пословицах и поговорках нашли отражение жизненный опыт, семейно-бытовые отношения, исторические события и т. д.

Героическое прошлое ногайского народа, конкретные исторические факты, любовь к Родине отражены в поговорках и пословицах.

Например, «Тувган элдинъ ери-еннет, сувы – сербет» («Родная земля – рай, а вода в ней щербет»), «Мысырда патша болганша, элинде шобан болган къолай» («Чем быть падишахом в Египте, лучше быть чабаном на Родине»), «Азав, Крым яным, халкым яшаган элим» («Азов, Крым – родина моего народа»), «Куыш бирликте» («Сила в единстве»), «Душпан досынъ болса, белинде балтанъ болсын» («Если враг стал другом, за поясом топор держи»), «Орыска ынанма, сувга таянма» («Русскому не верь, на воду не опирайся»), «Орымда улым бар, Кырымда кызым бар» («В доме сын, в Крыму – дочь»), «Элин саткан, ярык куын коьрмес» («Кто Родину продал, тот светлого дня не увидит»), «Элин муткан, тилин мутар» («Кто Родину забыл, тот и язык забудет»), «Орактын Орак болувы – ол да Мамай ар-

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. - М., 1991. - С. 102.

² Гасанов М.М. Пословицы и поговорки // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 433.

³ Там же. - С. 433.

касы» («И Орак Ораком бы не был, если бы не Мамай»), «Калмык мынан дос болсанъ, бере, бере, беребер, казак мынан дос болсанъ, ала, ала, алабер» («Если с калмыком дружишь – то давай, давай, давай, если с казаком – бери-давай»). Здесь, видимо, сказались враждебные в прошлом взаимоотношения ногайцев с калмыками из-за территориальных споров и дружеские с казаками.

Много пословиц и поговорок отражают хозяйственную деятельность ногайцев. Так, например: «Язда мыйы къайнагъаннынъ къыста къазаны кайнар» («У кого летом мозг кипит, у того зимою котел кипит»), «Къыркъ йыл сабан суьрсень къызыл алтынга батарсынъ» («Паши сорок лет – дойдешь до золота»), «Сабан туьби – сары алтын» («Нижняя часть плуга – желтое золото»), «Язда тырнаган – куьзде йырлар» («Кто летом землю хорошо обработал, тот осенью песни петь будет»), «Яздын куьни, кыстын токсан куьнин саклар» («Один летний день девяносто зимних дней прокормит»).

Пословицы и поговорки, связанные с земледелием, создавались в основном кубанскими ногайцами, которые в силу благоприятных климатических условий занимались земледелием. У степных же ногайцев основным видом хозяйственной деятельности было скотоводство. И это отразилось в ряде пословиц и поговорок. Так, ногайцы говорят: «Аш айван ойнамас» («Голодная скотина резвиться не будет»), «Бир койдан эки тери алынмас» («С одной овцы две шкуры не снимут»), «Сыйыр сувга ятпас» («Корова в воду не ляжет»), «Сыйыр алсанъ, савып ал, суьтин ишип ал» («Прежде чем купить корову, отведай ее молока»), «Сыйырдынъ суьти – тамагында» («Молоко коровы зависит от ее корма»).

Лошадь занимала весьма важное место в жизни ногайцев. Ее использовали как в военных целях, так и в хозяйстве. Ногайцы говорят: «Йылкы малдынъ патшасы» («Конь – падишах скота»), «Ат аясанъ бир йыллык, аямасанъ бир куьнлик» («Коня сбережешь на год, не сбережешь на день»). «Ат яллы болар, тон ягалы болар» («Конь бывает горячим, а тулуп с воротником»). «Ат – мурат» («Конь – мечта»), «Аьруьв деген атка мингендей» («Хорошее дело подобно седланию коня»), «Ялгыздынъ куьни каранъа, явдын куьни сорама» («Дни одинокого человека тем-

ные, о дне пешего и не спрашивай»). «Атсыз – канатсыз» («Без коня – как без крыльев»), «Бир атка эки камыс салынмас» («На одного коня два хомута не наденешь»), «Кулын асыраган ат минер» («Воспитывающий жеребенка на коня сядет»), «Киси атына минген тез туйсер» («Севший на чужого коня быстро слезет»), «Юйрик атка – тегис йол» («Быстро коню и дорога ровная»), «Кулан кувган шань кувар» («Гонящийся за жеребенком за пылью гоняется»), «Ат юйригин ийт суыймес» («Быстро коня собака не любит»).

Большой пласт пословиц и поговорок посвящен семейно-бытовым отношениям: роли отца в семье и месту жены-матери, взаимоотношениям отцов и детей. «Атадан калган эсинде калар» («Сказанное отцом останется в памяти»), «Атадан разылык алмаган, кабырда парахат ятпас» («Кто послушался отца, тому в могиле спокойно не лежать»).

Женщина-мать в ногайских пословицах занимает особое место. Она хранительница очага, стержень семьи: «Атасы бирдинь малы бир, анасы бирдинь яны бир» («У родственников по отцу – имущество общее, у родственников по матери – душа общая»), «Атасы йок – ярты етим, анасы йок – керти етим» («Не имеющий отца наполовину сирота, не имеющий матери – круглый сирота»), «Ата – ездей, ана – казна» («Отец – медь, а мать – сокровище»), «Анадынъ суьти балдан таьтли» («Материнское молоко слаще меда»), «Ана – тоьрде янган шырак, ата – тоьрде олтырган конак» («Мать в доме – свет, отец – гость»), «Аьел басы – эр, хатын – мойын» («Муж – голова, жена – шея»), «Хатын – уьйдин шырагы» («Женщина – свет в доме»), «Хатын – эр балтасынынъ сабы» («Жена топорище топора мужа»).

Семья без детей считалась неполной, наличие же их всегда было радостью. Так, ногайцы говорят: «Баласыз уьй – емимсиз терек» («Дом без детей – что дерево без плодов»), «Балалы уьй – базар, баласыз уьй – мезар» («Дом с детьми весел, дом без детей – кладбище»), «Баласы уьй – саьвлели уьй» («Дом с детьми – солнечный дом»), «Бир бала йокка эсап, эки бала бирге эсап, уьш бала барга эсап» («Один ребенок – не ребенок, двое детей – один ребенок, трое – дети»), «Кыз – коьнбил, уьыл – коьздинь нуры» («Дочь – душа, сын – свет очей»).

В фольклоре также отражены особенности общественного быта ногайцев. Главной темой этих пословиц является идея сплоченности, единения, добрососедства.

«Аьылдасынь ким болса, аданасын сол» («Кто твой сосед, тот твой родственник»), «Боблинген койды боьри ашар» («Разделенную отару волки съедят»), «Бес камышы кайда болса, берекет сонда болар» («Где пять плеток, там и благодать»), «Бирлик болса, берекет болар» («В единстве счастье»), «Бир кой териден тон шыкпас» («Из одной овечьей шкуры шубу не сшить»), «Бир канат пан кус ушпас» («С одним крылом птица не полетит»), «Етевдин тили бириксе, ети тав авдарар» («Семь человек одного мнения – семь гор перевернут»), «Халк кескен бармак канамас» («Палец, отрезанный народом, не кровоточит»), «Бир тас пан тав болмас, бир кус пан яз болмас» («Из одного камня гора не получится, а с прилетом одной птицы весна не наступит»).

В пословицах и поговорках ногайцев нашли отражение и идеи гостеприимства. «Аьдем конаксыз болмас, кус канатсыз болмас» («Человек без гостей не бывает, птицы без крыльев не бывает»), «Конак атаньан уьйкен» («Гость старше отца»), «Алтыдагы конаккъа келсе – алпыстагы турып алдына шыгьар» («Когда шестилетний приходит в гости – шестидесятилетний поднимается навстречу»), «Конак келсе конар, кой семизи соьылар» («Гость придет – жирного барана зарежут»), «Конак алгысы алтыннан артык» («Благопожелания гостя дороже золота»), «Конактан сорап бергенше, соьып бер» («Прежде чем что-то спросить у гостя, сначала накорми его»).

Пословицы и поговорки ярко изображают картину социальных взаимоотношений, противоборство и антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, социальное неравенство. «Байдынъ кызы оьлмей, ярлыдынъ кызына куьн тувмас» («Пока дочь богача жива, для дочери бедняка солнце не взойдет»), «Аьызы кыйсык болса да, байдынъ улы соьйлесин» («Если даже у сына богача рот кривой – пусть лучше он говорит»). «Ярлы кисины яманлап куванар» («Бедного всюду гонят»), «Ярлы ятса оьлер, бай юьырса оьлер» («Бедный ляжет – умрет, богатый побежит – умрет»), «Ярлы адамга кундаксыз тобекте атыла» («В бедного человека и незаряженное ружье стреляет»), «Ярылдынъ

улы болганнан, байдынъ кулы бол» («Чем быть сыном бедняка, лучше быть рабом богача»), «Кулдан тувган кул болмас, яман тувган кул болар» («Рожденный от раба рабом не станет, рожденный от плохого (человека) рабом станет»).

Народная мудрость и наблюдательность не обошли своим вниманием и религиозную тему. Поговорки и пословицы о боге и представителях духовенства пронизаны острой сатирой. «Аллага аманат, моллага бир маънет» («На Аллаха уповай, мулле один рубль давай»), «Аллага ынынган, аш калган» («Аллаху поверил – голодным остался»), «Молладынь оъзи тойса да коъзи тоймас» («Мулла хоть и наелся, а глаза его не насытились»), «Моллага келим мараздан, йыравга келим – тойдан» («Мулле прибыль от болезней, певцу прибыль от свадьбы»), «Молла тарылы ердинъ тавыгъы, этли ердинъ мысыгъы» («Там где просо мулла курица, там где мясо – он кошка»), «Моллагъа ювык барма – байсанъ оъзи келер» («Не подходи близко к мулле, если ты разбогатеешь – сам прибежит к тебе»).

Особым почетом и уважением в народе пользовались люди, стремящиеся к знаниям. В поговорках и пословицах ногайцы высмеивали бездарей и восхваляли людей, стремящихся к знаниям. «Билим балдан таътли» («Знания слаще меда»), «Билим сатылып алынмас» («Знания не купишь»), «Билим уьшин яша, яша оқы уьшин» («Живи ради знаний, учись ради жизни»), «Коьп оқыган коьп билер, коьп юрген коьп коьрер» («Кто много читает – тот много знает, кто много ходит – тот много видит»), «Билим – йигиттинъ канаты» («Знания – крылья джигита»), «Обзининъ акылсызлыгын билмеген, баскадынъ асылын куьллер» («Своей глупости не замечая, чужому уму завидует»), «Обзин билмегенди, билгенлерден уьйрен» («Тому, чего сам не знаешь, научись у того, кто знает»).

Лучше всего в пословицах и поговорках отражены морально-этические нормы ногайцев, их представления о добре и зле, справедливости и благородстве, о людских достоинствах и пороках.

С помощью пословиц и поговорок взрослые учили молодежь жизни. Так, в народе говорят «Эр – элдинъ ырызы» («Мужчина – совесть народа»), «Эр йигит эли уьшин тувады» («Смелый джигит для Родины рождается»), «Йигит оьлсе даны

къалады» («Смелый умирает – слава остается»), «Йигит оьлсе де, соъзи оьлмес» («Слово джигита не умрет»).

С помощью пословиц и поговорок воспитывали в детях такие необходимые человеческие качества, как:

Последовательность в поступках: «Бир колынья эки харбуз тутпас» («В одной руке два арбуза не держат»), «Эки кемедин басынь туткан сувга батар» («Кто за две лодки держится – тот в воде утонет»).

Скромность: «Озинди озин магтама, аьдемлер магтасын» («Сам себя не хвали, пусть люди похвалят»).

Доброта: «Яхшы соъз йыланды иннен шыгарар» («Хорошее слово змею из норы выманит»).

Совесть: «Намыс отган куьшли» («Совесть сильнее огня»), «Намысы бардынъ наьсиби бар» («У кого есть совесть – у того есть счастье»), «Намыс кирлиги кум ман ыскаласа да таймас» («У кого есть совесть – у того ее не отнять»)¹.

Храбрость: «Сувда йол табар, кумда сув табар» («В воде дорогу найдет, в песке воду найдет»).

Трудолюбие: «Бел аьвиртпай, бежен толмас» («Без боли в пояснице амбар не наполнится»), «Балык суьйген этигин сувга манар» («Кто рыбы хочет – тот ноги намочит»), «Ислеменген – тислемес» («Кто не работает – тот не ест»), «Казанынъа не салсанъ, шоьмишинъе сол шыгар» («Что в котел положишь – то половником достанешь»), «Терлеп ислеген гойып ашар» («Кто в поте лица работал – тот сытно поест»), «Обзинъ тапкан оьтпек таътли» («Заработанный своим трудом хлеб сладким бывает»).

Осмотрительность, осторожность: «Уьй авлак деп соьй-леме, уьй артында кулак бар» («В доме не говори, как в поле, за домом ухо есть»), «Уьй меники деме, уьй артында киси бар» («Не думай, что дом твой, за домом человек есть»), «Кулак экев, тил бирев, эки тынъла, сак соьле» («Два уха, язык один, двумя слушай, говори осторожно»).

Самокритичность: «Эшки куьледи койдын коты коренеди деп» («Коза над овцой смеется, что зад виден»), «Эки эли

¹ См.: Мудрое слово дороже богатства. Ногайские народные пословицы и поговорки. / Сост.: Т.А. Акмацбетов. - Махачкала, 1991.

йыртык бир эли йыртыкка куылер» («Две дырки над одной дыркой смеются»).

Резко осуждаются в пословицах и поговорках людские пороки. Так, в них порицаются жадность: «Ас кетер, бет калар» («Еда закончится, лицо останется»), лень: «Эриншектинь ойы уйкы болар» («У ленивого одна дума – сон»), трусость: «Баьтир бир оьлер, коркак мын оьлер» («Храбрец один раз умирает, трус – сто раз»), ненасытность: «Тамак уьшин тавга минер» («Из-за желудка на гору взойдет»), чревоугодие: «Оьзи тойсада, коьзи тоймаган» («Сам наелся, а глаза не наелись»), торопливость: «Алгасаган сув тенъизге етпес» («Торопливая река до моря не дойдет»), глупость: «Акылсыздын завкы артык» («У глупого больше радостей»), лживость: «Ялган соьз ян юбантпас» («Лживые слова душу не радуют»), «Ялганнан ашшы зат йок» («Горше лжи ничего нет»).

Итак, пословицы являются результатом многовекового опыта людей. Они отображают представления о мире, взгляды на жизнь. В них нашли отражение классовые противоречия, социальное неравенство. В пословицах отражены нормы поведения, даны понятия о человеческой чести, достоинстве, справедливости.

Ногайские пословицы и поговорки имеют много общего с пословицами и поговорками народов Дагестана¹, т. к. во все времена у всех народов высмеивались лень, трусость, жадность и восхвалялись доброта, мужество, щедрость и т. д. Но из всех народов Дагестана наиболее близки к ногайцам по тематике и содержанию пословиц и способам художественного отражения жизненного бытия кумыки, в силу языковой идентичности, взаимодействия, обусловленного близостью проживания этих двух народов².

Одним из древнейших жанров устного народного творчества являются загадки. Загадка имеет свое научное определение: «Это сжатое, поэтическое иносказательное описание характерных черт или сущностно значимого свойства предмета, явления,

¹ См.: Булатов Б.Б., Луговев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII – XIX вв. (аварцы, даргинцы, лакцы). - Махачкала, 1999.

² См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. - М., 1961.

содержащее в себе явный или скрытый вопрос, рассчитанный на сообразительность и образность мышления собеседника»¹. Загадка в переводе с ногайского означает «юмаклар», т. е. сказка, которую надо отгадать.

Загадки выполняли и выполняют важную социализирующую роль и являются эффективным средством обучения в системе иносказаний и в передаче знаний, житейского опыта старшего поколения подрастающему поколению². Они служили средством испытания ума, развивали наблюдательность, смекалку, помогали глубже познать окружающий мир.

Загадки создавались взрослыми и изначально занимали значительное место в их развлечениях, а позднее они продолжали бытовать преимущественно в детской среде. Первоначально загадки детям загадывали взрослые, предметом загадывания служили различные предметы, явления. Они стали развлечением для детей. Обычно игра в загадки проходила в свободное от хозяйственных работ время.

В загадках отражена хозяйственная деятельность людей, их быт, окружающий мир. Они условно делятся на несколько групп: о человеке, о явлениях и предметах природы, о доме, внутреннем убранстве жилища, предметах домашнего быта, о животных, о науке, знаниях и т. д.³

О человеке: «Эки агай карап турсалар да, бири бирин коьрмейди» («Два брата, а друг друга не видят») (глаза), «Бес агалы – инили кашып бара, артыннан шонтык кувып бара» («Пятеро братьев бегут, а за ними собака гонится») (пятка), «Алдар – ялдар, канъысар да туьйисер» («И подерутся, и помиряться») (ресницы), «Биреви соьйлей, экеви карай, экеви тынлай» («Один говорит, двое видят, двое слушают») (рот, глаза, уши), «Бир тоьбеде ети тесик» («На одном холме семь дырок») (голова), «Каранъа уьй ишинде какам – текем ойнайды» («В темной комнате туда-сюда играет») (язык), «Уьй бойында ак тавык, ортасында карт тавык» («Вокруг дома белые куры, посередине

¹ Булатов Б.Б., Луговев С.А. Указ. раб. - С. 46.

² Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4.- М., 1991. - С. 43.

³ Гасанов М.М. Загадки // Традиционный фольклор народов Дагестана. - М., 1991. - С. 448.

старая курица») (зубы, язык), «Бир анада бес бала, ама аты бир бола» («У одной матери пятеро детей, но имя у всех одно» (рука), «Кел десе келмейди, келме десе келеди»¹ («Зовешь – не идет, не позовешь – придет») (губы).

О явлениях природы: «Сувда батпас, отга янмас» («В воде не тонет, в огне не горит») (мороз), «Тактак этер, тактадан оьтер, шып – шып этер, шыптадан оьтер» («Тук-тук стучит, через дерево проходит, шып – шып шумит, через циновку проходит») (ветер, дождь), «Уй артында ак тана, кетемен деп мактана»² («За домом белый теленок хвалится, что уйдет») (снег).

О природных объектах: «Кеше – куйндиз токтамай юрер» («И днем, и ночью, не останавливаясь, идет») (река).

О небесных светилах: «Уй тоьбендинь басына ярты ка-лакай тасладым» («Над домом полхлеба висит») (месяц), «Ай биз эдик, биз эдик, биз он эки кыз эдик, бир тактага тизилдик, тань атканша йок болдык» («Мы, двенадцать девушек, на одной доске выстроились, как утро наступает, так мы исчезаем») (звезды).

О календарном годе, временах года: «Бир терек, он эки бутак» («На одном дереве двенадцать веток») (год и месяцы), «Отыз кардаш, бири ятып, бири турып кетер» («Тридцать родственников, один придет, другой уйдет») (дни месяца), «Он эки ак каз, бир ак кув, кырк сегиз шил, мынь сегиз юз юмыртка» («Двенадцать белых гусей, один лебедь, сорок восемь куропаток, тысячу восемьдесят яиц») (календарный год).

О животным мире: «Йол уьстинде майлы кайыс» («На дороге лежит жирный (скользкий) ремень») (змея)³, «Балтасыз, пышкысыз уй ясайдылар» («Без топора, без пилы дом строят») (муравьи), «Казаннан кара, кардан ак» («Чернее котла, белее снега») (сорока), «Кишкенекей маьндибий, оннан уйкен уры йок» («Маленькое животное, самая большая воровка») (мышь), «Язда балды ашайды, кыста майын атайды» («Летом мед ест, зимой жир сбрасывает») (медведь), «Ингир – мингир аяклы, сексен темир таяклы» («На ногах, а на нем восемьдесят железных

палок») (еж), «Салынады, ерге туьспеге коркады» («Висит, а на землю спуститься боится») (паук), «Кубладан келер лук-лук, бурны узун, коьзи коьк» («С юга придет лук-лук, нос длинный – глаза голубые») (цапля).

Об орудиях труда: «Бир тоьбединь басында буькир кош-кар ойнайды»¹ («На вершине холма горбатый баран играет») (нож), «Туьби бир, басы эки, басында эшкидики» («Корень один, две головы, на голове от козла») (вилы), «Бири соя бара ятыр, бири тыга бара ятыр»² («Один идет режет, другой идет откидывает») (плуг), «Узын куйрык савыскан, кырдын отын таьвыскен») («Длиннохвостая сорока на лугу всю траву закончила») (коса).

О предметах домашнего обихода, утвари: «Кабыргасы бар, каны йок, доьрт аягы бар, яны йок» («Ребра есть – крови нет, четыре ноги есть – души нет») (колыбель), «Эрмен – мермен, доьрт муьйиси кермен, хан тувыл бий келсин, турып орын бермен» («Армян – мармян, четыре угла не хан, даже бий придет – не встану и место не уступлю») (сундук), «Усти аран, асты боран» («Наверху сарай, внизу буран») (сито), «Багана янар, коьмири йок, куьли йок» («Без углей, без золы, а горит») (лампа), «Кишкенекей маьнди бий, мага карап куьлди» («Маленькая штучка на меня посмотрела и засмеялась») (зеркало), «Ийттен аласа, атган бийик» («Ниже собаки, выше коня») (седло).

Об одежде, обуви, украшениях: «Бир куйым бар – тизден» («У меня есть колодец до колена») (сапоги), «Ярга ямпик илинди» («За овраг зацепились плоские штучки») (серьги), «Иши юн, кыры тери» («Внутри шерсть, а сверху шкура») (шуба).

О книге, знаниях: «Авызы йок, бурны йок, соьйлей турар адам ман» («Без языка, без носа, а с человеком разговаривает») (книга), «Кат-кат тоьсек, оны билмеген эшек» («Много постелей, кто не догадался – ишак») (книга), «Аьрмысалдынь иси бар, бир оьзинде кырк кисидинь куьши бар» («У каждого примера есть свое дело, у него одного есть сила сорока людей») (чтение, письмо).

¹ Джанибеков А.Ш. Указ. раб. - С. 76.

² Там же. - С. 78.

³ Эта загадка бытует и у казахов, татар, башкир.

¹ Джанибеков А.Ш. Указ. раб. - С. 77.

² Там же. - С. 80.

О музыкальных инструментах: «Буюкри-буюкри, буюкри тал, белине шайтан туюкирген, гань атканша оюкирген» («Горбатая, горбатая ива, ей на пояс шайтан плюнул и пела до рассвета») (кобыз), «Буюкир-буюкир буюкиреди, белине шайтан туюкиреди, танълайына тас байлап, танъ атканша оюкиреди» («Горбатый, горбатый горбатится, на пояс ему шайтан плюнул, на небо камень привязав, до рассвета пел») (домбра).

Многообразие и разноплановость загадок предполагало и различную форму их выражения. Они представляли собой загадку-вопрос: «Дуньяда не заг татли?» («Что на свете слаще всего?») (сон), «Айванлардынъ ишинде сакалысы кимдир?» («Кто в стаде самый бородатый?») (козел); загадку-описание: «Басы айыры, туюби бир, ишине кирсень, озынъ бил» («Верх раздельный, низ – один, вовнутрь войдешь – сам поймешь») (штаны); загадку – сжатый «стихотворный пересказ»: «Мен озым сув эм ел, мен юремен, озым ашамайман, баскаларды ашатаман» («Я сама с помощью воды и ветра хожу, сама не ем – других кормлю») (мельница); загадку-задачу:

«Сегиз-сегиз он алты.
Тагы сегиз, тагы алты.
Эки йырма, бир отыз
Бариси нешев?»

«Восемь, восемь шестнадцать,
еще восемь, еще шесть.
Дважды двадцать, одно тридцать.
Сколько всего?» (сто);

загадку-шутку: «Дюьрт татар ок атар» («Четыре татарина стрелы пускают») (вымя коровы).

Итак, загадки отображают реальный мир, являясь одним из проявлений человеческой фантазии. Загадки помогали детям познавать окружающий мир, узнавать о предметах быта, орудиях труда, развивали наблюдательность, мышление, смекалку.

Одной из самых эмоциональных, интересных, необычных по содержанию областей устного народного творчества является детский фольклор. Детский фольклор – это вид традиционного

коллективного устного детского творчества, которое реализуется в системе устойчивых текстов, передаваемых непосредственно от поколения к поколению детей и имеющих важное значение в регулировании их игровой и коммуникативной деятельности в группах сверстников¹.

Детский фольклор следует отличать от фольклора для детей (колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки и т. п.), носителями которого обычно являются взрослые, использующие фольклорные тексты для общения с маленьким ребенком (успокаивание, побуждение к действию, развлечение, обучение)². Создается детский фольклор обычно в неформальной обстановке, во время проведения совместных игр, в условиях свободного общения. Наиболее активными носителями детского фольклора являются дети от 6-7 до 12-13 лет, т. е. в период интенсивной жизни игровых детских групп³.

По своему жанру детский фольклор делится на дразнилки, шутки, страшные истории, считалки.

Считалка – это «рифмованный стишок, состоящий по большей части из выдуманных слов и созвучий с подчеркнuto строгим соблюдением ритма»⁴. С помощью считалок дети устанавливают очередность при игре. В соответствии со своим назначением детские считалки определяются с помощью числительного «считать»: ногайская – «санав»⁵. Считалки являются отражением практического опыта, придают эмоциональный окрас любой игре, развивают память и внимание. Они по своему содержанию разнообразны. В основе многих считалок лежит пересчет, свидетельствующий, во-первых, о вере людей в счастливое число. С помощью считалки дети определяли количество участников игры. Их могло быть трое, пять, шесть, десять, в зависимости от характера игры и ее половозрастной характеристики. Считалки могли содержать в себе не только пересчет, но и непонятные слова и словосочетания, не поддающиеся перево-

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. - М., 1991. - С. 140.

² Там же. - С. 140.

³ Там же. - С. 140.

⁴ Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. - М., 1957. - С. 112.

⁵ Абакарова Ф.З. Указ. раб. - С. 227.

ду. Появление таких «заумных» слов в считалках считают либо «тайной» речью детей, перенесенной в считалки, либо это слова, ранее бытовавшие и исчезнувшие из лексикона, либо игра деформированных слов для создания рифмы и ритма¹.

Например, в одной из считалок встречаются такие слова:

Аката,	Аката,
Баката,	Баката,
Абыр,	Абыр,
Кабыр,	Кабыр,
Эрбегей,	Эрбегей,
Сербегей,	Сербегей,
Онтай,	Онтай,
Шонтай,	Шонтай,
Шык тотай ² .	выходи, тотай (княжна).

С помощью считалок дети запоминали названия растений:

Бир, эки, –	Один, два, –
кыр эшки	дикая коза.
Доьрт, бес, –	Четыре, пять –
текебас.	козья голова.
Елkek,	Морковник,
Кермек,	(?),
Бийдай,	Пшеница,
Куврай,	Бурьян,
Кышы,	Сурепка,
Мыши,	(?),
Урык,	Пырей,
Ажырык,	Свиной,
Карабус,	Осока,
Бакакоьз,	Лягушачьи глаза,
Ношаган,	Репей,
Козгалак,	Щавель,
Сарыбалак,	(Лечебная трава),
Ак ювсан,	Белая полынь,

Адыраспан,
Каракамыс
Кылган пыс,
Кумаршык,
Сен кир, сен шык¹.

(?),
Черный камыш,
Ковыль,
(?),
Ты заходи, ты выходи.

Запоминали дети с помощью считалок и название цветов и оттенков.

Туурли туус:
кызгылт,
саргылт,
оьткин,
коьгийдим,
куьл туус,
Суьт туус,
Акшыл,
Карагошкыл,
Сыя – мья,
Сары – мары,
Экев, экев,
Бир мен тай,
Ялгыз киси,
Ярым тай.
Торы тай.
Шык тотай².

Разные цвета:
красноватый,
желтоватый,
зеленоватый,
Голубоватый,
Цвет золы,
Цвет молока.
Беловатый,
Темноватый,
Разноцветный,
Желтый – молотый,
Двое – двое,
С одним уйди,
Одинокий человек,
Половина уйди.
Маленький жеребенок.
Выходи, княжна.

Существует также много считалок, содержащих названия птиц, животных, явлений природы, предметов домашнего обихода. Разделившись с помощью считалки на команды, дети начинали игру. Командные игры в большинстве случаев были подвижные и носили состязательный характер, были построены на соперничестве. Такие игры организовывались между детьми с соседних улиц. Играли в «Вайгъарай» (прятки), догонялки. Любимым развлечением ногайских детей была игра «Бос ер» (пустое место). До начала игры с помощью считалки выбирали ведущего. Дети образовывали большой круг и садились на корточки, обратившись лицом в круг. Ведущий ходил по внешней стороне кру-

¹ Абакарова Ф.З. Указ. раб. - С. 227.

² Ай, Айданак: народные колыбельные и детские песни / Сост.: С.Батыров. - Махачкала, 1990. - С. 11.

¹ Ай, Айданак ... - С. 18.

² Там же. - С. 17.

га, прикасался рукой к одному из участников игры, который бежал за ведущим по кругу и должен был перегнуть ведущего и встать на пустующее место. Если ведущий первым достигал цели, то догоняющий становился ведущим и игра продолжалась. В том случае, если догоняющий опережал ведущего, то ведущий вновь ходил по кругу и выбирал следующего игрока.

Мальчики 13-14 лет играли в «Къадамшик». Эта игра была связана с хозяйственной деятельностью ногайцев. Взрослые поручали детям собрать кизяк, который в зимний период служил топливом для степняков. Но все эти трудовые процессы дети превращали в игру. Правила игры были таковы. В начале участники игры для уплотнения кизяка втыкали в него колышки. Задача состояла в том, чтобы палкой сбить как можно больше колышков. Стоя на кизяке, дети таким образом утрамбовывали его.

Любимой игрой как для мальчиков, так и для девочек была «Балатав ойнав». Для этого выбирали ровную местность, делали в земле 5-6 небольших лунок на расстоянии 2-3-х метров друг от друга и палкой пытались загнать мяч (мяч был тряпичным, набитым шерстью) в лунку. Победителем игры считался тот, кто загонит больше всех мячей в лунки. Данная игра по своим правилам напоминает американскую игру в гольф.

Популярной среди детей была и игра «Даньдрукъ». Для этой игры выбирали ровное место. Взрослые изготавливали волчок, состоящий из заостренной деревянной палочки, на которую надевали и крепили деревянный круг с дырочкой посередине. Дети втыкали в землю волчок и с помощью плетки заставляли его вращаться. Кто дольше всех вращал волчок, тот и становился победителем.

Любимой игрой девочек была игра в свадьбу «Куршакъ той». Каждая приносила с собой куклу. Кукол делали из кукурузных початков. Делали кукол также из ткани, набив их шерстью. Куклам шили платица, платочки из разноцветных лоскутков. Порой гардероб куклы был намного разнообразнее гардероба ее хозяйки. Собравшись, девочки выбирали из кукол жениха и невесту, наряжали их соответственно случаю и начиналась «кукольная свадьба» со всеми атрибутами и сюжетом свадебного церемониала. Девочки точь-в-точь воспроизводили дей-

ствия взрослых по проведению традиционной свадьбы. «Кукольная свадьба» была любимой игрой и других дагестанских девочек¹.

В куклы играли и небольшими группами. Летом девочки лепили из глины кукол, домики, домашнюю утварь, веточками полыни огораживали кукольное жильё и играли в семью. Во время игры дети разыгрывали различные сцены из повседневной жизни взрослых.

Часто дети в своих играх подражали мычанию коров, бляению коз, овец, ржанию лошадей, лаянию собак. Подражали диким животным и птицам: совам, кукушкам, диким кабанам и т. д. Делали это в большинстве случаев на спор. Проигравший должен был прокатить на своей спине победителя.

Дети постарше подшучивали над малышами. Так, мальчики 12-15 лет подзывали к себе малышей и давали им разные поручения: кто быстрее пригонит овец, принесет воды, добежит до определенного места, дольше соперника простоит на одной ноге, дольше всех простоит с закрытыми глазами, достанет языком до кончика носа и т. д. Того, кто стойко перенесет все испытания, причисляли к взрослым, что являлось высшей наградой для малышей.

Взрослые вырезали из костей (обычно из кости лошади) игрушки для детей. Это были разнообразные фигурки животных, птиц, людей, свистульки. Вырезали игрушки также из дерева.

Таким образом, в жизни детей помимо игр, связанных с календарными праздниками и обрядами, посвященных производственным праздникам и циклам², существовали разнообразные игры развлекательного характера, не связанные непосредственно с трудовой и обрядовой сферами. Игры функционировали в повседневном быту, вне торжеств и праздников, вне ритуала. В структурном отношении их можно разделить на ролевые,

¹ Дибиров М.А. Дагестанские народные игры как историко-этнографический источник для изучения традиционного календаря (о возникновении аварского названия *среда чулладул кьо* «день рыбы») // Календарь и календарные обряды народов Дагестана / Сб. ст. - Махачкала, 1987. - С. 76.

² О календарных играх см. в главе «Календарные праздники».

имитационные, групповые, индивидуальные, игры с предметами и без них. По своей сути они направлены на воспитание детей, на развитие у них физической силы, выносливости, ловкости, смелости, наблюдательности, сообразительности и т. д.

Другим жанром детского фольклора является скороговорка «яньылтпа». Скороговорка – специально придуманная фраза с труднопроизносимым подбором звуков, быстро проговариваемая шуточная прибаутка¹.

Обычно дети предлагали друг другу произнести ту или иную скороговорку. Особый восторг, удивление и восхищение вызывали те, кто мог быстро и без запинки произнести наибольшую по объему скороговорку. Она не имела смысла, это был набор рифмованных, труднопроизносимых слов. Приведем две из них:

Ялпак тасты, Ап-пак таска Ягын калдым, Отты коьрип Талып калдым, Тарс, тарс Ямгыр явады Тарс, тарс, Тарс, тарс, Бул дурыс, Бу ырыс ² .	Плоский камень, К белому камню Размазал я, Увидел огонь И устал, Тарс, тарс, Идет дождь Тарс, тарс, Тарс, тарс, Это правда, Это совесть.
---	--

Другая скороговорка составлена в виде вопроса и ответа:

Ала карга, Ала карга, Кара карга, Арасында Айырмасы барма? Арасында Айырмасы Ала карга	Пестрая ворона, Пестрая ворона, Черная ворона, Между ними есть разница? Между ними такая разница Пестрая ворона –
---	--

Ала карга,
Кара карга,
Кара карга.

Пестрая ворона,
Черная ворона –
Черная ворона.

В детской среде авторитетом пользовались быстрые, ловкие, находчивые, смелые ребята. Объектом насмешек становились дети с каким-нибудь небольшим изъяном. Дети, заметив какой-нибудь недостаток у сверстника, давали прозвище: «сакав» (заика), «кылый» (косой), «бурынпаклы» (сопливый), «сийгекъ» (сыкун), «бадракъ» (глазастый), «багырбас» (большеголовый), «аксакъ» (хромой), «шолакъ» (криворукий), «базыкъ» (толстый), «кертанав» (курносый), «сепкибет» (конопатый) и т. п. Порой прозвище данное в детстве сопровождало человека всю его жизнь. Сочиняли дети и дразнилки – небольшие четверостишья, высмеивающие недостатки. Обычно дразнили во время небольших ссор.

Так, лысого дразнили:

Токал-токал тоймас,
Казанна уьйре коймас,
Эртен бердим бир сыйрак,
Кеште бердим бир сыйрак,
Тоймадыма токалак?

Лысый, лысый, ненасытный,
В казане каши не оставит,
Утром дал одну ножку (баранью),
Вечером дал одну ножку,
Не наелся, лысый?

Хромого дразнили:

Аксак, аксак,
Аягы токсак.

Хромой, хромой,
Нога костыль.

Дразнили и сопливых:

Бырым, бырым бок,
Бырымбокны шашырап
Танавларын калтырап.

Сопливый, сопливый,
Сопли летят,
Ноздри дрожат.

Косого дразнили:

Кылый, кылый,
Кылый коьз.
Кылый коьзге не керек?
Кыдырмага уьй керек.

Косой, косой,
Косой глаз.
Что косому глазу надо?
Прогуляться по домам.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1999. - С.724.

² Ай, Аданак... - С. 22.

Кыдырганна урунуп,
Кылый коьзин когуртуп.

Гуляя, ударился,
Косой глаз поранился.

Высоких дразнили так:

Узун, узун узапа,
Узупага созапа.
Созапага бес бутак,
Бес бутакка япырак.

Длинный, длинный, длинный,
Длиннее длинющего.
Длинющему пять веток,
Пяти веткам листья.

Высмеивался и такой недостаток, как заикание:

Сакав, сакав
Сак береим

Заика, заика,
Дам тебе сак (пожертвование
в виде зерна в количестве 2,5-3 кг),
В масле разболтав,
Какашку дам.

Майга, булгап
Бок береим

Высмеянный детьми тоже не оставался в долгу. Подметив среди своих обидчиков кого-нибудь хоть с малейшим недостатком, он тут же сам в ответ начинал дразнить.

Например:

Токал-токал тоймас
Казанна уьйре кьоймас,
Эртен ашай бир аяк,
Ахшам ашай бир аяк.

Лысый, лысый, ненасытный,
В казане каши не оставил,
Утром ест одну пиалу,
Вечером ест одну пиалу.

В ответ лысый, если заметит среди дразнящих сверстников кого-нибудь с недостатком, дразнил так: «...кызы бар эки да аягы маймак» – «У... (имя отца) дочь есть косолапая».

Часто дети помогали взрослым по хозяйству, нянчили младших братьев и сестер, которых приходилось успокаивать и занимать разными разговорами, петь им песенки и т. д. Так,

взяв на руки малыша, загибали ему пальчики руки, приговаривая при этом:

Бас бармак
Бас уятар,
Увызы бармак
Ун ийлер,
Орта бармак
От ягар,
Аьжибармак
Ат багар,
Энь кишкейн
Ийт багар,
Шуп – шунатай
Бийт багар¹.

Большой палец
Разбудит,
Указательный палец
Муку просеет,
Средний палец
Огонь разведет,
Безымянный палец
Коней пасет,
Мизинец
Собак пасет.
Шуп – шунатай
Вошь пасет.

Детям постарше нравилось запугивать малышей, это их забавляло. Так, они рассказывали страшные истории про Албаслы, шайтанов. Цель этих страшилок была проста и понятна: не дать маленьким детям далеко уйти от дома и потеряться, а также предотвратить излишнее баловство малышей, в противном случае Албаслы или шайтан заберет (украдет) непослушных.

Пугали дети друг друга и с помощью рук. Так, если ребенок желал узнать, труслив ли его друг, то они становились лицом к лицу на расстоянии полусогнутых рук. Желаящий испытать своего друга соединял большие, указательные пальцы и мизинцы обеих рук, спрятав средние и безымянные пальцы, получив таким образом верблюжью голову, и произносил следующие вопросы, на которые должен был получить ответы от испытываемого:

Сорав: Бу туьеге кым минер?
Явап: Мен минермен!
Сорав: Ыртык тонды, кым киер?
Явап: Мен киермен!
Сорав: Аксак койды кым багар?
Явап: Мен багарман!
Сорав: Артындан йылан шыкса,

¹ Ай, Айданак... - С. 20.

Алдында борю шыкса
Коркасынма, коркасынма?
Явап: Коркпан!

Вопрос: Кто сядет на этого верблюда?

Ответ: Я сяду!

Вопрос: Рваную шубу кто наденет?

Ответ: Я надену!

Вопрос: Хромую овцу кто будет пасти?

Ответ: Я буду!

Вопрос: А если сзади змея подползет, впереди волка увидишь,

Испугаешься, испугаешься?

Ответ: Не испугаюсь!

При произнесении последнего вопроса пальцы рук приближали к лицу того, кому задавали вопросы и резко разводили в стороны. Если при этом испытываемый не откидывал голову назад и не моргал глазами, значит, он действительно не из пугливых, и наоборот.

Итак, мы видим, что детский фольклор вполне реально отражает мир детей. Он является одним из важнейших факторов социализации ребенка в обществе, обучает ребенка культуре общения, выполняя регулирующую, коммуникативную, информационную и др. функции в жизни каждого ребенка и детской группы в целом.

* * *

Итак, устное народное творчество ногайцев, представленное различными фольклорными жанрами, отображает традиционную бытовую культуру народа, представления людей об окружающем мире. В образцах устного творчества отражен многовековой опыт народа, его житейская мудрость, этническое самосознание, межпоколенная связь, стремление молодежи передать морально-этические устои, воспитать чувство патриотизма.

ГЛАВА IV. НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ, КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

§ 1. Народный календарь и календарные обряды

Знания народа об окружающем мире, накопленные в результате многовековой трудовой деятельности сотен поколений, представляют собой одну из важнейших подсистем этноса¹. В этом смысле народный календарь представляет собой интереснейший источник не только истории верований, но и истории народных знаний, опыта многовековых наблюдений над природой². Изучение народного календаря позволит дать наиболее точную характеристику этносу и полнее представить его традиционно-бытовую культуру.

Народный календарь по своей сути регламентировал и направлял различные сферы жизни людей – производственную, общественную, семейную, космологическую, выполняя тем самым важнейшие социально-экономические функции.

Народный календарь ногайцев складывался на протяжении многих веков. Основанный на опыте и наблюдениях людей за природой лунно-солнечный календарь в этом плане занимал большое место в жизни ногайцев и наиболее полно отражал их скотоводческую и земледельческую культуру.

Солнечным календарем пользовались для определения времени суток, наступления времени года. Солнечный календарь бытовал у ногайцев вплоть до 20-х годов XX века. Согласно солнечному календарю месяц март назывался «козы» (ягненок), апрель – «обгиз» (бык), май – «эки юлдыз» (созвездие), июнь – «шаян» (рак), июль – «барс» (барс), август – «аслык буюртик» (семена), сентябрь – «шекки» (весы), октябрь – «бий» (паук), ноябрь – «авлак», – (поле), декабрь – «эшки баласы»

¹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. - М., 1981. - С. 211.

² Рыбаков Б.А. Язычество в Древней Руси. - М., 1987. - С. 184.

(козленок), январь – «кавга» (мешок воды), февраль – «балык» (рыба)¹.

Лунный календарь служил для подсчета дней и месяцев. Год по мусульманскому лунному календарю состоял из 354 или 355 дней, т. е. был на 11 дней короче тропического солнечного года. Новый год в этом календаре каждый год на 11 дней отступает назад, постоянно переходя с лета на весну, потом на зиму и осень и в течение 33 солнечных лет обходит все времена года².

По лунному календарю год делится на 12 месяцев, содержащих то 30, то 29 суток. Каждый месяц имел арабские названия: 1) «мухаррам» (первый месяц) – 30 дней, 2) «сафар» – 30, 3) «раби-ал-аввал» – 30, 4) «раби ал-ахир» – 29, 5) «джумада ал-аввал» – 30, 6) «джумада ал-ахира» – 29, 7) «раджаб» – 30, 8) «шабан» – 30, 9) «рамазан» – 30, 10) «шаввал» – 29, 11) «зулкада» – 30, 12) «зул-хиджа» – 29.

Наряду с арабскими названиями месяцев ногайцы пользовались и местными названиями. Месяц обозначался словом «ай», каждый месяц имел свое название и значение. Так, март называли «навруз», апрель – «коькек ай» (месяц кукушки), май – «курал» (месяц стройки, что означает в переносном смысле обновление природы), июнь – «тамбыз», июль – «шилле» (месяц, когда наступает жара), август – «сары тамбыз» (месяц желтого тамбыза), сентябрь – «кырк кийик» (месяц сорока диких зверей, время, когда звери готовятся к продолжительной зиме), октябрь – «казан айы» (месяц котла), ноябрь – «караша», декабрь – «карагыс» (букв. месяц черной зимы), январь – «каньтар», февраль – «увыг».

Существовали и другие названия месяцев, связанные с хозяйственной деятельностью, выполняемой в определенные месяцы. Например, время с марта по апрель называли «сабан-ай», что означало время плуга, время с мая по август называли «пишен шал» – время сенокоса, а время сбора урожая – «аслык

¹ См.: Керейтов Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1989. - С. 99-100.

² Россовская В.А. Календарная даль всков. - М., 1936. - С. 91.

шал» (букв. косить хлеб). Уборка урожая зерновых проходила приблизительно с 15-20 июня. Октябрь назывался «кызыл бидай» (букв. красная пшеница). В это время поспевала кукуруза «ажи бидай» и наступало время ее сбора. Приблизительно в этот же период, октябрь – ноябрь, люди начинали свои приготовления к предстоящей зиме, и это время называлось «кыска азырленув» (букв. к зиме готовиться).

Начало каждого месяца ногайцы, как и большинство других народов, связывали с первым появлением луны в виде узкого серпа. Ее появление обязательно приветствовали словами:

Ай тувды, аманман,
Авызыв толы ийманман,
Яньы айдай яркын эт,
Яс баладай куьнаси эт,
Бай теректей буьрли эт,
Байхамардай нурлы эт!

Родилась новая луна,
И я в сохранности.
Рот мой полон веры.
Сделай мое лицо светлым,
Как лицо новой луны.
Сделай меня безгрешным,
Как новорожденный ребенок.
Сделай меня подобным дереву,
Покрытому почками.
Сделай меня одухотворенным
И лучезарным, как пророк¹!

По фазам луны определяли начало, середину, конец месяца. Месяц делили на 4 недели (4 юма), неделю на 7 дней (7 куьн). Ногайцы, как и все мусульмане, знали арабские названия дней недели, но в повседневной жизни использовали местные. У степных ногайцев они имели следующие названия:

Дуьйсемби – понедельник
Саьли – вторник
Саьрсемби – среда
Киши юма – четверг (букв. маленькая пятница)
Уллы юма – пятница (букв. большая пятница)
Юма соньгы – суббота (букв. день, следующий за пятницей)

¹ Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа / Сб. статей. - Махачкала, 1989. - С. 72.

Каты куьн – воскресенье

У кубанских ногойцев имеются отличия в названиях некоторых дней недели.

Дуьсемби – понедельник

Саьли – вторник

Саьрсемби – среда

Бийсемби – четверг

Юма – пятница

Юма эртеси – суббота

Базар – воскресенье

Отсчет новой недели начинался с рассвета в воскресенье. Новый день также начинался с рассвета. Счет дней велся на три дня назад.

тунекуьн – вчера

бирсикуьн – позавчера

о бирсикуьн – позапозавчера

На 3 дня вперед

букуьн – сегодня

танла – завтра

танла туруп бирсикуьн – послезавтра

Все последующие подсчеты производились с помощью чисел. Например, три дня тому назад – «уш куьннен ариягында», через четыре дня – «дортъ куьннен соныг».

Существовали и такие понятия, как:

Недавно – янгьларда

Давно – копте

Очень давно – коптогы зат

В сутках (кеше – куьндиз) ногойцы различали 12 частей. День условно делили на 6 частей:

1. Тань – рассвет

2. Эртеньлик – утро

3. Куслык – 11 часов

4. Туьс – обед (12 часов)

5. Талма туьс – время после обеда (12-13 часов)

6. Экинли – время до захода солнца

Ночь также делили на 6 частей:

1. Аксам – сумерки (18 – 19 часов)

2. Ясы – ночь (с 12 до 23 часов)

3. Ятар – букв. время сна (с 23 часов до 1 часа ночи)

4. Биринши коразлар – букв. первые петухи (1 час ночи)

5. Экинши коразлар – вторые петухи (2 часа ночи)

6. Ушинши коразлар – третьи петухи (3 часа ночи)

По полевым материалам Р.Х. Керейтова деления суток имеют следующие названия: «туьн» – ночь; «терен туьн» – глубокая ночь; «тань каралык баслаган» – заря начала разгораться; «тань белги берип баслаган» – заря начала обозначаться; «тань агарып баслаган» – заря начала белеть (светать начало); «тань ярыгы туьсти» – свет зари упал; «тань атты» – рассвело; «эртен болды» – наступило утро; «куьннинь коьзи коьринди» – солнце показалось; «кьуслыкь» – 7 – 8 часов утра, когда начинают петь птицы; «куьннинь коьзи бир арканга коьтерилди» (букв. глаз солнца поднялся на два аркана); «туьс» – 10 – 12 часов дня; «эриншек» (букв. ленивец) – 14 – 16 часов; «куьн кавысты» – солнце скрылось; «кьас каралды» – потемнело; «экинли болды» – букв. второе стало¹.

В летний период днем время определяли по солнцу. Если человек становился лицом к северу и тень падала слева от него – это означало время до обеда, если тень падала прямо перед ним с его размер, то это означало 12 часов по полудню, если справа, значит, наступила вторая половина дня. Свообразными солнечными часами являлось также верхнее отверстие юрты (шагъарак), основу которого составляло колесо со спицами. Последующее пребывание солнца в каждом из этих делений и означало определенное время дня.

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 99.

Таким образом, лунно-солнечная система требовала точных расчетов, знаний о движении солнца со сменой лунных фаз, и потому находилась в ведении духовных лиц, которые в большинстве случаев и определяли время проведения сельскохозяйственных работ.

Кроме этого, духовные лица и люди, совершающие днем пятикратные молитвы, пользовались собственными названиями отрезков времени: «эртенги намаз» – утренняя молитва, «уьйле (туьс) намаз» – обеденная молитва в 13 часов, «эжинли намаз» – послеобеденная молитва, совершаемая примерно через два часа после обеденной, «аксам намаз» – вечерняя молитва, «ясы намаз» – ночная молитва.

Наряду с лунно-солнечным календарем ногайцы, как и народы Средней Азии и Казахстана, пользовались 12-летним животным или «звериным» циклом летоисчисления. Этот цикл известен народам Средней Азии, Сибири¹, почти всем тюркоязычным народам Северного Кавказа: кабардинцам, черкесам, абазинам, карачаевцам, балкарцам², кумыкам³.

Согласно этому циклу каждый год (йыл) имеет свое название и очередность прохождения внутри цикла. 1. «Шышкан йылы» (год мыши); 2. «Сыйыр йылы» (год коровы); 3. «Барс йылы» (год барса); 4. «Коян, таушан йылы» (год зайца); 5. «Улу, балык йылы» (год рыбы, дракона); 6. «Йылан йылы» (год змеи); 7. «Йылкы, ат йылы» (год лошади); 8. «Кой йылы» (год овцы); 9. «Мешин, маймын йылы» (год обезьяны); 10. «Тавык йылы» (год курицы); 11. «Ййт йылы» (год собаки); 12. «Донъгыз йылы» (год свиньи).

О происхождении 12-летнего животного цикла летоисчисления интересные сведения сохранились у казахов, одного из самых близких к ногайцам в этническом и духовном плане народов. Так, казахская легенда гласит: «Однажды всем животным стало известно, что скоро должен появиться «год». Они собра-

лись его встречать, и каждый, желая первым увидеть «год», старался занять лучшее место. Только один верблюд оставался невозмутим: он надеялся на свой высокий рост и был уверен, что первым увидит именно он. Но в тот момент, когда должен был показаться «год», мышь незаметно забралась на голову верблюда и, будучи выше всех, первой увидела «год». Она сразу же закричала, и только тогда верблюд заметил, что его одурачили. Разозлившись, он погнался за мышью, чтобы растоптать ее. В это время представление уже началось, все животные один за другим обозрели «год», а самонадеянный верблюд так и не успел увидеть его, и поэтому не попал в число животных, имена которых носят года»¹.

На протяжении многих веков люди наблюдали за прохождением 12-летних циклов, и свои знания о годах они передавали последующим поколениям. Старшее поколение до сих пор помнит о наиболее важных событиях своей жизни по названию года, в котором оно произошло. Например, по животному циклу летоисчисления помнили, когда кто родился или умер, когда происходили те или иные стихийные бедствия (засуха, эпидемия, падеж скота, голод и т. д.). Таким образом, каждому году приписывались особые свойства, а детям, родившимся в этот год, определенные черты характера.

Так, год мыши (шышкан йыл) считался урожайным. Детям, родившимся в этом году, предрекали счастье.

Урожайным считался и год коровы. Детей, родившихся в начале года, считали полезными для общества, в середине года – счастливыми, послушными, в конце – со слабым здоровьем.

Относительно третьего по счету года в 12-летнем животном цикле – года барса – в народе существуют разные мнения. Одни считают его хорошим, урожайным годом. В народе говорили: «Сыйыр йыл сыдырылмасан, барс йыл бай боларсын» («Если в год коровы выживешь, то в год барса богатым будешь»). Другие же считали его суровым, холодным. В этом году ожидали различные природные катаклизмы. Говорили, что дети,

¹ Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. - Ашхабад, 1983. - С. 12.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 94.

³ Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. - Махачкала, 1989. - С. 10.

¹ Абишев Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. - Алма-Ата, 1949. - С. 7.

родившиеся в начале года, будут счастливыми, в середине – умными, в конце – трусливыми и ленивыми.

С предубеждением относились к году зайца. По поверьям, в этот год урожай бывает средним, а дети, родившиеся в год зайца, обычно трусливы, но это качество компенсировалось энергичностью, оптимизмом, а также хитростью¹.

Не совсем удачным считался и год рыбы. В этот год ожидали суровую зиму и предположительно низкий урожай и массовый падеж скота. Считали, что дети, родившиеся в начале года будут нехорошими, в середине года – терпеливыми, в конце – непослушными.

Холодным, неурожайным годом считался и год змеи. По поводу этого года в народе говорили: «Тавык йыл – тырнар, йылан йыл кыйнар» («Год курицы будет царапать, год змеи – мучить»). Детям, рожденным в первой половине года, сулили удачу в делах, рожденным во второй половине – несчастье.

К категории плохих относили также год лошади. Ожидали суровую зиму, и потому готовились к ней основательно². Детей, родившихся в начале года, считали умными, в середине – хорошими, послушными, в конце – непослушными.

Год овцы, следующий по счету, тоже не предвещал ничего хорошего. Старики говорили, что в этот год в мире произойдут войны, но они будут непродолжительными. Считали, что урожай погибнет. Дети, рожденные в начале года, будут полезными для людей, в середине года – «легкими», послушными, в конце – нехорошими.

Существует и совсем противоположное мнение. Считают, что в год овцы бывает хороший урожай, приплод, зимовка проходит успешно, в результате устраивается много свадеб, различных праздников, а родившемуся в этот год ребенку сопутствует в жизни удача³.

Хорошими, урожайными годами считались год обезьяны и год курицы. Год обезьяны отличался суровой зимой, отмечали также падеж лошадей. Ребенка, родившегося в начале года, счи-

тали хорошим, в середине – завистливым, в конце – бесполезным.

Детей, родившихся в начале года курицы, считали несчастливыми, в середине года – трудными, в конце – жизнерадостными, известными, совестливыми, щедрыми.

Год собаки считали плохим, неурожайным. По поверьям, в этот год бывает много смертей, болезней. Зиму ожидали холодной и длинной. Ногайская пословица гласит: «Йит йыл – ийт бурындай сувык йыл» («Год собаки холодный, как собачий нос»). Детей, родившихся в первой половине года, считали конфликтными, во второй – хорошими.

Больших перемен, войн, трудностей, болезней ожидали в год свиньи. Говорили, что зима будет теплой и длинной, а год – урожайным. Родившиеся в начале года будут гордыми, в середине – лгунами, в конце – терпеливыми.

Итак, каждому году давалась характеристика, которая причисляла его либо к хорошему году, либо к плохому. Так, к хорошим относили год мыши, коровы, обезьяны, курицы, к плохим – год барса, зайца, рыбы, змеи, лошади, овцы, собаки, свиньи.

В году выделяли два больших периода – теплое время «яз» и холодное время – «кыс». К теплому времени относили март, апрель, май, июнь, июль, август, к холодному – сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль. Вместе с тем существовала разбивка на четыре времени года: весна (яй), лето (яз), осень (куыз), зима (кыс).

Весна. Начало весны люди связывали с наступлением марта. Но бывало и так, что зимние морозы не отступали даже в марте месяце. И только в конце марта – в начале апреля люди считали, что зима завершилась и все тревоги позади. В народе говорили: «Март шыкпай, дерт шыкпас» («Пока март не завершится, печаль не покинет»). Однако снежный март был желателен. Снег питал землю влагой и тем самым обеспечивал в будущем хороший травостой. «Март карлы болса элинге пайда болар», («Снежный март пользу принесет») – говорили в старину.

Приход настоящего тепла связывали с праздником Навруз, который отмечали 21-22 марта – день весеннего равноденствия. «Навруздан сонъ йылув энер» («После Навруза тепло насту-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 96.

² Там же. - С. 96.

³ Там же. - С. 96.

пит»), – отмечали старики. Этот праздник считался и точкой отсчета для нового года. Это был период пробуждения природы, наступления долгожданного тепла, начала сельскохозяйственных работ. Предвестниками весны считали появление в степи первой зеленой травы («коьк оьлен»), одуванчиков («маметеке»), конского щавеля («аткуьлакь»), а также прилет скворцов («кара торгай»), затем ласточек («кьарлы гьаш»), удонов («кокек»). Ласточку ногайцы считали священной птицей, ее гнездо не разрушали, даже если оно находилось внутри жилого помещения. По преданию, однажды, в далеком прошлом, ласточка спасла от укуса змеи спящего человека. Ласточка шумом разбудила человека, и змея, испугавшись, уползла прочь. Проснувшись, человек увидел летающую над ним ласточку и, не разобравшись, кто же на самом деле нарушил его сон, схватил ее за хвост и вырвал перья. С тех пор у ласточки хвост раздвоенный.

Интересное сказание существует и о ночной птице «ат екь» (букв. «нет коня»), имя которой неизвестно народу. Предположительно эта птица – кукушка. Согласно преданию, у отца с матерью была дочь. Как-то вечером отец недосчитался в табунах одного коня и сказал об этом своей жене, которая в это время доила корову. Дочь находилась в доме. Услышав это известие, она выскочила из дома, не успев надеть на ногу второй носок, и стала расспрашивать родителей: «Ат екь?» («коня нет?»). За излишнее любопытство и отсутствие терпения Аллах превратил девушку в птицу, у которой одна лапка красного цвета, напоминающая носок. До сих пор девушка летает по свету и кричит «Ат екь!» «Нет коня!».

Предание о птице «ат екь» существует и у кумыков. Там в птиц бог превратил брата и сестру, которые ищут друг друга и не могут найти¹.

Начало весны было самым тяжелым временем года для людей. Запасы продуктов и корма для скота были на исходе. Главной задачей для скотоводов было сохранение поголовья. Для этого предпринимались все меры: скот вскармливали сухой травой, ивовыми ветками, кустарниками. Про это время ногай-

цы говорили: «Яз болды, ярыкъ болды, айванлар арыкъ болды» («Весна наступила, светлее стало, скотина исхудала»).

В этот же период начиналось и ягнение овец. Окот требовал от скотоводов больших усилий, навыков по уходу за овцематками и ягнятами. В это время они круглосуточно дежурили у овцематок, которых они заранее отделяли от стада в отдельные утепленные домики, построенные из сухих «перекати-поле», помогали им окотиться, принимали только что родившихся ягнят. Слабых ягнят выхаживали. Начавшись в марте, окот продолжался до середины апреля. С 15 по 20 марта в Ногайской степи начинался и посев яровых хлебов, продолжавшийся до середины апреля¹.

Середина весны была самой благодатной порой для скотоводов. Степные ногайцы покидали зимники «кыслав» и уходили в места летних выпасов. Погода устанавливалась теплая, в степи цвели тюльпаны («каргатли»), маки («бору шешек» букв. «волчий глаз»). Уже с ранней весны в степи было достаточно корма для скота.

С наступлением настоящего тепла, в мае месяце, начиналась стрижка овец. Стрижка делилась на весеннюю («язлык кыркым») и осеннюю («куьз кыркым»). На стрижку овец собиралось все трудоспособное мужское население аула. Старейшины села, посоветовавшись, назначали день проведения стрижки. Обычно это был ясный, безветренный день, но не среда (этот день считался неблагоприятным), четверг – пятница (в эти дни было принято поминать усопших). У степных ногайцев скотоводство было основным занятием, приносящим хороший доход от продажи мяса и шерсти, и потому стрижка овец была ответственным и радостным событием. Перед ее началом приглашали муллу. Мулла читал молитвы, ему подносили таз с водой, над которым он произносил определенную молитву, после чего вода как бы считалась заговоренной. После этого мужчины по очереди опускали в заговоренную воду специальные ножницы для стрижки овец «кырклы» для того, чтобы стрижка прошла быстро, успешно и без потерь.

¹ Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. - Т. 1. - Ставрополь, 1910. - С. 483.

¹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 15.

Стрижку овец начинали утром и завершали до заката солнца, с перерывами на отдых. Недалеко от места стрижки мужчины разводили костры, устанавливали котлы (къазан). Женщины готовили традиционные блюда: ногоайский чай, баурсак (кусочки теста, обжаренные в масле), суп-лапшу из баранины. После работы все собирались для совместной трапезы. Так продолжалось несколько дней, пока не завершат работу. После стрижки устраивали праздник для всех жителей аула «Кой кыркымнын байрамы» («Праздник стрижки овец»). Резали баранов, готовили суп с лапшой из баранины, «катламу» (слоеный масляный хлеб), «йыпатак» (сдобные кусочки теста, обжаренные в масле), «сербет сув» (сладкая вода) и другие традиционные угощения и кормили всех присутствующих.

Конец мая – начало июня – время весеннего травостоя. Заготовка сена считалась ответственным делом, т. к. от его количества зависело поголовье скота. По этому поводу существует легенда, записанная Р.Х. Керейтовым. «У одного хана была красивая дочь, в которую был влюблен соседский красивый, но бедный парень. Хан же хотел выдать дочь за богатого человека. У хана было много скота, который ежегодно уже в марте переходил на подножный корм, поэтому хан не очень думал о заготовке сена, чтоб его хватило аж до апреля. Соседский парень, имевший несколько голов скота, как правило, заготавливал много сена. Однажды уже в марте хан выгнал весь свой скот на летние пастбища. Зеленела трава, стояла хорошая погода. Ничто не предвещало ненастья. Первого апреля вдруг пошел снег, замела пурга, ударил мороз, трава покрылась коркой льда. Пришлось скот загонять в базы. Скот из-за голода был на грани гибели. Хан обратился за помощью к бедному парню и послал к нему слуг. Ходатаи вернулись с отрицательным ответом и сказали, что молодой человек хочет видеть самого хана. Хану пришлось смириться с предложением парня, пойти к нему с поклоном и изложить цель прихода. Молодой человек поставил условие: отдать сено, но взамен получить его дочь, отвечающую ему взаимностью. Хан был возмущен поведением юноши, хотел было отдать приказ избить его. Снег не прекращался, скот начал повально гибнуть и, чтобы совсем не остаться без скота, хан на

следующий день сам привел дочь в дом юноши и тут же забрал все сено, и тем самым спас собственное стадо»¹.

Сено старались приберечь вплоть до середины апреля, т. к. апрель считался самым непредсказуемым месяцем. Так, ногоайская пословица гласит: «Коркпа марттынъ кысыннан, корк апрельдинъ бесиннен» («Не бойся зимы в марте, а бойся пяти дней в апреле»).

В мае скотоводы выходили на сенокос. У кубанских ногоайцев выход на сенокос носил более торжественный характер, нежели у степных и астраханских, которые заготавливали сено в небольшом количестве, т. к. скотина почти до конца зимы находила себе в степи под снегом корм. Кубанским и кумским ногоайцам приходилось заготавливать сено и для себя, и на продажу. Сено заготавливали за пределами аула. Собиралось почти все трудоспособное мужское население аула. Устраивались торжественные проводы косарей. На арбы грузили жертвенного барана, продукты и все необходимое. Старейшины аула поздравляли косарей с началом сенокоса, желали хорошей погоды, молодые люди веселились, пели песни, танцевали. Непременным участником проводов был ряженный «теке» (букв. козел). Он рядился в грязную одежду, на лицо надевал маску козла и веселил людей. С шутками, песнями косари на арбах отъезжали в степь. Прибыв на место, косари сооружали временное жильё, выбирали повара и ответственного за проведения сенокоса². Женщины в сенокосе участия не принимали, это считалось сугубо мужским делом. Отбивать косы поручали самому опытному косарю, а начать сенокос – самому старшему и уважаемому человеку. Сенокос старались завершить в кратчайшие сроки, работали с перерывами и днем, и ночью, опасаясь дождливых дней.

Свежескошенную траву собирали в кучи, как только трава подсыхала, ее связывали в небольшие копны «къапна», из которых затем делали более крупные «ата». Складывание в скирды тоже требовало определенных навыков. Умело сложенная скирда не рассыпалась и не впитывала воду. Сенокос носил коллек-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 115.

² Там же. - С. 119.

тивный характер, но каждой семье отводился отдельный участок. Сенокос начинался в мае и завершался в августе.

Лето. Лето в степи было жарким, и ногайцы его условно делили на три периода. Период от начала до середины лета называли просто «яз» (лето). Затем наступало время, которое в народе именовали «кишкой шилле» (малая жара), длилось оно около 10 дней: с 5 по 16 июля. Потом наступал период «отемис шилле» – 40 самых жарких дней лета с 16 июля по 25 августа. За ними следовал «сары тамбыз» с 25 августа по 14 сентября – время, после которого наступал спад жары и конец лета.

Летом, почти сразу после весеннего сенокоса, готовились к уборке зерновых. Много усилий и труда вкладывали труженики в сохранение посевов от засухи и саранчи. Ее нашествие могло полностью уничтожить будущий урожай и оставить людей без хлеба. Поэтому предпринимались все возможные меры по ее истреблению. Истреблять саранчу выходило все население, включая детей. Люди делились на группы, у каждой группы был свой участок поля. Группа, образовав кольцо, вооружившись метлами, ветками, ведрами, становилась на колени и била метлами по земле, палками по ведрам, создавая шум. От этого шума саранча собиралась в центр круга. Когда круг сужался и образовывалось плотное кольцо, люди начинали бить метлами саранчу, топтать ее ногами.

Вырастив урожай, приступали к его уборке. Ранее всех поспевал ячмень «арпа», затем пшеница «бидай». У кубанских, кумских ногайцев, а также едишкульцев и едисанцев уборка колосовых превращалась в праздник. Перед тем, как приступить к массовой уборке, на окраине аула собиралось все население. Из остатков прошлогоднего зерна пекли хлебные изделия, которые выставлялись на общее обозрение, а затем поедались присутствующими. Первыми угощались дети, затем старики и все остальные. Устраивались скачки, состязались в своем мастерстве певцы и музыканты. Сжать первый сноп доверяли старшему в роду, а связывала сноп женщина¹.

Пшеницу собирали в снопы, сушили и везли на ток «ындыр». Затем зерно молотили и засыпали в специальные ямы, об-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 120.

мазанные глиной и застланные камышом. В такой яме зерно сохранялось лучше, т. к. камыш не пропускал влагу и поддерживал одинаковую температуру. Подобным способом зерно хранили и турки Центральной и Юго-Восточной Анатолии¹.

После сбора колосовых устраивали праздник «ындыр той» (букв. праздник тока) с угощениями из муки нового урожая.

У степных ногайцев после сбора зерновых устраивали «аслык йыйвдынъ байрамы» (букв. праздник сбора хлеба). На праздник из муки нового урожая пекли лепешки и угощали ими всех присутствующих. Для старшего же поколения выпекали специальный хлеб, украшенный фигурками животных, птиц из теста. Старики передавали хлеб из рук в руки, отламывая от него кусочек. Попробовав хлеб, просили у всевышнего доброго урожая в будущем году. У ногайцев Северного Причерноморья жатва совершалась в июле, по окончании которой также устраивали праздник².

Летом также заготавливали топливо на зиму. Кубанские и кумские ногайцы собирали в лесу сушняк. Топливо свозили во двор и складывали в специально отведенное для этого место. Степные ногайцы заготавливали кизяк. Когда скот выгоняли на летние пастбища, женщины и дети начинали чистить зимние кошары. Скопившийся за зиму, истоптанный скотом помет острой лопатой резали на квадраты. Спрессованные квадраты, подсушив, складывали в суслон. Затем переносили поближе к дому, складывали и обмазывали жидким коровьим пометом.

Осень. Осень «кьуз» в степи начиналась примерно с середины сентября и продолжалась до середины ноября. В сентябре кубанские и кумские ногайцы, собрав с полей последний урожай зерновых, старались вспахать землю под озимые и засеять ее. Ногайцы Северного Причерноморья посев озимых проводили не ранее октября³. Ногайская пословица гласит: «Куьлте туй-

¹ Мусаева М.К., Магомеддадаев А.М., Курбанов М.Ю. Дагестанская диаспора в Турции (Историко-этнографические очерки). - Махачкала, 1999. - С. 108.

² Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836, № 9-12. - С. 225.

³ Там же. - С. 225.

сти – куыз болды» («Собрали пшеницу в снопы – наступила осень»).

В августе – сентябре ногайские женщины приступали к изготовлению войлока. В доме собиралось 5-6 женщин, обычно соседки и родственницы, и начинали валять войлок. Готовили сразу несколько. Войлок «кийз» делали обычно размеров 2 м x 1,5 м, на его изготовление требовалось около 10 кг шерсти овцы грубошерстной породы весенней стрижки.

Кийзы делали темные и светлые, для этого специально подбирали шерсть по цвету, темные цвета со светлыми не смешивали.

Войлок изготовляли как для личного пользования, так и на продажу. Известными мастерицами в изготовлении кийзов были Шапиев Межитова, Ажи-бике из с. Кумбатар, Айшат Динашева из с. Кумли. Изготовлением войлока в начале осени примерно по той же технологии, что и у ногайцев, занимались и монгольские женщины¹.

В сентябре – октябре население начинало подготовку к зиме. В сентябре у кубанских ногайцев стада возвращались с отгонных пастбищ, встречать их выходили все жители аула, по этому случаю устраивали конные скачки, увеселительные игры, за благополучное возвращение резали жертвенное животное. В это же время проводили осеннюю стрижку овец. Степные же ногайцы стрижку овец переносили на ноябрь. После стрижки овец купали в специальном растворе против чесотки².

Осенью же начинали заготавливать мясо на зиму. Для этих целей резали баранов, забивали лошадей. Мясо солили в специальном растворе, сушили, делали из него колбасы. В больших бочках заготавливали сыр, в основном овечий. Из молока делали «курт» – соленый творог. Съестных припасов заготавливали столько, что хватало на всю зиму. К зиме готовили и юрты: укрепляли, утепляли. Чабаны чинили загоны для скота и т. д.

В ноябре месяце к овцам подпускали баранов. В связи с подпуском баранов Р.Х. Керейтовым зафиксирован следующий обряд. К одному из старейшин подводили барана, он держал

¹ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. - М., 1989. - С. 255-256.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 130.

барана символически за рога, а кто-то из присутствующих сажал на барана девочку, затем барана пускали к овцам. Сажание девочки на барана связано с тем, чтобы у овцы появились ягнята-самки (ургашы коьп козласын). На отару из 700-800 овец пускали 12-16 баранов-производителей¹.

У степных ногайцев перед случкой овец ходили к мулле, просили у него заговоренную воду, обмывали этой водой голову барана-производителя (кошгьар) и пускали его в стадо. Овец сверху осыпали пшеницей, которая якобы способствовала увеличению поголовья. Этот период времени сопровождался резким изменением погоды: понижением температуры воздуха, выпадением осадков в виде снега. Это время в народе именовали «кошгьар кашым» (букв. случка овец). Осенью ногайцы завершали все полевые работы.

Зима. По народным представлениям зима («кыс») начиналась с середины ноября и продолжалась до 21-22 марта. Приближение зимы ногайцы связывали с исчезновением поздней осенью с небосклона созвездия «Уьлкер» (Плеяды). Люди говорили: «Уьлкер батар, бок катар» (Уьлкер скрылась, и навоз затвердел). Соседи ногайцев кумыки говорили так: «Уьлкер батды – ер кьатды» (Уьлкер скрылась, и земля затвердела).

В декабре в Ногайской степи скот пригоняли к местам зимовок, жеребцов отбивали от табуна и держали отдельно до начала весны. С завершением последних хозяйственных приготовлений к долгой зиме начиналось время отдыха для тружеников.

Зимнее время года изобиловало различными мероприятиями и развлечениями. Люди объединялись по половозрастным критериям. Так, девушки и молодые женщины устраивали посиделки, называемые «басланув». Юноши на эти мероприятия не допускались. Собирались в назначенный день в доме у одной из девушек. Хозяйка дома заранее готовилась к предстоящему приему гостей. Она прибиралась в доме, готовила угощения и пр. Девушки приходили со своими продуктами и работой. Здесь они занимались рукоделием: вязали носки, шили уюки (войлочные носки), обрабатывали шерсть, пряли нитки, вышивали. Во время работы девушки рассказывали разные истории, советовали

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 130-131.

лись, обсуждали события, происходящие в их ауле, шутили, пели. В перерывах между делом танцевали.

Собственные вечера «джиен» организовывали и взрослые женщины. Они заранее договаривались собраться у кого-нибудь дома. Каждая приходила со своей работой и с продуктами. Из принесенных продуктов хозяйка готовила угощения. Женщины беседовали, пели песни, шутили и выполняли работу: чесали шерсть, шили шубы, чинили одежду и т. д. Таким образом, женщины одновременно работали и веселились.

Как считают исследователи, эти объединения восходят к древнейшим женским союзам, связанным с половозрастным делением общества. Подобные женские объединения зафиксированы у киргизов¹, хваршин², даргинцев³, лакцев⁴ и др.

У мужчин тоже были свои мужские объединения. Мужчины независимо от возраста собирались поквартально, в один из домов по договоренности. Хозяин дома готовился к приему гостей, распоряжался на счет угощения. Гостей рассаживали, кормили мясом, хинкалом из кукурузной муки. Здесь же молодежь училась у старших правилам поведения за столом в обществе мужчин. Собравшиеся обсуждали события, происходившие в ауле и за его пределами, беседовали с молодежью, наставляли ее. Все это происходило одновременно с выполнением определенных работ: резьбой по дереву, изготовлением предметов домашней утвари и т. д.

Старшее поколение старалось передать свои навыки и умения в каком-либо ремесле молодым. Молодые же состязались в ловкости, силе, приемах борьбы. Подобные мужские объединения бытовали и у народов Дагестана⁵.

¹ Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX - начале XX в. - Л., 1984. - С. 169.

² Мусаева М.К. Хваршинцы XIX - нач. XX в. - Махачкала, 1995. - С. 188.

³ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. - М., 1949. - С. 188-189; Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX - нач. XX в. - Махачкала, 2001. - С. 141.

⁴ Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - начале XX в. - М., 1985. - С. 118.

⁵ Шиллинг Е.М. Указ. раб. - С. 147-173; Агларов М.А. Андийская группа народностей. Канд. дисс. - Махачкала, 1967 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН - Ф. 3. Оп. 3. - Д. 67 - С. 212-217; Гаджиева С.Ш. Указ. раб. - С. 117; Лугуев С.А. Общественный быт лакцев во II половине XIX - нач. XX в. Автореф. канд. дисс. - Л.,

Существовал и другой вид мужских развлечений - это игровой обряд «кезбе боза» (букв. боза по очереди). Проходил он обычно осенью и зимой, когда все сельскохозяйственные работы были выполнены. Мужчины объединялись поквартально по возрасту и устанавливали очередность. Каждый член объединения был обязан выставить на стол хмельной напиток «боза», напоминающий по вкусу пиво. Готовили бузу из проса или кукурузы. Для этого «просо очищали от кожуры, слегка молотили на специальной мельнице. Затем варили в большом котле. Получалась каша коричневого цвета. Перед варкой заливали водой и оставляли для брожения на несколько дней. Варили после брожения. После варки кашу пропускали через сито, остатки на сите собирали и вновь делали бузу»¹. Избирался старший объединения «боза агасы» (букв. старший бузы). По его указанию собирались мужчины, превращая сборы в праздник песен, рассказов, шуток с потреблением напитка. Во время питья существовал определенный этикет. Первое угощение по традиции должен был устроить «боза агасы». Приготовив напиток, хозяин оповещал мужчин, и они в назначенный день собирались у него. Право первым пригубить напиток предоставлялось самому «боза агасы», который произносил пожелание, затем пригублял сидящий справа от него, считавшийся вторым после «боза агасы» лицом, а тот в свою очередь передавал «тостанак» (специальная посуда для питья) следующему по рангу, то есть сидящему слева от «боза агасы», затем шли уже все остальные (по возрасту)². За столом обязательно пели песню о бузе:

Боза, боза, боза ды

Боза сувдан тазады,

Эрбегей шопьтинъ басады,

Буза, буза, да будет буза,

Буза чише воды,

Она - любимый напиток мужчин.

1982; Исламгагомедов А.И. Мужские собрания гьоркьо рукъ у аварцев // Тезисы докл. научн. сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1984 - 1985 гг. - Махачкала, 1986. - С. 25; Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана. - Л., 1988. - С. 113-114; Мусаева М.К. Указ. раб. - С. 189; Карнов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. - Л., 1996. - С. 49-50.

¹ Schlatter D. Bruchstücke aus einige Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. St. - Gallen - Bern, 1836. - S. 250.

² Керейтов П.Х. Указ. раб. - С. 132.

Эрлердинь суйип
Ишкен асыды.
Боза, боза, бозады
Боза сувддан тазады.
Боза таппай, харам деп,
Афендилер азады!

Буза, буза, да будет буза,
Буза чише воды.
Не найдя бузу, объявляя ее запретной,
Эфендии худеют¹!

Во время такого сбора устраивались и спортивные состязания. Следует заметить, что подобные сборища в пьянки не превращались, показаться в пьяном виде считалось постыдным делом.

«Кезбе боза», так же, как и «басланув», аналогичен киргизскому «жоро бозо», и в видах развлечений они совпадают². Этот факт подтверждает существование древних этнокультурных взаимосвязей ногайцев и киргизов.

Дети, как и взрослые, проводили зимнее время в играх и забавах. Когда земля покрывалась снегом, дети катались на санках, лыжах, играли в снежки, лепили из снега домики, фигурки разных животных.

В холодное время года ногайцы более интенсивно занимались домашними промыслами и ремеслами. Все ногайские женщины умели ткать сукна, шить одежду, делать полости, выделывать овчины, шерстяные чулки. Каждая женщина без посторонней помощи могла изготовить в год до 20 пар чулок³. Из шерсти женщины ткали переметные сумки («куржун»), мешки («кьап», «дорба»), занимались изготовлением веревок, шили шубы, папахи, зимние шаровары и т. п. Мужчины шили сапоги, чувяки, занимались выделкой деревянной посуды и изготовлением разных принадлежностей кочевого хозяйства.

Изделия домашних промыслов и ремесел шли не только на удовлетворение собственных нужд, но и на продажу. Они пользовались большим спросом на рынках России.

¹ Если просите, спою... Ногайские народные песни. / Сост.: А.И.-М. Сикалиев. - Черкесск, 1971. - С. 98.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 132.

³ Кочекеев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. - Алма-Ата, 1973. - С. 101.

Зимними ночами ногайцы любили наблюдать за звездами, рассказывали детям о звездах, объясняли их расположение, передавали им астрономические знания. Так, у ногайцев сохранились арабские названия 12 созвездий: «Амаль» – Овен, «Совру» – Телец, «Шавза» – Близнецы, «Саратан» – Рак, «Асад» – Лев, «Самбула» – Дева, «Мезан» – Весы, «Акраб» – Скорпион, «Къавз» – Стрелец, «Жадью» – Козерог, «Далбу» – Водолей, «Гут» – Рыба.

О регулярных наблюдениях за звездным небом свидетельствует наличие и местных названий звезд и планет. Так, «Шолпан юлдыз» («Утренняя звезда») называли Венеру, с ее появлением на небе чабаны с отарами возвращались домой; «Етеге юлдыз» («Семь звезд») – Большую Медведицу; «Уьлккер юлдыз» – неперебиваемое название Плеяд; «Мойса юлдыз» – («3 звезды Ярмо») – Орион; «Темир казык» («Железный кол») – Полярную звезду; «Кишкой Шолпан» («Малая Венера») называли Меркурий; «Кызыл юлдыз» («Красная звезда») – Марс; «Ярык юлдыз» («Яркая звезда») – Сириус; «Эшек кырган» («Истребитель ослов») называли Юпитер.

У ногайцев и казахов¹ существует легенда о «Эшек кырган» («Истребители ослов») Юпитере. «Как-то зимой шел купеческий караван на ослах. Остановившись на ночлег, люди договорились тронуться в путь с восходом Венеры. Ночью очередной дежурный принял восходящий Юпитер за Венеру и разбудил людей. Караван тронулся в путь, причем осла еще не успели достаточно отдохнуть и накормиться на стоянке. По дороге путников настиг буран и, так как до рассвета было еще далеко, караван сбился с пути. Истомленные, голодные осла пали. Так Юпитер оказался «Истребителем ослов».

У кумыков тоже существует такая легенда, но с некоторыми отличиями. По кумыкской легенде Юпитер называют «Кереван кьырган» («Истребивший караван»), и в сказании говорится о гибели верблюдов².

¹ Абишев Х. Указ. раб. - С. 17.

² Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. - Махачкала, 1989. - С. 41.

Все звезды, по представлению ногайцев, кроме «Темир казык», находились в движении. Говорили, что «Железный кол» (Полярная звезда) оставался неподвижным, так как не менял на небе видимого места. Не случайно ногайцы заблудившемуся в степи путнику советовали всегда ориентироваться на «Железный кол».

Большая Медведица служила для ногайцев своего рода часами, по ней чабаны определяли время.

Ногайцы говорили:

Етеге ерге шашылмай,
Куьзетши, сагья танг кайда?
Етип малын кергизбей,
Йиитим, сага кыз кайда?

Пока семь звезд не вонзятся в землю,
Нет тебе зари, ночной пастух.
Пока не приведешь весь свой скот,
Нет тебе невесты, мой джигит.

По «Уьлкер юлдыз» (Плеяды) определяли наступление весны. Ногайская поговорка гласит: «Уьлкер батар, бок катар, уьш айдан яз келер» («Уьлкер исчезнет – помет затвердеет, через три месяца весна наступит»).

Появление в августе на небосклоне звезды «Туршу» предвещало наступление холодов. «Туршу тувды туьн сувыды» («Туршу родился, ночи похолодали»).

По звездам определяли не только погоду, время года, путь к дому, но и такое важное событие в жизни человека, как свадьба. День свадьбы назначал мулла. Руководствуясь специальной таблицей, он вычислял положение на небосклоне созвездия Рака («Саратан») и определял дату свадьбы. В день свадьбы этого созвездия не должно было быть видно на небе. Говорили, что присутствие на небе созвездия «Саратан» в день свадьбы предвещало непрочный брачный союз. Со временем это ограничение было снято, и жениться можно было в любой день, лишь бы арба с невестой по пути в дом жениха не ехала навстречу известному со-

звездию. Так, считали, что 1, 11, 21, 31 числа каждого месяца созвездие «Саратан» находится на северо-востоке; 2, 12, 22 – на востоке; 3, 13, 23 – на юго-востоке; 4, 14, 24 – на юге; 5, 15, 25 – на юго-западе; 6, 16, 26 – на западе; 7, 17, 27 – на северо-западе; 8, 18, 28 – на севере; 9 – на земле, а 10 – на небе. В эти дни можно было подъезжать к дому жениха с любой стороны.

Ногайцы до сих пор придерживаются данной традиции и обращаются к мулле для определения дня свадьбы во избежание встречи с созвездием. В народе говорят: «Юлдызы каршы болмасын» («Чтобы со звездой не повстречаться»).

Полосу, опоясывающую звездное небо (Млечный Путь), ногайцы называли «кааба ел», т. е. дорога, ведущая в Мекку. Как говорили информаторы, Млечный Путь указывал дорогу совершающим хадж.

Знали ногайцы и о кометах, которые называли «Куйрык-лы юлдыз» («Звезда с хвостом»). Появлявшиеся на небе время от времени кометы наводили страх на людей. По их представлению, кометы являлись предвестниками несчастий и бедствий. Духовные лица старались записывать время появления комет и прогнозировать их новое появление.

Ногайцы еще в старину наблюдали, как пролетали по небу метеориты. Их называли «Аткан юлдыз» («Пролетающая звезда»). В народе считали, что полет такого небесного тела связан со смертью святого человека.

Внимательнее всего ногайцы наблюдали за солнцем и лунной. По солнцу и фазам луны вели счет времени, предсказывали различные проявления сил природы (дождь, засуха, похолодание и т. д.) Их именами нарекали детей. Так, девочкам давали имена Айгуль (Лунный цветок), Алтынай (Золотой месяц), Толганай (Полная луна), Айбийке (Лунная госпожа), Куьнбийке (Солнечная госпожа) и т. п. Солнцем и луной люди клялись.

Увидев молодой месяц, ногайцы выражали свое восхищение им, просили у всевышнего благополучия для своей семьи. Старики не разрешали детям показывать пальцем на луну. Говорили, что на луне голый юноша овец пасет. Видя, как кто-то смотрит на луну и показывает на нее пальцем, он думает, что это его увидели, и стыдится.

Много легенд ногайцы посвятили солнцу и луне. Одна из них гласит, что солнце и месяц были созданы совершенно одинаковыми, что нельзя было отличить одно от другого, и потому Бог послал Ангела и велел ему соскоблить часть света с месяца и прибавить к солнцу. С тех пор у солнца стало больше света, чем у месяца. Астраханские ногайцы представляют себе солнце и месяц в виде двух пустых шаров, внутри которых сидят две старушки, в солнце – Джилмаузкерт, а в месяце – Джилмауз. Они объезжают весь мир: одна днем, другая ночью, и смотрят, что делается на земле. После заката солнца и месяца старушки выходят из своего помещения и рассказывают Богу все, что они видели и слышали. Затмения солнца и луны происходят тогда, когда старушки видят на земле много злого и нехорошего¹.

Астрономические знания ногайцев в исследуемый период были фрагментарными. Многие явления, происходившие с небесными светилами, объяснялись с религиозной точки зрения. Но, несмотря на это, простые наблюдения приводили к накоплению эмпирических знаний о небесных телах. Благодаря накопленному опыту и наблюдениям за небом люди довольно успешно вели хозяйственную деятельность.

Умели ногайцы и предсказывать погоду, как на ближайшее время, так и на период от нескольких недель до нескольких месяцев. Умение прогнозировать погоду помогало людям успешно вести хозяйство и правильно ориентироваться в природно-климатических условиях. В зависимости от предстоящих погодных условий ногайцы-скотоводы устанавливали сроки и режим перекочевки. От погодных условий зависел будущий приплод, количество подножного корма.

У ногайцев существуют следующие понятия о состоянии погоды:

«туншык» – духота, «йылы» – тепло, «иссы» – жара, «шилле» – зной, «сувык» – холод, «бузлавык» – заморозки, «биринши бузлавык» – первые заморозки, «ызгяр» – сырость, «шык» – роса, «ямгыр» – дождь, «сыгъанак» – морозящий

¹ Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при императ. Казан. ун-т. - Т. 12. Вып. 1-3. Казань, 1895. - С. 24.

дождь, «кар» – снег, «ел» – ветер, «елемик» – ветерок, «боран» – буран.

Изменения погоды на протяжении суток ногайцы предсказывали, наблюдая за солнцем, его восходом и закатом. Так, например, если при закате солнца зарево было красным – значит, следующий день будет ветреным. В степи, где нет природных защитных барьеров, укрывающих людей и скот от ветров, ветреная погода крайне нежелательна. По поводу ветреной погоды у ногайцев существует хорошая пословица: «Эртен куьн кызарса элиме яв шапкъандай – кеште куьн кызарса келиним увыл тапкъандай» («Красный восход – словно враг напал на Родину мою, красный закат – словно сноха сына родила»).

Многолетние наблюдения подтверждали, что утренний туман – к жаркому дню, а ясная зимняя ночь – к сильным морозам. Обращали внимание и на рожок молодого месяца: если его концы смотрели вверх, то это к засухе, вниз – к дождю. Молодой месяц светит ярче обычного, образуя вокруг себя туманное свечение – к холодам. Звезды тускло мерцают и кажутся маленькими – к дождю.

Кроме того, у ногайцев имелось множество фенологических примет, по которым они прогнозировали будущую погоду. Так, предвестниками изменений погоды были птицы: Низкий полет птиц предвещал дождь, крик ворон сильнее обычного на верхушках деревьев – к изменениям погоды в худшую сторону. По поведению птиц определяли, какой будет зима. Если они садились на самую верхушку дерева – к теплой зиме, на ветки дерева – к суровой зиме. Лягушки вылезали на сушу – к дождю. Холодную зиму предвещала улитка, забиравшаяся на самый верх травы. Неурожайный, засушливый год предсказывали муравьи. Преждевременный отлет журавлей на юг – к ранней зиме, а ранний прилет ласточек «карлыгаш» и кукушек «бискокок» – к ранней весне.

Полевые материалы показывают, что судили о перемене погоды и по поведению домашних животных. Так, например, если кошка лижет лапы – к дождю, лежит, растянувшись – к хорошему, ясному солнечному дню. Гуси прячут голову под крыло – к холодному дню. Почти всегда люди, особенно старики, точно могли предсказать перемену погоды по собственным

ощущениям, состоянию здоровья (ухудшение самочувствия, боль в суставах и т. д.).

Благодаря многовековым наблюдениям люди могли предугадывать неожиданности, преподносимые природой в виде чрезмерной засухи, града, ветра и обезопасить себя и свое хозяйство от них.

Наиболее остро в степи ощущался дефицит воды. Ее отсутствие являлось большим бедствием для скотоводов. В засушливое время ногайцы прибегали к обряду вызывания дождя. Обряд вызывания дождя не был приурочен к определенным срокам, а проводился по мере надобности. Нам известно несколько его вариантов. Одни из них связаны с приготовлением ритуальной пищи. Так, в жаркое засушливое время старики ближайших аулов договаривались собраться с целью проведения обряда вызывания дождя. Для этого в назначенный день в определенное место сзывали все население этих аулов, при этом каждый должен был принести с собой немного молока. Собравшись, мужчины начинали разводить костер и устанавливать котлы, а женщины готовить из этого молока слегка подслащенную рисовую кашу. Мулла произносил молитву, после чего все присутствующие приступали к трапезе. Оставшуюся кашу уносили домой. Этот обряд должен был, по мнению людей, умиротворить силы природы и дать им долгожданный дождь. Молоко символизировало дождь, а рис – плодородие. По сведениям информаторов, после совершения такого обряда люди не успевали дойти до дома, как по дороге их настигал дождь. Подобный обряд вызывания дождя, связанный с приготовлением ритуальной каши из молока и зерен, существовал и у хваршин¹.

Существовал и другой вариант обряда вызывания дождя, который был связан с пищей. Он также был направлен на умиротворение сил природы. Для этого люди собирались в центре аула и разводили костер, варили ногайский чай без молока, преднамеренно пересолив его. Мулла читал молитву, после чего всех присутствующих угощали чаем.

Известны также варианты вызывания дождя с участием ряженого. Когда возникала потребность в дожде, пожилые

женщины аула договаривались о проведении обряда вызывания дождя. Для этого они выбирали из своей среды всеми уважаемую, обязательно одинокую женщину. Накануне проведения обряда она должна была выкрасть башмаки у женщины, родившей двойню. Утром женщина собирала ивовые ветки, делала из них накидку и надевала ее на себя, держа в руках украденные башмаки. Сопровождаемая детьми, надевшими на голову мешки с прорезями для глаз, она входила в каждый двор со словами: «Ла иллагъа илаллагъ!» («Нет бога, кроме Аллаха!»). После этих слов дети начинали петь обрядовую песню:

Ала каплар киемиз
Алладан ямгыр тилейбиз!
Яшил каплар киемиз
Яшнап ямгыр тилейбиз!
Каш кала, кала, кала
Ямгыр явсын я Алла!

Разноцветные мешки надеваем,
У Аллаха дождя просим!
Зеленые мешки надеваем,
Радостно дождя просим!
Каш кала, кала, кала,
Пусть дождь пойдет, я Алла!

Хозяева обливали женщину и детей водой и одаривали их хлебом, сушеным мясом, сыром, сладостями, которые складывались в мешок. Так, обойдя весь аул, процессия направлялась к реке, здесь на берегу женщина бросала в воду украденные башмаки. Сюда приходили и другие женщины этого аула. Дети доставали из мешка съестное, женщины варили ногайский чай без молока и масла и начиналась совместная трапеза. После все расходились по домам. Если в ауле поблизости не было водоема, то украденные башмаки бросали в колодец, а процессия останавливалась посередине аула, где и подалось все собранное во время шествия. Подобный обряд с ряжеными известен у лакцев¹, у лезгин – «пешапай»², у аварцев – «ццIадал хIама»³, у

¹ Рамазанова З.Б. Обряды вызывания дождя и солнца у лакцев в конце XIX - начале XX в. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. - Махачкала, 1987. - С. 83.

² Трофимова А.Г. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана // Азербайдж. этнограф. сб. - Баку, 1964. Вып. 2. - С. 98-99.

³ Никольская З.А. Религиозные представления и сельскохозяйственные обряды аварцев (К вопросу о синкретизме религиозных верований аварцев) // Вопр. истории, религии и атеизма: Сб. ст. - М., 1959. Вып. 7. - С. 322-323.

¹ Мусаева М.К. Хваршины XIX - начало XX в. - Махачкала, 1995. - С. 184.

даргинцев¹, у народов Северного Кавказа подобный обряд описан у вайнахов², грузин Рачи³ с одним отличием: в роли ряженого у них выступал мужчина.

В обрядах вызывания дождя просматривается и культ камня, вера людей в его сверхъестественные силы. Так, у ногойцев широко был распространен обряд вызывания дождя, заключающийся в бросании камешков в воду. Инициаторами проведения такого обряда являлись мулла и старейшины аула. Мулла назначал день проведения обряда. В условленное время все жители аула собирались на берегу озера, где совершалось жертвоприношение скота, купленного мясом всех присутствующих. Все действия от начала до конца сопровождались молитвами. В конце, после того, как все съедалось, люди бросали камешки в воду, прося у всевышнего дождя. Обряд с камнями бытовал и в с. Терекли-Мектеб. Он проходил следующим образом: три камешка связывали между собой, привязывали к древку и после прочтения молитвы опускали в колодезь. После этого, как говорили информаторы, должен был пойти дождь. Если дождь лил несколько дней подряд, то камешки вынимали из колодца, и дождь прекращался.

Обряд вызывания дождя с разнообразными действиями с камнями встречается у всех тюрко-монгольских народов и у народов Дагестана: хваршин⁴, лакцев, табасаранцев⁵, лезгин⁶. Кроме того, он бытовал и у вайнахов⁷, осетин, карачаевцев, грузин, адыгов – шапсугов, армян⁸, турок⁹.

¹ Магомедова М.А. Обряды вызывания дождя у даргинцев (XIX - нач. XX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. - Махачкала, 1987. - С. 92.

² Мадаева З.А. Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX - нач. XX в. // СЭ. 1983. № 4. - С. 87.

³ Степанова И. Приметы и поверья грузин Телавского уезда Тифлисской губернии // СМОМПК. - Тифлис, 1894. Вып. 19. - С. 79-80.

⁴ Мусаева М.К. Указ. раб. - С. 182.

⁵ Булатова А.Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов Горного Дагестана в XIX - XX вв., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана. - Махачкала, 1980. - С. 100.

⁶ Трофимова А.Г. Указ. раб. - С. 103.

⁷ Мадаева З.А. Указ. раб. - С. 87.

⁸ Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. - Цхинвали, 1976. - С. 171-172.

⁹ Гордлевский В.А. Избр. соч. - М., 1968. - Т. 4. - С. 74.

Существовал и другой обряд вызывания дождя, в котором главное место занимала дождевая кукла «Такта-коршак» у кубанских ногойцев¹. В немного измененной форме он бытовал и у степных ногойцев. Обряд вызывания дождя у последних назывался «Андир-шопай». Так, в засушливое время старики аула назначали день проведения обряда. Двум мальчикам 10-14 лет поручалось изготовить деревянную куклу. Ее делали из крестообразно сбитых палок, надевали на куклу старую шапку и кусок овчины. Соорудив куклу, дети ходили по дворам и распевали:

Ямгыр явсын, Андир-шопай,
Арпадан, бийдайдан
Бежен толсын,

Андир-шопай,
Тилеймиз Кудайдан.
Оьп, оьп Андир-шопай,
Андир-шопай ямгыр явсын,
Бавда шарлак авсын,
Оьлген йылан тирилсин,
Оьлен бийик оьссин.
Оьп, оьп Андир-шопай,
Яв, яв, ямгыр, яв, яв,
Берекет болсын ерден,
Куй, куй, ямгыр, куй, куй,
Бийдай болсын белден.
Оьп, оьп Андир-шопай.
Ямгыр явар, булыт кетер,
Язлык бийдай шашылар,
Халкка шатлык келер,
Наьсип йолы ашылар.
Оьп, оьп Андир-шопай.

Пусть дождь пойдет, Андир-шопай,
ячменем, пшеницей
амбары наполнятся, Андир-шопай,
просим всевышнего.
Оп, оп, Андир-шопай,
Андир-шопай, пусть дождь пойдет,
в саду сторожевые будки пусть
опрокинутся,
мертвая змея пусть оживет,
трава высокой вырастет.
Оп, оп, Андир-шопай,
лейся, лейся, дождь, лейся, лейся,
земля пусть плодоносит.
Поливай, поливай, дождь, поливай,
поливай,
пусть пшеница вырастет по пояс.
Оп, оп, Андир-шопай.
Дождь пойдет, тучи уйдут,
весной пшеницу поседем.
К людям радость придет,
к счастью дорога откроется.
Оп, оп, Андир-шопай².

Хозяйка обливали куклу и детей водой, одаривая их сыром, яйцами, сушеным творогом. После окончания шествия все жите-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 93.

² Песня «Андир-шопай» записана в с. Кумли Ногойского района Республики Дагестан. Е. Буланбаевой Т. Акманбетовым.

ли собирались на окраине аула и резали черную корову, приобретенную вскладчину. Мясо варили и поедали. После окончания церемонии деревянную куклу зарывали возле колодца.

У засулакских ногайцев обряд вызывания дождя с куклой, который они переняли у своих соседей кумыков, назывался «Земире». В некоторых случаях действенным средством вызывания дождя являлось жертвоприношение. Так, у засулакских ногайцев этот обряд назывался «Хасап». Жители аула вскладчину приобретали быка, резали его и делили между собой мясо. Главная цель обряда жертвоприношения – умиловительная, апотропеическая.

Многообразие вариантов одного обряда было вызвано природно-климатическими условиями, если не помогал один – совершали другой, но все они были направлены для достижения одной цели – борьбы с засухой.

Обзор различных вариантов обряда вызывания дождя у ногайцев позволяет найти общие ритуальные действия и параллели с обрядами других народов, применяемыми в борьбе с засухой. Были случаи проведения обряда вызывания дождя и в недалеком прошлом.

Наряду с обрядами вызова дождя ногайцы прибегали и к обрядам вызывания солнца, в которых прослеживаются отголоски культа железа. Непрерывающийся дождь останавливали, выбрасывая на улицу железные предметы: ножницы (кыскыш), треножник очага (ошак) и т. д. Подобные же действия совершались и другими народами Дагестана¹. В целях предотвращения дождя во время свадьбы хозяйка дома, где играли свадьбу, выносила старую подушку и забрасывала ее на крышу жилища. По словам информаторов, данное действие было очень эффективным. Портящаяся на глазах погода через некоторое время прояснялась. Обряды вызывания солнца и предотвращения града объединял похожий сценарий проведения. Старики, заранее до-

¹ Мусаева М.К. Указ. раб. - С. 183; Материальная культура аварцев. - Махачкала, 1967. - С. 49; Гаджиев Г.А. Культ природы и обряды, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью у лезгин в прошлом // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана. - Махачкала, 1977. - С. 129.

говорившись, собирались в центре аула, и каждый приносил с собой ногайский черный (без молока) соленый чай, который сливали в один котел и после прочтения муллою специальной молитвы выпивали, прося Аллаха остановить дождь или град «бурша».

Обряд прекращения ветра зафиксирован у сулакских ногайцев. Видимо, это было связано с их основной хозяйственной деятельностью – рыболовством. Ветер мешал рыбакам выходить в море. Для этого обряда сулакские ногайцы использовали шерсть барана, пожертвованного на Курбан-байрам. Во время сильного ветра клоч шерсти сжигали, а пепел развеивали по ветру. Считали, что после этого действия ветер постепенно стихнет.

Так ногайцы, используя накопленные не одним поколением людей знания, основанные на рациональных и иррациональных наблюдениях за явлениями природы, предсказывали погоду и пытались защититься от ее нежелательных проявлений. Во всех вышеперечисленных обрядах органично сочетаются пережитки домусульманских языческих верований с наслоениями на них элементов мусульманской религии, так как во всех обрядах ведущую роль играло духовенство.

Итак, народный календарь был вызван общественной потребностью в успешном ведении хозяйственной деятельности. Он создавался на протяжении длительного культурного развития народа. Основанный на наблюдениях и различных знаниях людей о природе, календарь был направлен на их оптимальное использование для хозяйственных нужд. Народный календарь выполнял важнейшую функцию распространения земледельческого и скотоводческого опыта и навыков, закрепления и передачи подрастающему поколению эмпирических знаний о явлениях природы и использования их в практической деятельности.

Связанные с календарем календарные обряды также способствовали эффективному ведению хозяйства и вместе с тем несли огромную идейно-нравственную нагрузку, выполняя духовную функцию.

§ 2. Календарные праздники

Особое место в духовной культуре ногайцев занимали календарные праздники, приуроченные к определенным сельскохозяйственным работам и переломным моментам года (весеннее равноденствие, середина лета и т. д.).

Самым долгожданным и любимым праздником у ногайцев был «Навруз байрам» – праздник встречи весны. Навруз известен многим народам мусульманского Востока. Под разными местными названиями его знали народы Южного Дагестана (Яран Сувар – лезгины, Эверчин, Эбельцен – табасаранцы, Эр – рутульцы, Эвелцан – агулы), лакцы (Ингнил хху), аварцы и даргинцы некоторых селений¹. Праздник встречи весны был характерен и для других народов мира².

Отмечали праздник Навруз 21 марта, в день весеннего равноденствия, который знаменовал собой и начало нового года. К встрече весны готовились загодя. Мужчины готовились к конным состязаниям, приводили в порядок место для игрищ, забивали столб «къязыкъ» высотой 15 м. В ожидании этого дня женщины убирались в доме, выносили старые вещи, вычищали, вытряхивали и проветривали войлочные изделия и т. д. В каждой семье готовили лучшие блюда ногайской кухни, которыми угощали гостей. Считалось, что чем щедрее окажутся хозяева дома, тем обильнее будет урожай в предстоящем году.

Утром 21 марта ребята ходили по аулу, держа в руках зеленые ветки кустарников, облепихи, подснежники и поздравляли односельчан с приходом весны. Процессия во главе с ведущим, который держал в руке шест, должна была посетить каждый дом, приветствуя и поздравляя хозяев с праздником весны, с наступлением нового года, даря им песни. Каждая семья должна была одарить детей сладостями и привязать к шесту ведущего платок. Содержание песни менялось в зависимости от того, кто

¹ См.: Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX - начале XX века.

² См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. - М., 1979.

проживал в доме. Если в доме жила бабушка, то песня была следующего содержания:

Яз келди япан,
Тигилди кара шапан,
Энди келди яз заман

Пришла весна.
Сшит черный халат,
Уже пришла весенняя пора.

Азан – Азан, шаьбден –
шаьбден,
Навруз келди мубарек!
Уый артында коьллер,
Какылдайды казлар,
Бизге явлык бермейды
Кеншек минен кызлар
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,
Навруз келди мубарек!
Тур, тур, анай, тур, анай,
Туьлки тонынъ кий, анай,
Бизге явлык бер, анай.
Навруз келди мубарек!¹

Азан-азан, подснежник,
подснежник.
Навруз пришел, мубарек!
За домом озера,
Гогочут гуси,
Нам платок не дают
Невестки и девушки.
Азан-азан, шаьбден-шаьбден,
Азан-азан, подснежник,
подснежник,
Навруз пришел, мубарек!
Вставай, вставай, бабушка,
Вставай, бабушка,
Надень свою лисью шубу, бабушка,
Дай нам платок, бабушка,
Азан-азан, подснежник,
подснежник.
Навруз пришел, мубарек!

Обычно в песне указывали имя хозяйки дома так, чтобы она обязательно услышала и вышла из дома с подарками.

Кетти кыстын токсаны,
Келди яздынъ бостаны,
Юз болды, яз келди,
Уыйрек пен каз келди,
Азан, Навруз куьни, мубарек.
Яз келди деп суьйининъиз,

Ушла зимняя 90-дневка,
Подошел летний огород.
Сто дней уже, пришла весна,
Утки и гуси прилетели.
Азан, день Навруза, мубарек.
Радуйтесь весне,

¹ Если просите, спою... Ногайские народные песни. Сост.: А.И.-М. Сикалиев. – Черкесск, 1971. - С. 91.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 103.

Яз опырак кийнинъиз,
Ай, Айбийке, турып бак,
Ак сандыкка колынъ как,
Азан, Навруз куъни, мубарек.
Ай Куънбийке, эсик аш,
Наврузга шашув шаш,
Язлык берсенъ йылтырат,
Акша берсенъ сылтырат,
Азан, Навруз куъни, мубарек².

Одевайтесь понаряднее.
Ай, Айбике, встанъ-ка,
В белый сундук руку протяни,
Азан, день Навруза, мубарек.
Ай, Кунбийке, дверь открой,
На Навруз сделай подарок,
Весну дашъ – заблестит,
Деньги дашъ – загремит,
Азан, день Навруза, мубарек.

Поздравления с весной содержали и благопожелания. Так, ребята, подходя к дому работников, пели:

Навруз йырлай келдик биз,
Исшилердинъ эсигине.
Наърик улы Шорадай,
Баътир берсин бесигине¹.

Распевая Навруз, пришли мы
к дверям работников.
Как у Нарика сын Шора,
Чтоб для люльки родился богатырь.

Песни встречи весны у кубанских ногойцев и степных в целом схожи. Правда, имеется и некоторое отличие. В песне у степных ногойцев поется:

Яз келди япан
Тигилди кара шапан

Пришла весна,
Сшит черный халат.

У кубанских же ногойцев в тексте указывается на их занятие земледелием:

Яз келди япан
Тигилди ерге саппан

Пришла весна,
Плуг приставили к земле.

Обрядовые песни, посвященные празднику весны, содержали пожелания односельчанам радости, счастья, надежды, благополучия. Обойдя всех жителей аула, процессия направлялась к месту, где должны будут проходить массовые гулянья. Шест с

¹ Шора сын Нарика - главный герой ногойской поэмы «Шора батыр».

платками вбивали в землю на видном месте. Постепенно жители аула собирались в условленном месте, каждая семья со своими продуктами и посудой (чашками, ложками) направлялась на майдан (поле, где будет проходить праздник). Здесь же забивали предназначенный для праздника скот, варили в нескольких котлах «уъйре» жидкую кашу из проса, приправляли ее кислым молоком «ювурт» и толченым чесноком¹. Тем временем дети, расположившись в поле, поедали собранные сладости. Перед началом праздника на поляну пригоняли коров, там же их доили и всех присутствующих угощали молоком. Старейшина аула, взяв в руку пиалу с молоком, обращался лицом к солнцу и произносил пожелания, несколько капель молока выплескивал. Молоко в этот день считалось главной пищей. Затем на поле приводили коня и старейшина обливал копыта коня водой и при этом произносил следующие слова: «Атынъ юрик болсын. Сувда юрик болсын» («Чтобы конь был быстрым даже в воде»). Следующей вели корову, ей копыта обливали молоком, приговаривая: «Сыйырынъ суътли болсын» («Чтоб корова молоко давала»). Последним вели барана. Ему копыта обмазывали маслом и говорили: «Койынъ майлы болсын» («Чтобы баран был жирным»).

После совершения этого обряда мулла произносил молитву, и люди, разложив продукты, принесенные с собой, и получив свою долю каши «уъйре», приступали к совместной трапезе. В некоторых селениях вместо этой каши варили рисовую кашу, заливая ее сладкой водой «сербет су», приготовленной путем растворения в обычной воде сахара. При этом до употребления ее в пищу присутствующие бросали туда серебряные украшения². После угощения начинались развлечения: песни, танцы, игры. Среди молодежи были популярны спортивные состязания. Так, ни один праздник не обходился без конных скачек. К скачкам готовились заранее. Отбирались лучшие скакуны, специально по случаю предстоящего праздника изготавливали седла, меняли подковы и т. д. Победившему на скачках в качестве приза преподносили живого барана.

¹ Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. - СПб., 1999. - С. 169.

² Булатова А.Г. Указ. раб. - С. 169.

Упражнялись и в заарканивании лошади: животное водили по кругу, стоящий в центре круга должен был забросить на шею коня аркан. Самый ловкий получал приз. Обычно в этом виде соревнования состязались дети 10-14 лет. Забавой молодых было и лазание на «къязыкъ» (столб), на котором висели различные призы: петух в клетке, платки, кисеты и пр. Каждый мог забраться на столб и выбрать понравившуюся вещь.

Проводились и коллективные состязания. Так, молодые люди разбивались на две группы и соревновались в перетягивании каната «Аркан тартув» (букв. перетягивать аркан).

Любимым видом состязаний у ногайцев была борьба «куърес». «Борьба происходит таким образом: зрители садились в кружок, на середину выходят два состязателя, сбросивши с себя лишнее верхнее одеяние и даже сапоги, чтобы тверже упираться ногами за ремни, которыми крепко опоясаны, и стараются повалить один другого на землю. Если бойцы равносильны и одинаково ловки, то случается, что они прохаживаются в кружке целых полчаса, пока наконец один из них не изловчится и не повалит другого при общих одобрительных отзывах толпы. Победитель затем садится в середине круга и вызывает нового противника. Поборовший охотников раза два или три получает заранее определенный приз...»¹ – писал А.О. Рудановский, наблюдавший в середине XIX в. за ходом борьбы во время праздника. Согласно правилам борьбы «куърес» разрешалось, оторвав противника от ковра, взять его на бедро и произвести бросок на спину или на бок без отрыва рук от пояса. Характерной особенностью борьбы является также наличие в ней разнообразных приемов – различных подножек и зацепок, бросков стоя и с падением, многочисленных поворотов и «кружения» противника². Победить в «куъресе» было весьма почетно.

Зрелищно проходили собачьи бои «ит таластырув», которые собирали большое количество людей. Для этого специально

¹ Рудановский А.О. О караногайской степи и кочующих на ней племенах // Кавказ. 1863. № 49. - С. 318.

² Калмыков Б. Самобытные физические упражнения у тюркских народов // Половецкая луна. - Черкесск, 1994. № 1/8. - С. 131.

сооружались загоны, где и происходили бои. Хозяину победившей собаки вручался приз.

По – своему развлекались и самые маленькие участники праздника. Для малышей специально устраивали показ кукольного театра «Оъртеке». Куклы «оъртеке» по способу управления относились к типу вертепных. И создателем кукол, и рассказчиком, и музыкантом был один человек. Его появления ожидали все присутствующие на празднике. Дети с нетерпением ждали начала представления. Сценой для кукольного театра служил деревянный ящик, украшенный национальным орнаментом. К ящику прикреплялись спицы, на которые были насажены деревянные фигурки старика в овчинной шубе и папахе и старухи в ногайском традиционном женском костюме, а между ними находилась фигурка козлика. К спицам прикрепляли козьи жилы, которые соединялись с пальцами домбриста. Стоило музыканту коснуться струн домбры, как фигурки начинали подпрыгивать, что вызывало восторг у детей. Домбрист разыгрывал различные комические бытовые сцены: старик со старухой спорили, мирились. Часто зачинщиком споров являлся маленький козлик. Иногда старик со старухой изображали жадных богачей и тогда посмотреть «оъртеке» приходили взрослые.

Являясь одним из элементов зрелищных мероприятий, «оъртеке» прочно вошел в праздничную культуру ногайцев. Вертепные театры были широко распространены и в Польше, затем они проникли на Украину, в Белоруссию и в Россию¹. Подобные развлечения с деревянными куклами существовали и у аварцев².

Праздничное настроение у людей создавали и музыканты. Вокруг них собиралась молодежь, которая пела песни под домбру. Обычно собравшиеся разбивались на группы юношей и девушек, которые устраивали песенные состязания такого рода:

Кыз: Темир балта сен болын,
Шавып алган сен болсань,

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. IV. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. - М., 1991. - С. 128.

² Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX - нач. XX в. - С. 112-113.

четвертый день после Навруза, если позволяла погода, ногайцы выгоняли скот со двора со словами: «Озюнге ырызгыды ерден изле» («Себе пропитание на земле ищи»).

Согласно полевым материалам, собранным Р.Х. Керейтовым, кумские ногайцы в марте месяце отмечали праздник «Тепреш». Для его проведения юноши обрезали ветки терна, украшали их цветами подснежника и с ними ходили по аулу, распевая песни о весне. Их одаривали различными продуктами, преимущественно яйцами. Таким образом, ходили несколько дней, пока не обойдут весь аул. Затем из собранных продуктов на окраине аула утром готовили различные блюда. Яйца окрашивали в разные цвета. За аулом, например, рядом с аулом Канглы, обычно у кургана – «Майлы тоьбе» устраивалось коллективное угощение, оно и называлось «Тепреш». Сюда приходили жители аула, сами приносили съестное. Женщины, соревнуясь, выставляли различные блюда собственного приготовления: бесбармак, кувырдак, из муки готовили катлама, бауырсак. Почти все хозяйки приносили крашенные сваренные яйца, которые катили под горку. Особенностью праздника являлось участие в нем всего населения аула. Старики чинно восседали на верху холма, молодежь резвилась у его подножья, женщины угощали съестным сначала старших, затем детей, в последнюю очередь ели сами. Яйца как символ плодородия раскатывались с пригорка, разбивались, очищались и съедались¹. Праздника с окрашиванием яиц у степных ногайцев не было.

Крашение яиц, катание их с горки и употребление их в весенний период было известно лезгинам, агулам, табасаранцам, рутульцам, цахурам². Подобная игра существовала и у узбеков³. Яйцо символизировало возрождение жизни, такую же обрядовую функцию оно выполняло и в весенних обычаях у большинства народов Европы⁴.

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 105.

² Булатова А.Г. Указ. раб. - С. 141, 145, 157.

³ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. - М., 1969. - С. 206.

⁴ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. - М., 1983. - С. 164.

Другим большим весенним праздником был праздник первой борозды «Сабантой» (букв. свадьба плуга), открывавший новый сельскохозяйственный год. Его отмечали кубанские ногайцы, занимавшиеся помимо скотоводства и земледелием. В Ногайскую степь он был привнесен гораздо позже, в начале XX века, в период седентеризации степных ногайцев. Но, несмотря на это, праздник первой борозды «Сабантой» прочно утвердился и у степных ногайцев. Определенной даты для проведения этого праздника в году не существовало, отмечали его в зависимости от погодных условий, после встречи нового года. Существовал ряд народных примет начала пахоты. Главной же приметой являлось появление на земле демонического существа «Емире». По поверьям, он никогда не попадает на глаза людей, оживает и появляется ранней весной, а зимой – отдыхает. Его появление способствует нагреванию воздуха, земли, таянию льда. По поверьям, с появлением «Емире» можно начинать весенние земледельческие работы, выгонять скот на летние пастбища «яйлакь». Уже по тому, что земля выпускала пар, в народе говорили: «Ерге емире туьсти, сабанды йибермеге болады» («Емире уже в земле – можно пускать плуг»)¹. Степные ногайцы пользовались и другим методом установления срока пахоты: они следили за положением солнца. Как только его лучи проникали через верхнее отверстие юрты во внутрь жилища, можно было приступать к пахоте.

Первую вспашку совет старейшин поручал провести опытному земледельцу, известному своей хозяйственностью. Пахарь должен был быть зажиточным, т. к. после первой вспашки он нес все расходы по угощению присутствующих. Угощались обрядовой кашей «сабан ботка» (букв. плужная каша). Готовила кашу многодетная женщина, имеющая благополучную семью с достатком. Кашу готовили из проса на молоке и добавляли в нее кусочек сушеного мяса. На празднике первой борозды присутствовали плугари «сабаншылар», все жители аула и гости. Пахоту в аулах старались проводить поочередно, чтобы на празднике первой борозды могли присутствовать и люди из соседних аулов. Организаторами праздника выступали совет старейшин аула и муллы. На совете старейшин выбирали «хана» – главу и распорядителя предстоящего праздника. «Ханом» избирали мудрого и уважаемого старика с организаторскими спо-

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 109.

Здесь же готовили ритуальную еду: «кьюырдакъ», «боткья», «бесбармакъ» и угощали всех присутствующих.

После совместной трапезы начинались увеселительные мероприятия. Главным организатором развлечений был ряженный. Надев на лицо маску козла «теке» (букв. козел) и облачившись в шкуру мехом вовнутрь, ряженный развлекал публику своими шутками, плясками, поскоками, прыжками, кувырканиями. Все его действия вызывали смех, создавали атмосферу праздника и всеобщего веселья.

На празднике первой борозды проводились самые разнообразные конные состязания. Прежде всего, это скачки «Ат шабыс». Скачки проводили на длинные и сверхдлинные дистанции. Состязания проходили на пересеченной местности, изобиловавшей различными естественными препятствиями. В скачках большое значение имело практическое мастерство наездника. Иногда побеждал не тот, у кого более резвая и выносливая лошадь, а тот, кто умел тактически правильно провести состязания, быстро оценить обстановку, хорошо подготовить лошадь к скачкам и правильно распределить ее силы на дистанции¹. Проводили скачки на короткие дистанции на трехлетних лошадях «Кунан шабыс».

Состязались и на быструю упряжку «Ат егу». Соревнующиеся по команде запрягали лошадей и начинали скачку. Первый, прибывший к финишу, считался победителем. К конным видам состязания относились «Ат омырауластыру» – вытеснение на конях из круга, «Йорга шабыс» – скачки на иноходцах. Одним из основных условий скачек на иноходцах являлось то, что при беге правая передняя и правая задняя и соответственно левая передняя и левая задняя ноги лошади выносились вперед одновременно. Во время состязаний хороший «йорга» никогда не переходил на обычный бег. За каждое нарушение этого правила участники «Йорга шабыс» штрафовались, после третьего нарушения снимались с дистанции. Состязания проводились только на короткие дистанции².

¹ Калмыков Б. Указ. раб. - С. 130-131.

² Там же. - С. 131.

Интересно проходил «Улак тартыс» – козлодрание. Участники этого соревнования стремились на скаку, используя силовые приемы, завладеть тушей козла и прибыть к финишу. Часто бывало так, что во время этой игры туша могла стать добычей нескольких всадников, но только один становился победителем, и ему в качестве приза и доставался оспариваемый козел.

На празднике стремились показать не только умение управлять лошадью, быть хорошим наездником, но и силу, ловкость, меткость. Так, соревновались в толкании камня «Тас ату», в стрельбе из лука «Ок ату», в поднятии тяжести «Аурлыкты коьтеру»». Победитель соревнований обязательно получал приз. Обычно в качестве приза победителю вручали живого барана или ягненка.

Помимо спортивных состязаний устраивались и песенные. К песенным состязаниям на домбре девушки не допускались. Женщины, как правило, присутствовали в качестве зрителей.

Дети организовывали собственные развлечения. Собравшись вместе, они играли в разные игры. Днем играли в альчики «алыкъ», в «лямгу». Игра в «лямгу» заключалась в следующем. Несколько детей (в эту игру могли играть и девочки), собравшись, выбирали с помощью считалки ведущего. Он и начинал игру. Первый игрок должен был, стоя на одной ноге, другой подбрасывать в воздух кусочек овчины шкурки («маягы»), к которой пришивали кусочек свинца для тяжести. Остальные игроки становились полукругом и вели счет. Как только «маяга» касалась земли, игрока сменяли на другого. Итак, выигрывал тот, кто дольше всех продержится и, следовательно, наберет больше очков.

Ближе к вечеру «хан» официально объявлял о закрытии праздника. Желавшие могли покинуть праздничное мероприятие. Молодежь же оставалась допоздна.

Вечером дети играли в «Лапту» – догонялки, в «Козь байлавыш» – жмурки и др. Молодые люди разводили костры, устанавливали качели, на которых раскачивались девушки. Уже поздно вечером молодежь с песнями и танцами возвращалась домой.

Так, праздник «Сабантой» продолжался несколько дней, переходя из аула в аул, куда обязательно приглашались гости из соседних аулов.

Другим весенним праздником был «Кобкек байрам». Отмечали праздник в апреле, когда природа оживала, прилетали с юга птицы, наступало настоящее весеннее тепло. Устроителями данного праздника выступала молодежь. Договорившись о дне проведения праздника, ребята надевали шубы шерстью наружу и ходили по домам, распевая обрядовую песню «Кобкек»:

Кобкек баьтир уьйдеме кен?
Иер турманы шуьйдеме кен?
Ак шал аты бавдама кен?
Бавда болса, кисинесин,
Куйрыгын-ялын тислесин.
Куйрыгын-ялын япага
Кызыл ширги ярасар.
Кызыл ширги уьстине
Куьмис иер ярасар.
Кобкек баьтир колына
Алтын камышы ярасар.
Как-как этейим,
Яркай берсенъ кетейим
Аласамды токтатпа,
Эсигинъ алдын токлатпа.

Кобкек батыр дома ли?
Седло, сбруя висят ли?
Белый конь в саду ли?
Если в саду, пусть ржет,
Пусть покусает свою гриву и
хвост.
Чтобы закрыть хвост,
Красный потник подойдет.
Поверх красного потника
Серебряное седло подойдет.
Рукам Кобкек батыра
Золотая плеть подойдет.
Как-как скажу,
Дашь яйцо – уйду.
Не задерживай моего коня,
Не давай ему пачкать твой
порог¹.

По мнению Р.Х. Керейтова, данный праздник не что иное, как колядование, т. к. налицо все его атрибуты – шуба, вывернутая наизнанку, представляемый конь, на котором ездит богатырь, песни, шутки, яйцо как символ плодородия, выпрашиваемый колядующими². Время возникновения данного праздника «Кобкек» связывают с домусульманским периодом жизни ногайцев. В обрядовой песне «Кобкек» не упоминаются слова «ал-

лах», «кудай», что свидетельствует о глубоких домусульманских корнях этого праздника.

В каждом доме ребят одаривали сушеным мясом, яйцами, хлебом, сыром, сладостями. Все продукты складывали в мешок. Обойдя весь аул, ребята направлялись за околицу. Расположившись на полянке, дети поедали собранные продукты. После трапезы они веселились, устраивая различные состязания, игры.

Исследование народного календаря, календарных праздников и обрядов ногайцев позволяет сделать некоторые обобщения и выводы. Прежде всего необходимо отметить, что календарь является результатом многовековой трудовой деятельности народа, длительного культурного развития и представлений об окружающем мире. На протяжении многих веков ногайцы накапливали эмпирические знания о явлениях природы, наблюдали за небесными телами, за сменой времен года и сопровождавшими их изменениями в погоде. Из накопленных знаний отбиралось самое рациональное, передавалось из поколения в поколение и использовалось в хозяйственной деятельности.

Обряды и празднества, связанные с народным календарем, были порождены потребностями трудовой деятельности людей и направлены на умилостивление природных сил и обеспечение обильного урожая. Производственный календарь ногайцев содержит ценный практический опыт земледельцев и скотоводов, имеет много общего с календарями других тюркоязычных народов, что подтверждает общность их происхождения и древние этногенетические связи.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

¹ Если просите, спую... - С. 90.

² Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 116.

ГЛАВА V. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ВЕТЕРИНАРИЯ

Народная медицина является составной частью быта и культуры народа, областью народных знаний, включающих в себя представления о болезнях, их возникновении, протекании и лечении, методы и средства, применяемые при лечении, а также обряды и ритуалы, им сопутствующие¹.

Будучи составной частью культуры и быта этноса, народная медицина представляет собой звено традиционно-бытового слоя культуры, несущего основную этнодифференцирующую нагрузку, выполняющего основные этнические функции и составляющего поэтому ядро предметной области этнографической науки².

Изучение этнографами народной медицины необходимо не только как одного из компонентов культуры этнической общности, но и в связи с повышенным интересом к ней общества, современной научной медицины, которая черпает из народной медицины рациональные формы и методы лечения различных заболеваний.

На протяжении многих веков у ногайцев, как и у других народов, происходило накопление положительного лечебного опыта, что позволяло им успешно лечить некоторые заболевания. Отсутствие лечебных учреждений и квалифицированной медицинской помощи вынуждало людей самим заботиться о собственном здоровье, здоровье своей семьи, и потому почти в каждой семье имели представление о целебных свойствах лечебных трав, молока, мяса и жира диких животных, которые широко применяли не только в лечебных целях, но и в профилактических.

Среди ногайцев были искусные лекари, известные не только в своем селе, но и далеко за его пределами.

¹ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. - М., 1989. - С. 71.

² Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. - М., 1973. - С. 200.

Лечением людей занимались как мужчины, так и женщины. Так, в свое время люди обращались за помощью к Самиев из Биарслана, Тамбике из Кумли, Патимат Магомедовой из Наримана, Терекбаю Терекбаеву из Арсланбека, Суюндук из Бекераула, Коккоз Молле из Есалы, Оразган Аджиниязовой из Бабаюрта и др.

Услугами ногайского лекаря воспользовался и русский писатель Л.Н. Толстой во время прохождения военной службы на Кавказе. В его записях сохранились такие воспоминания: «Ногаец Аип лечил мое горло порошком чернильного ореха. Он уверяет, что гладкий орех полезен для мужчин, а шишковый для женщин»¹. Ногайские лекари помимо собственных наблюдений, накопленного годами опыта в своей практике использовали богатое наследие восточной медицины. Известно также, что ногайские лекари пользовались арабо-татаро-латино-русским фармацевтическим словарем, книгами по фармакологии, большой популярностью пользовалась книга на татарском языке «О пользе членов и о сохранении здоровья»².

Много пословиц и поговорок о здоровье дошли до наших дней. Так, ногайцы говорили, что «Болезнь с коня свалит» («Авырув аттан йыгар»), «Здоровый больного не поймет, сытый голодного не поймет» («Авырув кадинин сав билмес, аш кадинин ток бильмес»), «Больной Аллаха вспоминает» («Авырган алласын эскерер»), «Если нет здоровья, богатство зачем» («Савлык йок болса, байлык неге керек»), «Если есть здоровье, каждый день праздник» («Савлык болса, аьркуьн байрам»), «Богатство бедняка – здоровье» («Савлык ярлыдынъ байлыгы»), «Чистота – залог здоровья, здоровье – залог богатства» («Тазалык – савлык басы, савлык – байлык басы»). Большое внимание уделялось соблюдению личных и семейных норм гигиены и санитарии.

¹ Л.Н. Толстой на Кавказе. Подготовка текстов Б.С. Виноградова // Труды ЧИНИИ. Т. III. - Грозный, 1961. - С. 80.

² Курмансеитова А.Х. Бытование арабписьменной книги у ногайцев // Современный быт и культура народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1990. - С. 174.

С раннего детства детям прививались санитарно-гигиенические навыки. Взрослые приучали детей умываться по утрам, мыть руки перед едой. Их запугивали тем, что, если они будут есть грязными руками, пища не пойдет им впрок – ее за них съест шайтан, а не умывшемуся утром весь день лицо будет облизывать шайтан.

Тому, кто не прополоснет после еды рот, нечистая сила хворь найдет. Страх перед нечистой силой был настолько велик, что заставлял детей неукоснительно исполнять все предписания взрослых.

Также детей учили следить за чистотой тела: вовремя мыться, стричь ногти. У ногайцев до сих пор существует поговорка: «Адамнан уялмаган колыннын тырнагын алмас, алладан корпаган аягын тырнагын алмас» («Тот, кто не стыдиться людей – на руках ногти не подстрижет, тот, кто Аллаха не боится, на ногах ногти не подстрижет») (имелось в виду, что человек во время молитвы представлял перед Аллахом босиком). Также строго воспрещалось сливать грязную воду после стирки или купания рядом с домом. Для этого в каждом ауле вдали от жилищ рыли яму, куда и выливали грязную воду. Не разрешали выливать воду за порог. Говорили, что кто вылетит воду за порог, у того будет болеть ноги.

Уделяли внимание и внешнему виду. Опрятный вид человека всегда вызывал одобрение и похвалу со стороны старших. Особенно за своей внешностью следили женщины. Они мыли волосы яичным желтком, полоскали их сывороткой. Раз в месяц для укрепления корней волос обязательно втирали в голову сливочное масло, делали компрессы из сметаны. Для лица делали маски из простокваши, а для удаления послеродовых пигментных пятен протирали лицо козьим молоком. Пользовались и косметикой. Женщины покупали на базаре сурьму, которой подводили глаза. Еще голландский путешественник Ян Стрейс, посетивший ногайцев во второй трети XVII века, отмечал, что «женщины ногайки придавали большое значение своей внешности, они пользовались парфюмерными изделиями, покупая «ке-

нас» для мытья волос, краску для ногтей, румяна и белила, «употребляемые ими в очень большом количестве»¹.

В некоторых поговорках содержались и полезные советы. «Кто держит ноги в тепле, тот не заболеет» («Аягын йылы саклаган авырмас»), «Кто мало ест и долго жует, тот не заболеет» («Аз ашап, коьп шайнаган авырмас»), «Хоть голова не покрыта, ноги пусть будут в тепле» («Бас ашык болса да, аяк йылы болсын»), «Если живот болит – не ешь, если глаза болят – руками их не трогай» («Ишинъ авырса тамагынды тый, коьзинъ авырса, колынды тый»).

Люди с сочувствием относились к больному. Больного навещали не только близкие родственники, соседи, но и знакомые из близлежащих аулов. Больному приносили продукты питания, молоко «суэт», сыр «пыслак», творог «ырымшик», мед «бал» и т. д. Его пытались всячески развеселить, поднять настроение, советовали обратиться к известному лекарю, желали скорейшего выздоровления и здоровья всей семье.

Ногайские лекари неплохо разбирались в анатомии и физиологии человека. Среди них были искусные массажисты. Некоторые болезни они лечили с помощью мануальной терапии.

Большой известностью пользовались «субек уста», «яракшы» (знаток костей) – костоправы. При вывихе или смещении полуманной кости ее приводили к нормальному положению путем вытягивания, вправления и массажа. На перелом накладывали дощечки-лубки и бинтовали тряпкой. Чтобы повязка затвердела, ее предварительно обмазывали тестом или намыливали. Известны были и другие способы фиксации кости. Поврежденный участок обматывали бинтом, смазанным яичным белком. В других случаях накладывали свежесодранную шкуру барана, которая ссыхалась и образовывала тугую повязку². Последний способ был известен карачаевцам³.

¹ Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV - XVIII вв. / Сост.: Кидирниязов Д.С. - Махачкала, 1999. - С. 61.

² Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1988. - С. 194.

³ Карачевцы: Историко-этнографический очерк /Отв. ред. Л.И. Лавров. - Черкесск, 1978. - С. 278.

Народные лекари знали о пользе и целебных свойствах трав и широко применяли их в свежем виде, в виде порошка, использовали их корни и семена, делали из трав настои, отвары. Сбором лечебных трав занимались весной, в период их цветения, а также летом и осенью в зависимости от того, как растения набирали целебную силу и когда были наиболее полезны. Сбором трав занимались лекари, женщины и дети. Порой это событие превращалось в настоящее празднество.

Ногайские лекари успешно лечили внутренние болезни, инфекционные, кишечные заболевания, болезни головы, горла и носа, болезни суставов, нервно-психические заболевания, детские и гинекологические болезни.

Сердце («юрекъ») ногайские лекари считали одним из важнейших органов человеческого организма. Болезнь сердца трудно поддавалась полному излечению. Больному рекомендовали покой, запрещали заниматься тяжелой физической работой, поили настоем подорожника («бака япрак») и давали черную редьку («кара туры») с медом. Табасаранские лекари при болях в сердце также рекомендовали своим больным принимать мед в смеси с черной редькой¹.

При бронхите, кашле больного лечили барсучьим жиром, кислым молоком с толченым чесноком.

При лечении желудочных заболеваний использовали отвар из листьев подорожника, а также отвар из травы «сар балак», корни которой содержат желтоватый сок. Корни «сар балака» тщательно мыли, затем кипятили, делали настой и давали пить больному.

При болях в желудке для больного готовили также хинкал, халпamu из кукурузной муки с конским жиром (это кусочки теста, сваренные в воде).

Печеночные заболевания также не были редкостью. Для таких больных лекари рекомендовали делать отвар из конопли («кендир») и пить три раза в день.

При вздутиях живота ногайские лекари замешивали тесто с добавлением травы любисток («шийбой») и сметаны. Раскатав,

¹ Алимова Б.М. Табасаранцы XIX - начала XX в. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 1992. - С. 219.

его прикладывали к животу. Практиковали и другой способ. На ночь живот смазывали сметаной, сверху посыпали измельченным ногайским чаем, солили и перевязывали платком синего цвета.

При рвоте, отравлении больного поили простоквашей, айраном, а при изжоге помимо перечисленных молочных продуктов давали еще бульон из ягнятины. Лечение кисло-молочными продуктами желудочно-кишечных заболеваний проводили и ботлихские лекари¹. Понос останавливали с помощью конского жира и чеснока: в горячую воду засыпали немного муки, варили ее, постоянно помешивая, и за 5-10 минут до кипения добавляли чеснок и конский жир и, немного остудив готовую смесь, давали пить больному.

Ногайские лекари умели вправлять пупочную и паховую грыжу, осторожно массируя пальцами. «Ставить пупок на место» умели и горские лекари².

Многолетние наблюдения за протеканием заболеваний и применение различных методов в их лечении позволяли лекарям выделять наиболее эффективные из них. Еще в XIX веке ногайские лекари пытались бороться с такими опасными инфекционными заболеваниями, как туберкулез, оспа, малярия, уносившими десятки тысяч людей.

Больших успехов ногайские лекари добились в лечении туберкулеза. Лечили туберкулез кумысом (кобыльим молоком) при соблюдении особой диеты. К ним съезжались из разных уголков Дагестана. Так, по словам информатора Й. Агаспарова, к его деду Амангельды приезжал кунак, даргинец по национальности, пить кумыс. Кумыс готовили по особому рецепту и давали пить больному по стакану три раза в день до еды. В лечении легочных болезней кумыс применяли и другие народы, в частности башкиры, казахи и киргизы. Последними кумыс исполь-

¹ Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы XIX - нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 1993. - С. 164.

² Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII - XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). - Махачкала, 1999. - С. 116.

зовался и при истощении, малокровии, зобе и как седативное средство¹.

Пытались лечить и оспу. Пораженные оспой места прижигали горячим войлоком, затем смазывали сливочным маслом и прикладывали горячую деревянную ложку. Такое лечение не всегда приносило желаемый результат, и все же за жизнь больного боролись до конца.

Больных малярией лечили при помощи «шоковой» терапии. Лекарь рекомендовал родственникам сбросить больного в водоем так, чтобы для него это было неожиданностью. Испулавшись, таким образом, в воде, испытав своего рода шок, больной, обсохнув, как говорили, выздоравливал.

Дефицит воды и мыла в степи способствовал возникновению и распространению среди населения кожных заболеваний. Иногда источником и разносчиком инфекций являлись животные. Заражение чесоткой (кышув), лишаем (кемереу) происходило быстро. До сих пор у ногайцев существует пословица «Кышув тиймесе, аьдем касынмас» («Если чесотка не пристанет, человек не зачесется»). Избавиться от чесотки (кышув) помогал свиной «орагъажа». В высушенный и измельченный до порошкообразного состояния свиной добавляли немного пороха и сливочного масла, все тщательно перемешивали и полученной массой смазывали пораженные чесоткой участки тела. Через два дня процедуру повторяли, и так до тех пор, пока больной полностью не выздоровеет. Чесотку у детей лечили топленым маслом.

Существовал еще один способ против чесотки. Сыворотку кипятили, отстаивали, осевшую на дне после кипячения белую массу, похожую на творог, перемешивали с топленым маслом и смазывали больные места.

Лишай (кемереу, куьнтаз), как и чесотка, также был распространенным кожным заболеванием. Лишай лечили с помощью химического карандаша. Пораженное лишаем место обводили химическим карандашом и внутри очерченного круга писали две-три арабские буквы.

¹ Гумаров В.З. Лечебные средства животного происхождения в башкирской народной медицине // Этнография Башкирии. - Уфа, 1976. - С. 140-141.

Такие методы лечения кожных заболеваний приносили определенные результаты, но решить эту проблему полностью все же не удавалось.

Ногайские лекари умели лечить различные раны, нарывы, фурункулы. Например, при лечении фурункула использовали грудное молоко. Если фурункул «шуба» был у мужчины, то к больному месту прикладывали лепешку, замешанную на грудном молоке, которым вскармливали девочку, и наоборот, если фурункул был у женщины, то лепешку замешивали на грудном молоке, которым вскармливали мальчика. Лепешку меняли до тех пор, пока фурункул не прорвется и весь гной не вытечет.

К фурункулам, нарывам прикладывали подорожник («бака япрак», «каратаспа») как средство, вытягивающее гной и способствующее быстрому заживлению ран. Нарывы прижигали и горячим железом. Сырое мясо ягненка протыкали раскаленным на огне гвоздем, тут же прикладывали к нарыву и так повторяли три раза.

К открытым ранам прикладывали «шырш» – тесто, замешанное на яичном желтке с добавлением соли.

К кровоточащей ране лекарь прикладывал жженный войлок, который выполнял функцию кровоостанавливающего и антисептического средства. Раны посыпали и высушенной пылью («ювсан»), измельченной до порошкообразного состояния. Такой порошок женщины клали мужчинам в дорогу.

Человеку, которого укусила собака, в целях предотвращения у него заражения крови делали следующее. В рваную рану запускали блоху укусившей собаки, сверху прикладывали тесто и перевязывали куском материи. Повязку и тесто в течение месяца периодически меняли. По мнению ногайских лекарей, блоха высасывала «грязную» кровь и тем самым не давала инфекции распространиться по всему организму.

При укусе змеи лечили девясилем («андыс»). Его применяли при лечении многих заболеваний. У ногайцев есть поговорка: «Андызды ердинь аты оьлмес» («В тех местах, где растет девясил, лошадь не сдохнет»).

Лечили и ожоги. При ожогах использовали высушенные и измельченные до порошкообразного состояния грибы и гусиный жир «каз май».

Среди ногайских лекарей широко было распространено лечение пиявками (суылик). Их использовали для вытягивания «дурной» крови при болях в ногах, кровоточащих трещинах на губах и т. д.

Головными болями страдали в основном люди старшего поколения (бас авырув). Лекари в таких случаях говорили, что у больного в лобной части головы скопилась «плохая» кровь и, чтобы избавиться от нее, необходимо сделать кровопускание. Не каждый лекарь мог делать кровопускание, т. к. надо было знать, где скопилась кровь, в каком месте сделать надрез и сколько крови необходимо пустить. Больного усаживали на тахту, поблизости держали таз для забора крови. Пациенту брили голову именно там, где намечали сделать надрез, нащупывали нужную вену и делали три небольших надреза, и при помощи специально приготовленного для этой процедуры рога «шертки» с кусочком бараньей кожи на конце, чтобы не поцарапать кожу головы, вытягивали плохую кровь, которая стекала прямо в таз. Лекарь чувствовал по состоянию больного, когда надо было прекратить процедуру, и останавливал кровь, прикладывая к кровоточащим надрезам горячий войлок. Через некоторое время больной, как говорили информаторы, вставал и уже вполне здоровый отправлялся домой. При головных болях лечение кровопусканием практиковали многие лекари Дагестана, в частности, табасаранские и хваршинские¹.

Ногайские лекари знали о пользе лечебных средств животного происхождения и использовали их при лечении различных заболеваний органов головы. Так, при отите (воспалении уха) лекарь растапливал нутряной жир лисы и закапывал его в ухо. Или высушенный член лиса замачивали в кипятке и в теплом виде втыкали в ухо и перевязывали теплым платком. К больному уху также прикладывали теплую соленую лепешку.

При ангине сначала массировали шею, предварительно смазав руки сливочным маслом, затем, перетянув платком подбородок, подтягивали его кверху трижды, произнося при этом «Бисмилла».

¹ Алимова Б.М. Указ. раб. - С. 221; Мусаева М.К. Хваршины XIX - начала XX в. Историко-этнографическое исследование. - Махачкала, 1995. - С. 191.

При заболеваниях горла, кашле больного поили молоком с козым жиром и медом. Отличным средством, используемым при насморке, был сок дикого лука.

При заболевании глаз (козь авырув) разбавляли мед в кипяченой воде и полученным раствором промывали глаза. Такой метод лечения глаз был известен и большинству горцев¹.

Глаза лечили также детской мочой. Интересно, что, если глаза болели у мужчины, то их промывали мочой девочки, и наоборот, если глаза болели у женщины, то промывали их мочой мальчика. Известно также, что детской мочой глаза лечили аварские и лакские лекари².

Зубную боль останавливали почти в каждой семье самостоятельно, для этого использовали семена травы «телмизан». Когда собирали семена «телмизан», то у ее корней обязательно закапывали монеты, как бы покупая их у травы. Старики объясняли это тем, что траву клали к покойнику из-за ее приятного запаха, и якобы если не откупиться чем-нибудь, то она обязательно придет за «долгом» в семью человека, который собрал ее семена, и заберет с собой одного из членов семьи.

Собранные семена доводили до кипения в небольшом тазу, затем снимали с огня и быстро, пока пар не улетучился, подводили к нему больного. Он должен был стоять, нагнувшись над тазом, покрытый сверху покрывалом, и вдыхать открытым ртом пары этого отвара. По свидетельству информаторов, после такой паровой бани в отвар из полости рта падали мелкие зубные черви и зубы уже не болели.

Лечили зубы и отваром из семян дурмана («дувшоблмек»), его закапывали в дупло больного зуба. Отваром из семян дурмана полоскали больное горло, парами отвара дышали при насморке.

Ногайские лекари успешно лечили болезни костно-мышечной системы. Для лечения использовались грязи, горячий песок, отвары, делали пропаривания, обтирания. Так, при радикулите (бел авырув) использовали заячью шкурку. Ее предварительно должны были обильно посыпать солью, тщательно вы-

¹ Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Указ. раб. - С. 127.

² Там же. - С. 127.

сушить, и только после этого применять в лечебных целях. Прежде чем приступить к лечению, лекари заранее делали солевой раствор, укладывали больного на тахту и протирали приготовленным раствором больные участки тела, затем обвязывали заячьей шкуркой. Использование соли и тепла давали почти всегда положительные результаты.

Ломоту в суставах (ел авырув) лечили горячей сывороткой. В большом казане грели сыворотку «пыслак сув» и укладывали в него больного, закрыв сверху одеялом. Больной парился до тех пор, пока раствор был горячим. Как только сыворотка становилась теплой, его поднимали и быстро заворачивали в теплое одеяло, чтобы тело не остыло. Обычно такую процедуру проводили в вечернее время, чтобы больной мог сразу лечь спать. Этот способ лечения считался очень действенным. Сывороткой ломоту в суставах лечили и табасаранские лекари¹. При ломоте суставов использовали также медвежий жир («аюв май»), им растирали больные ноги, руки. Остеохондроз (бел сызлап авырув) лечили путем закапывания человека по шею в горячий песок.

Ногайские лекари знали о целебных свойствах серной воды «коькирт сув» и грязей и рекомендовали их своим больным. Лечение суставов целебными источниками и грязями предписывали также аварские, даргинские и лакские лекари².

Большое внимание взрослые уделяли здоровью детей. Кочевой образ жизни со всеми его тяготами, открытые, не защищенные от ветров места обитания плохо влияли на еще не окрепший детский организм, и поэтому детские заболевания были весьма частым явлением. Некоторые заболевания, к сожалению, не поддавались лечению, и детская смертность, как и по всему Дагестану в целом, была высокой. Несмотря на это, ногайские лекари все же старались лечить больных детей. Среди детских заболеваний наиболее распространенными являлись простудные и инфекционные. Родителям ребенка, заболевшего корью, ногайские лекари рекомендовали давать ему сладости и подслащенное молоко. Высокую температуру сбивали с помощью мы-

ла. Тело больного намыливали и укрывали теплым одеялом на сутки. Ребенок сильно потел, температура тела приходила в норму и простуда отступала.

Одно из распространенных детских заболеваний скрофулез (золотуху) лечили с помощью отвара полыни. В течение нескольких дней больного золотухой обмывали отваром из полыни («ювсан»), пока признаки заболевания не исчезали.

Использовали полынь и при рахите. Одежду больного ребенка окунали в отвар полыни, высушив, надевали на него, а на ночь полынь клали под его матрац.

Ногайские лекари успешно лечили и такие детские заболевания, как энурез (ночное недержание мочи). Для излечения использовали старый помет зайца. Помет толкли, пропускали через марлю, полученный порошок добавляли в пищу больного в течение трех дней. Этот способ лечения почти всегда приносил положительные результаты. Взрослые женщины и сейчас используют этот метод для лечения энуреза.

Часто маленькие дети страдали от выпадения прямой кишки, что доставляло им неприятные ощущения и боль. В таких случаях родители обращались к лекарю. У каждого был свой метод борьбы с этим недугом. Одни сажали детей на горячий камень, покрытый красной материей, другие же использовали, на наш взгляд, очень интересный способ. Из древесной золы делали усеченную пирамидку с углублением в виде горшка, покрывали ее куском белой материи и на дно клали яичный желток. На так называемый горшок сажали ребенка так, чтобы он попкой касался дна «горшка», и не давали ему вставать. Во время такой процедуры прямая кишка выпадала и втягивала в себя желток. После чего ребенка поднимали, и прямая кишка, по рассказам информаторов, больше не выпадала.

Пытались лечить у грудных детей и пупочную грыжу. Ее лечили с помощью серы. Для этого сосок материнской груди смазывали серой, и вместе с молоком она попадала в организм ребенка. Во всех остальных случаях детей лечили точно так же, как и взрослых.

Женские болезни лечили в основном женщины-лекари. Они могли лечить такие заболевания, как мастит (воспаление молочных желез), эндометрит (воспаление матки).

¹ Алимova Б.М. Указ. раб. - С. 220.

² Булатов Б.Б., Лузугев С.А. Указ. раб. - С. 133.

Так, мастит (эмшек авырув) лечили отваром травы «телмизан». Ее использовали в сухом виде. Из этой травы готовили отвар и давали пить женщине. Эндометрит лечили паром отвара полыни. Женщины-лекари в небольшом тазу кипятили полынь, затем сажали больную женщину на этот таз, точно на горшок, окутав сверху плотной материей. Так больная сидела до тех пор, пока отвар не остынет. Пары отвара полыни благотворно влияли на здоровье женщины. Молодые женщины о целебных свойствах полыни узнавали от пожилых, которых в свое время лечили лекари, и при первых признаках болезни занимались самолечением, в точности выполняя процедуру. Аварские женщины тоже знали о целебных свойствах полыни и использовали ее в целях предупреждения нежелательной беременности, употребляя по стакану отвара полыни натощак и перед сном¹.

Молочницу лечили с помощью пенки, получаемой при сжигании ивы «тал». Собирали ветки ивы и жгли ее на костре. При сжигании ива выделяла пенную жидкость. Как только на ветках появлялась эта жидкость, костер быстро тушили, и ею смазывали детородный орган. Жидкость, получаемая таким способом, применялась, скорее всего, как антисептическое средство.

Ногайские лекари имели представление о возможных отклонениях внутриутробного развития плода, умели распознавать их. Так, при неправильном положении плода путем массажа поворачивали его в нужное положение. А при опущении плода (бала щекъен) лекарь с помощью еще двух – трех женщин брал за ноги беременную женщину и, держа вниз головой, тряс ее, затем укладывал на спину и делал массаж нижней части живота. Сначала лекарь массировал живот легкими встречными движениями, постукивая пальцами, затем легкими щипковыми движениями. Все движения повторялись по три раза. После массажа низ живота обвязывали платком и завязывали узел на уровне пупка. Таким способом плод возвращали в правильное положение.

¹ Мусаева М.К. Внутрисемейный контроль рождаемости у аварцев: рациональное и иррациональное // Наука и молодежь. Вып. 3. - Махачкала, 2000. - С. 232.

Большое внимание уделялось питанию будущих мам. Беременной женщине давали самый лучший кусок со стола. Для беременной женщины специально впрок заготавливали «курт» - это кисло-молочный продукт, содержащий большое количество кальция, который давали беременной при токсикозе и для укрепления костно-мышечной ткани плода. Для приготовления «курта» использовали кислое молоко, которое наливали в казан и подогревали до 70°, затем снимали с огня, отстаивали, сыворотку сливали, а оставшийся на дне творог сцеживали через камышовое сито. Творожную массу на час – полтора клали под гнет, после этого солили по вкусу, добавляли «торта» (осадок, оставшийся после кипячения сливочного масла) и тщательно перемешивали. Полученную массу небольшими частями брали в ладонь и сжимали, придавая ей удлиненную форму. Кусочки творога аккуратно клали на специально приготовленную для этих целей верблюжью шкуру и сушили, подвесив к верхней части юрты. Как только творог высыхал, его складывали в льняные мешочки. «Курт» давали и детям как средство, укрепляющее костно-мышечную систему, особенно в зимний период, когда ощущался дефицит молочных продуктов.

Широко применялся «курт» и в народной медицине башкир. Его использовали при простуде, поносе, сердечных болях, болезнях печени и желчевыводящих путей, при тошноте, укусе змеи, для изгнания отдельных гельминтов, возбуждения аппетита, а также как потогонное средство и наружный антисептик¹.

Рациональные методы лечения переплетались с иррациональными способами. Часто после лекаря родственники приглашали к больному муллу. Бывало и так, что болезнь не поддавалась рациональным методам лечения, и лекарь сам предлагал родственникам больного обратиться за помощью к мулле. Муллы успешно лечили психические заболевания, некоторые внутренние болезни, снимали слез. При лечении муллой произносились специальные молитвы, которые, по мнению муллы, самого больного и его родственников, обязательно должны были помочь. На наш взгляд, молитвы и произнесение определенных фраз религиозного характера играли роль своеобразной психо-

¹ Гумаров В.С. Указ. раб. - С. 142.

терапии. Вера больного в силы всевышнего была настолько велика, что некоторые способы лечения, кажущиеся нам странными и непонятными, приносили положительный эффект.

Так, например, эпилепсию лечили только при помощи молитв. Эту болезнь люди называли «шайтан урган» (букв. шайтан ударил), и излечить больного, по их представлениям, могли только молитвы, произнесенные муллой. При признаках эпилептического припадка люди, находящиеся рядом, сами оказывали первую помощь: укладывали больного на спину, разжимали челюсти, открывали рот и пальцами вытаскивали запавший вовнутрь язык, брызгали водой лицо и били по щекам, приводя больного в чувство. Затем родственники больного шли к мулле и рассказывали ему о симптомах болезни. Мулла назначал день, когда можно будет привести больного, до этого он оповещал еще трех мулл из близлежащих аулов о случившемся и приглашал их к себе в тот день, когда должны были привести больного. В назначенный день, собравшись вчетвером, муллы садились вокруг больного и произносили молитву, при этом они передавали друг другу заранее обструганные палочки. Палочек должно было быть сорок «кырк». Так, сорок палочек, пройдя круг, должны были выгнать из тела болезнь и шайтана. После такой процедуры человека поднимали и, как говорили, он уже вполне здоровый уходил домой. Родственники больного благодарили мулла за излечение и одаривали их деньгами или чаще продуктами питания.

В основном к мулле приводили детей, на которых был сглаз. Сглаз определяли по следующим симптомам: ребенок без видимой причины плакал, капризничал, не ел, становился вялым, иногда эти симптомы сопровождались повышением температуры. Мулла поручал родственникам ребенка нарезать годовалого барана. Из сердца, легких и печени сварить бульон и напоить ребенка, а селезенку принести ему. Над селезенкой мулла произносил молитву и подвешивал ее в юрте так, чтобы она находилась прямо под звездой. На следующее утро в селезенку втыкалось сорок палочек, которые мулла ежедневно вытаскивал по одной. После этого уже сушеную селезенку каждый день по маленькому кусочку бросали в небольшое количество воды и давали пить ребенку. Правый глаз барана засушивали, заворачи-

вали в тряпочку и хранили в сундуке. Это служило своеобразным оберегом для ребенка.

Интересно лечили мастит. Для излечения брали правый башмак женщины, родившей двойню, и похлопывали им по больной груди с разных сторон, при этом произнося «Бисмилла» три раза. Такой же процедуре подвергали и корову, у которой пропадало молоко. В обряде вызывания дождя также использовали башмаки женщины, родившей двойню. Правый башмак тайно похищали и бросали в колодец или реку. Видимо, женщина, родившая двойню, олицетворяла собой символ плодородия, а вещи, носимые ею, по мнению людей, могли принести желаемый результат.

Если маленький ребенок падал плашмя с небольшой высоты и после этого у него повышалась температура, появлялась рвота и головокружение, то старики говорили, что у ребенка печень сдвинулась со своего места «бавыры авган» (букв. печень перевернулась). В этом случае ребенку массировали шею, живот по часовой стрелке, затем брали ребенка за ноги и переворачивали через голову три раза, читая при этом молитву. Процедуру повторяли в течение трех дней по три раза. Таким образом, как говорили информаторы, печень становилась на свое место. Если ребенку не помогал ни один из известных методов лечения, то в реку бросали нателную рубаху больного, чтобы река унесла с собой все его болезни.

Сердце тоже лечили, на наш взгляд, удивительным способом. По представлениям ногайцев, сердце человека могло вылечить баранье сердце. Для излечения больного специально резали барана. Еще теплое сердце барана клали на сердце больного. Если в течение двух часов сердце барана оставалось в твердом, не увядшем виде, то считали, что лечение помогло. Если сердце увядало, это означало, что лечение не принесло положительного результата и процедуру следовало повторить еще три раза с интервалом в 9 дней. К такому способу лечения люди прибегали в том случае, когда рациональные способы лечения уже не давали желаемых результатов. Понятно, что такое лечение не могло помочь больному от сердечного недуга, но все же этот способ использовался.

Чтобы исцелить больного, знахари использовали и другие способы лечения: вертели над головой больного домашнюю птицу, барана, кусок мяса, каравай хлеба, а затем угощали ими нищих, бедняков, калек или бросали собакам, приговаривая, чтобы недуги больных уходили вместе с жертвенными животными и птицами¹.

Интересен способ избавления от бородавок и мозолей. Желаящийся избавиться от ненужных наростов должен был дожидаться появления молодого месяца, показать ему свои бородавки и трижды произнести: «Ачиковум бар!» («Посмотри, какие у меня игрушки!»). Считали, что молодой месяц из зависти заберет у человека все мозоли и бородавки.

Рациональные и иррациональные способы лечения тесно переплетались с магическими приемами. Лечебной магией занимались знахари-шептуны, называемые у ногайцев «жени». Они лечили больных, предсказывали исход болезни.

Лечение заключалось в том, что утром и вечером «жени» читали молитвы над больным, поили его специальными отварами из трав. В лечебных целях использовали также сердце и печень черной курицы, сороки и удода. Для больных писали охранительные амулеты, которые носили на теле².

В борьбе с эпидемиями лекари в большинстве случаев были бессильны, иногда даже испытанные способы лечения были неэффективны. И тогда во время свирепых эпидемий устраивали «курманлык» (совместная трапеза с привлечением «жени» и духовенства). Смысл этого обряда, как нам кажется, заключался в том, чтобы умиловить всевышнего и отвести беду от людей, не дать болезни войти в аул, защитить народ от надвигающейся эпидемии. Курманлыки бывали мужскими и женскими. Это означало, что в них принимали участие только мужчины или только женщины. Правда, в женском курманлыке, кроме женщин, разумеется, участие принимали еще представители духовенства и мальчики в возрасте до пятнадцати лет. Юноши и

¹ Сикашев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. - Махачкала, 1989. - С. 70.

² Алейников М.Н. Поверья ногайцев // СМОМПК. Вып. 17. - Тифлис, 1893. - С. 11.

взрослые мужчины в этом обряде не участвовали. Так, имеется описание женского курманлыка. «Женский курманлык состоит в том, что две или три женщины, избранные для этой цели, обходят весь аул и собирают пожертвования, состоящие из муки, пшена, всякой живности и денег. В назначенный же день женщины и девушки всего аула собираются к реке, принося с собою из съестного, кто что может, туда же приносятся и все собранное накануне. Разводятся костры и начинается стряпня: пекутся пышки, варится в огромных котлах мясо, жарятся шашлыки. Приглашенное духовенство начинает богослужение, состоящее в чтении просительных молитв; по окончании молитв все присутствующие женщины разделяются на группы, на которые и делится все приготовленное, причем откладываются самые лучшие куски для духовных лиц. В каждой группе раздается все полученное, и тут же на мягкой траве съедается, а оставшиеся кости сносятся к кострам и сжигаются или закапываются в землю, чтобы собаки, нечистые животные, не съели и тем не осквернили священного торжества»¹.

Проводились также мероприятия, в которых участие принимали все жители аула. Так, летом 1892 г., во время эпидемии азиатской холеры, жители Мансуровского аула по совету «жени» и духовенства решили совершить следующий обряд. «Еще с вечера, 11 августа, все жители аула были предупреждены, чтобы никто из них не выезжал из аула на полевые работы. 12 августа, около 10 часов утра, собрались к реке все мужчины и женщины, куда вывели и приготовленную на этот случай совершенно черную корову. Корова эта была оценена в 17 рублей, и деньги за нее тут же были собраны для уплаты хозяину. Затем корову связали, положив ее возле вырытой ямы. После этого началось общее просительное богослужение об отвращении Аллахом надвигающегося страшного бедствия. По окончании богослужения и молитвенного омовения корову резали, положив ее так, чтобы кровь из нее вытекала прямо в яму, куда потом были зарыты внутренности ее и кости. К этому времени был приготовлен плуг с впряженными в него шестью быками и старая сабля. Когда с полей был согнан в аул весь скот и снята со священной ко-

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 12.

ровы кожа, процессия тронулась вокруг аула в следующем порядке: впереди двое молодых муллы с пением волочили за уши коровью шкуру, за ними плуг проводил глубокую борозду, по которой мулла сзади чертил саблей, позади всего два эфенди с Кораном в руках читали нараспев. Шествие замыкали все жители аула – стар и мал, по временам, по знаку эфендиев, громогласно произнося священные слова Корана: «Аминь, Аллах!» Очертив бороздою аул, шествие закончилось тут же на берегу реки общественным обедом, состоявшим из вареного мяса священной черной коровы. Кроме этого, эфендием была написана какая-то охранительная молитва на лоскутках бумаги и вручена каждому домохозяину, которые и прикрепили эти бумажки на дверях своих сакель (юрт – М.Г.) в полной уверенности, что холера теперь пощадит семью»¹.

Очерченный плугом круг вокруг аула символизировал магическое кольцо, через которое злой дух в виде свирепой болезни не должен был переступить. Подобный обряд, известный под названием «опахивания», проводился в свое время древними римлянами². Бытовал он также у восточных славян³, крымских татар⁴, среди народов Дагестана зафиксирован лишь у ахвахцев⁵.

Имеются сведения о лечении людей шаманами. Особенно шаманство было развито среди астраханских и оренбургских ногайцев. Встречались среди шаманов и женщины, хотя и редко⁶. У В.А. Мошкова сохранились сведения о шаманском лечении больного киргизом – бахшы, но у нас есть предположения, что так же лечили и ногайцы – бахшы. Приведем сообщение ногайца из села Красный Яр Астраханской губернии, записанное В.А. Мошковым. «У нас в семействе был тяжелый больной, ко-

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 13-14.

² Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. - Тифлис, 1913. - С. 48.

³ Левенстрим А.А. Суевверия в его отношении к уголовному праву // Журнал мин. юстиции. 1897. № 1. - С. 166-167.

⁴ К вопросу об опаживании // ЭО. 1910. № 3-4. - С. 178.

⁵ См.: Лугуев С.А. Ахвахцы (XIX - XX вв.). Историко-этнографическое исследование // РФ ИИАЭ. № 618. - Ф. 3. Оп. 3. - Д. 8155. - Л. 318.

⁶ Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. - Мелодии ногайских и оренбургских татар. I. Введение // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском ун-те. Т. XII. Вып. 1-2. - Казань, 1894. - С. 31.

торого мы долго лечили домашними средствами, но совершенно безуспешно. Вдруг однажды, неизвестно откуда, к нам является совершенно незнакомый бахса – киргиз и прямо говорит: «У вас есть больной такой-то, я пришел его излечить». Осмотрев больного, он велел поискать в степи сухую лошадиную кость из лопатки. Когда кость была найдена и принесена, бахса развел огонь, положил на него кость и кусок железа. Пока обжигалась кость и нагревалось железо, он, сидя на земле, качался всем корпусом и пел непонятные песни до тех пор, пока изо рта у него не пошла белая пена. Когда железо накалилось докрасна, бахса приложил его к своему языку так, что язык его даже зашипел. Потом он ножом разрезал себе кончик языка и кровью своей капнул на раскаленное железо. Затем взял обожженную кость, долго глядел на нее, истолок в порошок, насыпал в чашку с водой, прибавил туда соли и все это размешал. Потом велел вывести больного во двор, сначала давал ему нюхать жженую шерсть, а в заключение всего взял свою смесь в рот и, прыскавая этой жидкостью на раскаленное железо, дул паром на больного. В конце концов он бросил чашку с водой в одну сторону, а железо в другую и объявил, что лечение кончено, но, если оно не поможет, он придет в другой раз. Мы наградили бахсу деньгами и одеждой, рассказывал ногаец, сколько могли, и через три дня ноги больного действительно выздоровели, а бахсы мы с тех пор больше не видели»¹. Многочисленные предрассудки и безраздельная вера людей в потусторонние силы имели значительный психотерапевтический эффект и приводили к успеху в лечении.

Таким образом, в традиционной народной медицине ногайцев тесно переплетались как рациональные методы лечения, так и иррациональные с применением магических приемов, заклинаний, обрядов. Ногайские лекари имели представления об анатомии и физиологии человека, об этиологии заболеваний, умели правильно поставить диагноз и лечить с помощью лекарственных трав, лечебных средств животного и минерального происхождения различные болезни, в том числе детские, женские, оказывать помощь при родах, правильно применять в лечебных целях различные средства физического воздействия (те-

¹ Там же. - С. 31.

пло, холод, целебные воды, грязи, массаж). Все лекари во время проведения лечебных процедур произносили определенные молитвы или слова религиозного толка, которые также благотворно воздействовали на психику больного и придавали еще большую уверенность лекарю, что в целом положительно сказывалось на исходе лечения.

В начале XX века в Ногайской степи появляются первые медицинские пункты. Так, в ставке Терекли-Мектеб была медицинская аптека с фельдшером¹.

В Ачикулакском приставстве работала районная Тукуй-Мектебская амбулатория, которая обслуживала одиннадцать населенных пунктов: Тукуй-Мектеб, Махмуд-Мектеб, Туркменаул, Абрам-Тюбе, Угтюбе-Таслы, хутор Берукин, Куясула, Эрджет, Куна, Менгиш-Кую, Джелал². Несмотря на то, что кочевникам все-таки оказывалась квалифицированная медицинская помощь, решить проблему здравоохранения полностью не удавалось, так как медицинских пунктов было ничтожно мало, а нуждающихся в профессиональной врачебной помощи много. И потому еще долго наряду с научной медициной существовала традиционная, в которой прослеживаются связи с тюркскими, северокавказскими и дагестанскими медицинскими традициями, хотя она и отличалась некоторой этнической самобытностью и этнорегиональным своеобразием.

Основным занятием ногайцев было кочевое скотоводство. Скот являлся мерилем благосостояния жителя степи. Ногайцы разводили в большом количестве лошадей, овец, верблюдов, быков. В условиях кочевого быта у ногайцев накопились определенные умения и навыки по уходу за скотом.

Путешественники не раз отмечали, что ногайцы являются искусными животноводами. Им удалось вывести особую степную породу овец, крупного рогатого скота, верблюдов, лошадей. Ногайская лошадь отличалась необычной выносливостью, резвостью, неприхотливостью к корму. Копыта их были на-

¹ Капельгородский Ф.О. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. - Ф. 5. Оп. 1. - Л. 144.

² Мутенин И.Т. Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. - Ф. 5. Оп. 1. - Д. 67. № 196. - Л. 46.

столько сильны, что не нуждались в ковке, отмечал в свое время Тавернье¹. Ногайские лошади поставлялись в казачьи войска², а лучшие из них отбирались для государевой конюшни³. Ногайская лошадь одинаково хорошо переносила и голод, и работу, хотя и была невысокого роста, мелкой породы. Ф.О. Капельгородский о степной лошади писал так: «Неладно скроена, да крепко сшита»⁴.

Крупный рогатый скот также отличался выносливостью и неприхотливостью в уходе. А. Павлов, побывавший у кочующих ногайцев в первой четверти XIX века, утверждал, что «их рогатый скот может похвастаться лучшим противу Великороссийского, исключая, холмогорского...»⁵. Ногайская корова давала молока более 10-12 л в день при двухразовом доении, была очень вынослива и легко переносила трудности, связанные с жарким климатом и безводностью ногайских степей⁶.

Легко переносили суровый степной климат и верблюды, не требующие почти никакого ухода. Двугорбые верблюды караногайцев смело поднимали и перевозили до 120-ти пудов и в «течение 6 часов (способны) проехать с такою клажею до 90 верст»⁷.

Своей выносливостью, шерстью, высокими вкусовыми качествами славилась и ногайская овца. «Ногайцы, – писал А. Олеарий, – имели овец, подобно персидским, имеющих большие толстые хвосты из чистого сала, весящие иногда от 20 до 30 фунтов. Уши у овец отвислые, как у собак-водолазов, и высокие

¹ Tavernier S.D. Voyages de tavernieren turque, en Perse, et aux Yundes. Ed par S. V. S. Breton. - Paris, 1810. 2. - p. 66.

² Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // Журнал Министерства народного просвещения, 1909. № 12. - С. 191, 195.

³ Фехнер М.Ф. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. - М., 1956. - С. 90.

⁴ Капельгородский Ф.О. Указ. раб. - Л. 199.

⁵ Павлов А.М. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. - СПб., 1842. - С. 12.

⁶ Кочеев Б.А.-Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX - начале XX в. - Алма-Ата, 1973. - С. 66.

⁷ Павлов А.М. Указ. раб. - С. 17-18.

сплюснутые носы»¹. Несмотря на столь хорошую выносливость и неприхотливость в уходе, животные часто болели, кроме того, в Ногайской степи время от времени свирепствовали эпизоотии, и потому скотоводам самим приходилось бороться с различными заболеваниями у животных. Среди ногайских скотоводов были лекари, известные и далеко за пределами Ногайской степи. Так, в 90-х годах XIX века Г.Ф. Малявкин писал: «Среди караногайцев много хороших знатоков болезней скота. Часто встречаются специалисты – коновалы, которые существуют исключительно заработком от лечения животных как в своей, так и в соседской казачьей среде»². Наблюдательность и опыт позволили лекарям достигнуть определенных успехов в лечении больных животных. От лекаря требовались определенные знания о физиологии животных, об их повадках, склонностях к тем или иным заболеваниям. Иногда даже опытному лекарю трудно было распознать больную лошадь. До последнего момента лошадь не проявляла никаких признаков болезни, и чтобы поставить правильный диагноз и выбрать соответствующий способ лечения, от лекаря требовались знания и умения. Часто можно было наблюдать, как у лошади, объевшейся фуражем, набухал живот. В таких случаях опытные коневоды загоняли лошадь в воду по пояс на 2-3 часа, вследствие чего кровообращение у нее ускорялось и лошадь быстрее приходила в норму.

Болели лошади и глистами. Для выведения глистов из организма лошадей кормили подсоленным фуражем и поили солевой водой.

Нередко после скачек у лошади происходило смещение носовой перегородки, из-за чего животное начинало задыхаться. Заметив это, коневод быстро разводил костер и сжигал на огне синюю тряпку («кок шеберек»), дымящуюся тряпку подносил к морде лошади. Надышавшись дымом, лошадь восстанавливала дыхание.

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. - СПб., 1906. - С. 405.

² Малявкин Г. Караногайцы // Терский сборник. Вып. 3. - Владикавказ, 1893. - С. 159.

Ногайские лекари могли излечить лошадь и от такого заболевания, как сап (нарыв гортани). Для этого животному делали крестообразный надрез в области нарыва и выдавливали содержимое. Убедившись в том, что гнойный мешок абсолютно чист, рану обрабатывали мочой, используя ее в качестве антисептического средства. Мочу использовали и при лечении лишая. Ею смазывали места, пораженные лишасем. Мочой протирали и спину лошади после верховой езды, обрабатывали и уши лошади, если они кровили и гноились.

Одним из наиболее распространенных заболеваний среди лошадей была болезнь глаз. Лечили глаза с помощью сахара. Сахар разводили в моче и полученным раствором промывали глаза животному или же забивали камышовую тростинку сахаром и дули в глаз. Таким же способом лечили глаза и другим домашним животным. Часто бывало так, что конь растягивал сухожилие, тогда ногу ему выше колена туго перевязывали.

Как и люди, животные были подвержены такому явлению, как сглаз, особенно лошади. Обычно это происходило во время скачек. Понравившуюся лошадь мог сглазить «дурной» глаз, и тогда лошадь спотыкалась и замертво валилась с ног прямо на дистанции. Только опытный лекарь мог сразу определить причину падения. На скачках присутствие лекаря было обязательным, чтобы в случае надобности оказать необходимую помощь. Один из информаторов рассказывал, как однажды лидирующий на скачках конь, которому оставалось до финиша совсем немного, вдруг неожиданно упал. Тогда опытный лекарь подошел к животному и стал что-то нашептывать ему на ухо, затем, сняв с ноги грудного ребенка башмачок (на скачках в сопровождении родителей присутствовали и дети), привязал его к гриве, и конь тут же поднялся.

При покупке лошади торговались редко, обычно за хорошего коня давали ту цену, которую запрашивал хозяин. Лошадей определяли по спине. У выносливой, сильной лошади спина короткая, у слабой – длинная. Купив лошадь, хозяин приводил ее к себе во двор, взяв за удила, обходил свое хозяйство и нашептывал коню на ухо свои пожелания. Делалось это для того, чтобы животное повиновалось своему новому хозяину.

При лечении домашних животных в большинстве случаев прибегали к иррациональным методам. Некоторым способам лечения трудно найти объяснение. Так, корове, у которой болело вымя, похлопывали больное место башмаком женщины, родившей двойню. Или же, чтобы снять сглаз с коровы, ходили к мулле, заговаривали куриное яйцо и разбивали его об лоб животного. Обязательно, хотя бы раз в год, скотину отгоняли к святому роднику «Щепкен тыкъан» в 6 км от с. Кумли Ногайского района Республики Дагестан. По наблюдениям людей, скотина, напившись воды из этого родника, быстро набирала вес. При поносе коровам, телятам привязывали у основания хвоста красную ткань. Если указанный способ не приносил желаемого результата, то давали выпить теплую баланду из поджаренных отрубей или же толкли древесный уголь, заливали его теплой водой и вливали корове в рот. От той же болезни кормили верблюжьей колючкой (янтакь)¹.

При повышенной температуре корову поили кислым молоком с чесноком. Причиной недомогания мог послужить и укусы энцефалитного клеща, который вызывал темпонию (растройство желудка) и пираплазмоз (повышение температуры). Корову, у которой снижались надои, поили взвесью из горелого хлеба. Если после отела плацента («щуьг») не выходила, то корову поили теплой подслащенной водой.

По различным признакам опытные животноводы могли определить, какие надои можно ожидать от коровы. Так, если у коровы был длинный хвост, а на конце волосы, то она должна давать много молока. Слой перхоти («кайызгак») на хвосте и в ушах коровы указывал на жирность молока. Вообще хорошую скотину скотоводы определяли по глазам. Купив корову, хозяйка, прежде чем завести ее во двор, рассыпала перед ней просо со словами: «Тарыдай болып тасысын» («Как просо, пусть разливается (молоко) через края»).

Различными заболеваниями страдали и овцы. Так, глисты у овец выводили, выпасая их в момент цветения крымского репея («кара курай»). С той же целью чабаны перегоняли овец на солончаки. После стрижки в профилактических целях против

лишая овец купали в воде с табаком. В борьбе с лишаем прибегали к такому способу: накаливали камень, заворачивали его в масляную тряпку и прикладывали к пораженному лишаем месту. Повторив процедуру несколько раз, животное избавляли от лишая. Гноящиеся раны у овец посыпали порошком из высушенной полыни, а для лечения кровоточащих ран использовали сыворотку. Ее кипятили, полученную после кипячения массу солили, сушили и посыпали ею рану. Гноящиеся копыта у всех домашних животных прижигали горячим войлоком. При поносе овец поили ногайским чаем без молока. Сок подорожника применяли при потере аппетита. Его разводили в воде и поили овец.

От ящура («силекей») скот лечили вырезанием и прижиганием язв, давали нюхать горячую серу, разводили в воде и давали пить квасцы («ашув тас»)¹. Бывало и так: заметив в стаде 1-2 больных овец, чабаны преднамеренно заражали всех остальных, и в течение инкубационного периода (7-10 дней) все овцы должны были переболеть ящуром. Те, что были покрепче, выживали, слабые погибали. Тысячи голов скота умирало от сибирской язвы («карасан»), оспы («шешек»), чумы («оьлет талав»), против которых рациональных способов лечения в исследуемый период не было².

Не могли чабаны бороться и с такой болезнью овец, как эстроз (появление червей в носоглотке), ценуроз (в простонародье вертячка – водянка головного мозга). Животных, заболевших эстрозом и ценурозом, забивали, голову при этом обязательно сжигали и глубоко закапывали, так, чтобы собаки не смогли откопать.

Другом и помощником чабана во все времена была собака. Она помогала пасти овец, охраняла стадо от волков и шакалов, предупреждала своим лаем о приближении посторонних людей. Специальных способов лечения собак в ходе сбора полевого материала нами не обнаружено. Известно лишь, что отравившуюся собаку поили сывороткой, а заболевшую чумкой обмазывали золой. Но эти способы были малоэффективны. Большинство собак, не поборов болезнь, умирало. Мертвую собаку обяза-

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 195.

¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. раб. - С. 195.

² Там же. - С. 195.

тельно хоронили, положив ей в пасть кусок жира, как говорили информаторы, чтобы собака на тот свет ушла сытой.

Пытались лечить и домашних птиц: индюков («коькис»), гусей («каз»), кур («тавык»). Домашних птиц при поносе поили простоквашей с чесноком, а древесной золой выводили паразитов. Искупавшись в золе, куры, гуси, индюки очищали свои перья от вредных насекомых.

В хозяйстве держали и ослов. На них перевозили тяжести, ездили за хворостом, кизяком. Ногайцы говорили: «Эщекни кыины халал, эти харам» («Труд ишака на пользу – мясо запрещено»). Мясо осла в пищу не употребляли. Не разрешалось в дождливую погоду садиться верхом на осла. Ослов не кормили, они сами искали себе пропитание.

В скотоводческой практике встречались и такие случаи, когда верблюдица не подпускала к себе собственного верблюжонка. Тогда на помощь приходили музыканты – домбристы. Они подходили к верблюдице и играли специальный мотив – «оьрелейтейим», который имитировал жалобное мычание верблюжонка. Разжалобившись, верблюдица принимала детеныша.

В случае гибели окотившейся овцы ягненка приучали к другой. Если она не подпускала приемыша, прибегали к следующему способу. Чабан ладонью тер вымя овцы, а затем этой же ладонью – голову и спину ягненка. Принюхавшись к собственному запаху, овца принимала чужого ягненка. Если отмеченные приемы не давали желаемого результата, прибегали к мере, считавшейся крайней. Жеребенка, теленка или ягненка привязывали к столбу, подводили собаку и заставляли лаять. Кобыла, корова или овца бросались на защиту, а затем уже подпускали к себе «спасенного»¹.

Итак, в лечении животных использовались различные способы, как рациональные, так и религиозно-магические. Но, несмотря на все меры, предпринимаемые скотоводами для спасения животных, все же смертность скота была высокой. В «Ведомости, содержащей сведения о числе погибших в течение минувшей зимы в караногайских и едишкульских кочевьях лошадей, рогатого скота и овец» за 1827 г. сообщается, что в Кипча-

ковом кубе погибло лошадей – 1427, рогатого скота – 1391, овец – 7345; в Наймановом кубе соответственно – 1230, 1253, 5450; в Териковом – 524, 664, 1499; в Аскостангалиевом кубе – 1488, 1843, 6555; в Едишкульском – 6991, 7636, 28345¹. Только за одну зиму 1892-1893 гг. в Караногое погибли от голода и нехватки травы сотни лошадей, а овец осталось 50 или 25 %².

В большом количестве скот погибал от эпизоотий. В конце XIX века на дорогах в Закавказье был установлен карантинный контроль и улучшена ветеринарная служба, что до некоторой степени способствовало уменьшению эпизоотий³. И уже в начале XX века в Ногайской степи появилась первая ветеринарная аптека с доктором и фельдшером⁴, перед которыми стояла тяжелейшая задача по сохранению и восполнению поголовья скота.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

¹ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 934. - Л. 17.

² *Малявкин Г.* Указ. раб. - С. 158.

³ *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Указ. раб. - С. 195.

⁴ *Капельгородский Ф.О.* Указ. раб. - Л. 144.

¹ *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Указ. раб. - С. 196.

ГЛАВА VI. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Господствовавшей религией ногайцев в исследуемое время является ислам суннитского толка (ханафитского мазхаба). Мусульманство, принятое еще при хане Берке, приблизительно в 1254-1256 гг., постепенно распространялось и стало единой религией для всего населения Золотой Орды, в недрах которой шло формирование ногайской народности и становление ногайской государственности. Только лишь в столице Золотой Орды – городе Сарая функционировало 13 мечетей, а одна из них была Шафийская¹, отмечал Ибн-Батуа.

Ислам был официально признанной религией как при правлении династии чингизидов, так и при правлении Эдигеева дома – первых ногайских правителей. Эдиге понял значение религии и использовал ее в качестве рычага для поддержания порядка в созданном им государстве, сделал ее не только официальной, но и обязательной для всего населения, проживающего в Мангытском юрте, который впоследствии стал ядром Ногайской Орды. Ибн Арабшах сообщает: «...постился (Эдиге – М.Г.) и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним»².

Польский путешественник Матвей Меховский еще в начале XVI в. отмечал, что ногайцы, последователи и поклонники Магомета, повинуются гятыкнижию Моисееву, совершают обрезание, соблюдают свой закон, колоколов не имеют, считают себя измаэлитами, а христиан называют динсис, т. е. язычниками и гяур, неверными и лишенными религии³.

Ногайцы соблюдают все предписания ислама, ежегодно отмечают религиозные праздники: Ураза-байрам, Курбан, день рождение пророка Мухаммеда, устраивают мавлиды.

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. - СПб., 1884. Т. 1. - С. 285.

² Там же. - С. 474.

³ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. - М.-Л., 1936. - С. 58-59.

Во время праздника Ураза принято поздравлять родственников, соседей со словами: «Туткан оразаны Алла кабул этсин» («Да примет Аллах твой пост»). В каждой семье готовят угощение, принимают гостей. В этот день поминуют усопших. В первую очередь с поздравлениями и чтобы помянуть усопших заходят в дом, где по умершему еще не отметили годовщину со дня смерти. Вечером поздравляют старших в роду, несут им угощения. Празднуют Уразу 3 дня. На второй, третий день праздника посещают кладбище, могилы родственников посыпают просом, рисом, пшеницей, тем самым принося их «долю».

За 5 дней до праздника Ураза ногайцы ожидали ночь исполнения желаний – «Хадыр кеше». В эту ночь хозяин семьи раздавал неимущим, сиротам «бытыр» (садакья) – 2,5 кг пшеницы за каждого члена семьи и за гостя, который в эту ночь оказался у него в доме. Вечером варили мясо, ногайский чай. Каждая семья отправляла мулле кусок вареного мяса с хлебом для того, чтобы он всю ночь просил у всевышнего блага для членов этой семьи.

В ночь «Хадыр» никто не спал, время проводили в молитвах, читали суры из Корана и просили у Аллаха исполнения желаний. По представлениям ногайцев, в эту ночь в небе пролетает белый лебедь, крича: «Аминь». Если слово «Аминь», произнесенное лебедем, совпадет с этим же словом, но сказанным человеком, то его желание обязательно исполнится. Согласно поверью, в ночь «Хадыр» к хорошему человеку мог явиться Кыдыр-няз. Появлялся он в образе высокого седого старца, в долгополой шубе, с длинной белой бородой и посохом в руке. Кто не испугается и встретит его подобающим образом, того в жизни ждет удача и успех. Кто испугается – того в жизни ждут разочарования.

Как и все мусульмане мира, ногайцы отмечают «Курбан байрам» – праздник жертвоприношения. Согласно установленным исламским канонам, выбирают жертвенное животное, совершают жертвоприношение, раздают мясо, угощают мясными блюдами соседей, родственников. На следующий день родители посылают сыновей с мясом к замужним сестрам. Обычно им отправляют часть бараньей грудинки или курдюк.

Отмечают и день рождения пророка Мухаммеда. В этот день устраивали мавлид. Инициаторами этого мероприятия в исследуемый период выступали мулла и старейшины аула. Резали жертвенное животное, купленное вскладчину. Из этого мяса готовили угощения, к ним обязательно подавали «сербет сув» – сладкую воду. После произнесения молитв все участники праздника садились за стол, пробовали щепотку соли, отпив по глотку «сербет сув», приступали к совместной трапезе. На середину стола выставлялись серебряные украшения, амулеты: считалось, что после мавлида они приобретут чудодейственную силу. По окончании трапезы вновь произносили молитву и просили у всевышнего для всех присутствующих здоровья и благополучия. Присутствующие долго не расходились в этот день, пожилые обменивались знаниями в области ислама, а молодые слушали.

Мавлиды устраивались и во время засухи, эпидемий, с целью отвести от людей беду.

Несмотря на то, что ислам уже давно и прочно укоренился в сознании ногайцев, в исследуемое время продолжали сохраняться отголоски и более древних, домусульманских религиозных представлений. Так, по представлениям ногайцев, мир создал творец – Кудай. Он сотворил небо, солнце, луну; землю. Первичным материалом для создания мира явились вода и огонь. Кудай вскипятил с помощью огня воду, и пена, образовавшаяся в результате кипения, была использована им для сотворения земли: вздутия ее образовали горы с предгорьями, ущельями и долинами¹. Земля имеет плоскую, тарелкообразную форму и покоится на огромной рыбе, оставшейся под пеной в воде, вода – на камне, а камень опять на воде². Существует и другое поверье, что землю якобы держат два быка, и когда они бодаются, то случаются землетрясения.

Из огня Творец создал свет и все небесные светила. Солнце и луна – не что иное, как огненные шары. Солнце предназна-

чено для освещения и согревания земли днем, луна – для освещения земли ночью.

Затмения солнца и луны происходят от многочисленных людских прегрешений. Небо состоит из не известных никому веществ и имеет семь уровней. Своими краями оно упирается в края земли. Звезды служат оружием в руках Творца и его ангелов для изгнания злых духов, которые стремятся попасть на небо. В народе бытовало и такое мнение, что у каждого человека есть своя звезда, со смертью человека его звезда гаснет и падает на землю. Подобные представления о связи человека со звездами существовали у киргизов¹, казахов² и у народов Дагестана³. Звезды, луна, солнце – все вращается вокруг земли, которая стоит неподвижно.

После сотворения мира Творец создал из глины человека, вдохнув в него свой дух. Эта связь человека с землей неразрывна. Сделанный из земли, умирая, он уходит в землю. Об умершем человеке ногайцы говорят: «Топырак болды» («Превратился в землю»). Таким образом, душа человека возвращается к богу, а тело – к земле, из которой он был создан.

Согласно поверьям, кроме людей, обитающих на земле, существуют люди, которые живут над землей и под землей. Поэтому люди, живущие на земле и находящиеся как бы посередине, носят пояса на талии. Таким образом, ногайцы были твердо убеждены в существовании других миров.

Радуга была предвестником хорошей погоды. Радугу называли «Куртка шаш», т. е. старухой, распустившей волосы, или «Куртка шаш койын яйды» (досл. «Старуха вывела своих овец на пастбище»).

Ветер на земле производит Обур-куртка (старуха, обладающая волшебной силой). Живет Обур-куртка на востоке, она очищает ветром воздух от вредных испарений, но бывает и так,

¹ Алейников М.И. Поверья ногайцев // СМОМПК. Вып. XVII. - Тифлис, 1893. - С. 2.

² Там же. - С. 4.

¹ Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1872. - С. 35.

² Валиханов Ч. Избранные произведения. - М., 1986. - С. 227.

³ Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. - М., 1991. - С. 151.

что, разозлившись, дует подолгу, нанося человечеству вред, заметая песчаными бурями пастбища и посевы.

В комплексе верований ногайцев сохранились следы культа языческих божеств. Это – божества плодородия, огня, дождя и воды. Из-за природных условий Ногайской степи ее жители постоянно испытывали недостаток в воде, и поэтому вода считалась священной. Еще в древности сложился культ воды. Вода, по представлению ногайцев, имеет своего хозяина – «Сув иеси». «Сув иеси» был царем подводного мира. Он обитает в больших морях, где имеет свои подводные жилища и дворцы, множество подчиненных себе водяных духов, живущих в реках и водоемах. Духи вылавливают утопленников и доставляют их своему хозяину¹. Не разрешали ночью выходить из дома за водой. Если все же возникала такая необходимость, прежде чем набрать воды из колодца, обращались к «Сув иеси» со словами: «Уюмге ак шалмалы аьжи келди, шогар бир даретлик сувга келдим. Сув сеники – йол меники. Бисмилла, бир Алла» («К нам домой пришел аджи (мусульманин, совершивший паломничество в Мекку) в белой чалме, для него хочу набрать воды для омовения. Вода твоя – дорога моя. Во имя Аллаха, Аллах один»).

Считалось, что «Сув иеси» может выходить из воды и вступать в единоборство с людьми. В обряде вызывания дождя сохранились отголоски почитания бога-громовника Андир Шо-пая, олицетворяющего собой мужское начало². У ногайцев в обряде вызывания дождя ритуальная песня начинается прямо с обращения к нему:

«Оп, оп, Андир Шопай
Пусть дождь пойдет, Андир Шопай».

Андир Шопай, обладающий божественной силой, должен был пролить дождь на землю и оплодотворить ее дождевой водой.

Божеством плодородия являлся Эмире. Эмире рождается на небе ранней весной, набирая силу в небесах, согревая небо, он спускается на землю, растапливает снег, согревает воздух. Его появление – знак для начала весенних земледельческих работ. Спустившись на землю, Эмире согревает ее, и земля оживает и как бы испускает пар. В народе говорят: «Ерге Эмире туьсти, сабанды йибермеге болады» («Эмире уже в земле – можно пускать плуг»).

В обрядовой песне люди просят спуститься с неба Эмире на землю, чтобы начать новый сельскохозяйственный год.

- Кокте сага не керек?	- Что тебе нужно от неба?
- Эмире туьскени керек.	- Чтобы Эмире спустился.
- Ерден сага не керек?	- Что тебе нужно от земли?
- Боза этпеге тары керек.	- Проса, чтобы сделать бузу.
- Элден сага не керек?	- Что тебе нужно от народа?
- Ез тырнаклы кыз керек.	- Девушку с медными ногтями ¹ .

В этих словах отражены действия, совершаемые земледельцами после того, как земля прогреется. Девушка с медными ногтями – не что иное, как плуг, которым должны вспахать землю, засеять и получить урожай.

Существовал и культ матери земли – Ер Анасы. Ее представляли в виде высокой, дородной женщины, с большими руками, ногами, загорелым лицом, некрасивой и грубоватой. В урожайные годы ногайцы славил Ер Анасы, называя ее белолицей красавицей, доброй и щедрой матерью.

С культом матери-земли тесно связан и культ огня. Хранительницей домашнего очага была богиня Тамыз – искра. Тамыз оберегала семью от невзгод. Ногайцы представляли Тамыз маленькой женщиной в красном кафтане, танцующей в огне очага. В счастливых семьях Тамыз была молодой, красивой и веселой. В семьях, где был разлад, Тамыз выглядела старой, танец ее угасал, как домашний очаг. Домашний очаг являлся основой благополучия семьи. Огонь нельзя было гасить, брызгать

¹ Айдаман: Народные колыбельные и детские песни / Сост.: С. Батыров. - Махачкала, 1990. - С. 33.

¹ Алеишиков М.Н. Указ. раб. - С. 10

² См.: Ярлыкапов А.А. Обряд вызывания дождя у ногайцев // Ислам и народная культура. - М., 1998. - С. 172-182.

на него воду. Считалось, что человека, который погасил огонь с помощью воды, ожидало наказание всевышнего. Если возникала необходимость погасить огонь, то сверху его прикрывали специальной металлической крышкой, чтобы огонь, погас сам. Подобные представления о домашнем очаге как символе счастья семьи существовали и у турок. Как пишет В.А. Гордлевский, «османцы остерегаются брызгать воду на огонь; огонь, пылающий в очаге – символ счастья семьи, и когда он гаснет, это как бы указывает на развал семьи»¹. Огонь очага использовался ногайцами и как магический инструмент очищения. Так, для очищения от болезни и грехов ходячих больных, а также людей невезучих и подозреваемых в грехах заставляли прыгать через разведенный костер². Человека, испытывавшего страх, подводили к огню: считалось, что огонь должен унести с собой страх. Очищение огнем проводили и во время свадьбы. Невесту подводили к семейному очагу жениха и водили вокруг него, затем останавливали и предлагали посмотреть на огонь. Пожилая, уважаемая женщина грела ладони над огнем и гладила ими лицо невесты, как бы приобщая ее к семейному очагу. Данный обряд носил название «бет йылытув» («согревание лица»).

Большое место в религиозных представлениях ногайцев занимала вера в существование джиннов, добрых и злых, шайтанов, демонических существ. В демонологических представлениях ногайцев хорошо сохранился образ Албаслы. По поверьям, это женщина огромного роста, с длинными густыми волосами, с большими отвислыми грудями, которые настолько велики, что их можно закинуть за плечи. Все тело Албаслы покрыто шерстью, а пятки ее обращены вперед. У Албаслы были муж Агач-Англи и дети. Детей она носит на спине и кормит, подавая им сосать через плечо свои огромные груди³.

Обитала Албаслы в лесах и дебрях, в степи среди лошадей. Албаслы обычно показывается человеку сидящей под дере-

¹ Гордлевский В.А. Быт османца в суевериях, приметах и обрядах (материалы) // Избранные сочинения. Т. 4. - М., 1968. - С. 77.

² Сикалиев А.И.-М. Магическая поэзия ногайцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Сб. статей. - Махачкала, 1989. - С. 70-71.

³ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 6.

вом или на камне и расчесывающей волосы. В этот момент Албаслы теряет бдительность, и тогда ее можно схватить и вырвать у нее клочок волос. При этом необходимо соблюдать крайнюю осторожность, иначе Албаслы может зашекотать человека до смерти. Албаслы можно заставить работать на себя, взяв в залог ее волос, который надо хранить в Коране, которого Албаслы страшно боится.

Среди ногайцев бытует рассказ, как однажды человек, вырвав у Албаслы волос и положив его в Коран, заставил ее выполнять всю работу по дому. Албаслы готовила еду, приносила воду, прибирала в доме. Хозяева следили за работающей, т. к. в приготовленную пищу Албаслы могла плюнуть, принесенной водой подмыться и т. д. Как-то раз хозяева оставили на попечении Албаслы своего малолетнего сына, а сами ушли работать в поле. Албаслы готовила в котле ужин. Она стала уговаривать ребенка вынуть из Корана волос и отдать ей. Поддавшись на уговоры, мальчик выполнил просьбу Албаслы. Получив заветный волос, Албаслы бросила дитя в кипящий котел и покинула дом, отомстив за свои унижения. Придя домой, хозяева обнаружили ребенка в котле мертвым. С тех пор родители стараются не оставлять детей дома одних без присмотра, боясь Албаслы.

Албаслы может навредить роженице и новорожденному. Считали, что она способна выкрасть новорожденного ребенка или забрать послед роженицы, после чего женщина сильно заболела. Поэтому роженицу и новорожденного ребенка тщательно охраняли от внезапного проникновения Албаслы, закрывали окна, двери, создавали шум, отпугивая ее. В народном эпосе сохранились представления о возможном сожительстве Албаслы и человека. Так, в эпосе «Эдиге» охотник Кутлы-Кая встречает в лесу Албаслы и вступает с ней в брак. Албаслы берет с него клятву не смотреть ей в подмышки и на ноги. Но Кутлы-Кая нарушает данное им обещание, видит птичьи ноги и отверстие в правом боку супруги, через которое видны внутренности. Жена покидает его, а затем подбрасывает новорожденного младенца – Эдиге¹. Образ Албаслы также распространен у

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 7-9.

многих народов Дагестана, Закавказья, Поволжья, народов Передней и Средней Азии¹.

Помимо Албаслы в народе сохранились представления о дэвах, елмаузах, аздаа. Образы этих демонологических персонажей широко представлены в сказках, легендах. Все эти существа являлись олицетворением злого, враждебного человеку начала.

Так, по народным представлениям аздаа – это огромный, многоголовый огнедышащий дракон. Он якобы перекрывает источники воды – реки, озера, родники и требует взамен человеческих жертв, как правило, юных девушек. Как только аздаа получает жертву, он спускается с ней под воду и съедает ее, а народ в это время запасается водой. Происходит это периодически.

Представляли аздау и в образе огромного водяного змея. Н.Ф. Дубровин сообщает: «Карангайцы верят в существование огромного водяного змея, который, если выпрямится, головою касается туч, а хвостом остается в воде. Подымаясь, он страшно шумит, трещит и при падении рассыпает бесчисленные искры. Родится этот змей от лани, живет в реке или море и существует до тех пор, пока лань не произведет на свет другое такое же чудовище, что случается обыкновенно через сто лет. Если кто-нибудь осмелится близко подойти к жилищу змея, то он хватает и уносит его с собою в пучину, и тогда никто не в состоянии оказать несчастному помощь»².

¹ См.: *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. - М., 1961. - С. 326; *Алимова Б.М.* Табасаранцы XIX - нач. XX в. - Махачкала, 1992. - С. 225; *Гаджиев Г.А.* Верования и обряды: Доисламский период. - Махачкала, 1993. - С. 26; *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. - М., 1975. - С. 5-93; *Толубаев А.Т.* Синкретизм казахской демонологии (на примере демона албасты) // Маргулановские чтения (Сборник материалов конференции). - Алма-Ата, 1989. - С. 283-287; *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. - С. 95; *Алекперов А.К.* Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. - Баку, 1960. - С. 165, 218; *Басилов В.Н.* Албасты // Историко-этнографические исследования по фольклору. - М., 1994. - С. 49.

² *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. 1. - Кавказ. - СПб., 1871. - С. 275.

У демона аздаа имелся небесный собрат – Сазаган. Если образ аздаа появляется лишь в сказочном фольклоре, то образ Сазагана вполне реален. Сазаган представлял собой огромное длинное чудовище, похожее на змея. Голова его напоминает оленью, с разветвленными рогами¹. Сазаган обычно появляется на небе среди туч весной и летом перед дождем. Его появление предвещает обильные дожди. Если дождю предшествует ясная погода, а затем внезапно поднимается ветер, то в народе говорят: «Сазаган ойнайды» («Сазаган играет»). После дождя Сазаган уходит в землю, чтобы через некоторое время вновь появиться и выплеснуть накопившуюся энергию. Демоническое существо Сазаган имеет ярко выраженные черты громовника и не встречается у других тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Образ дракона аздаа, напротив, получил широкое распространение не только в верованиях народов Дагестана. Он известен народам Кавказа, Поволжья, Средней и Малой Азии, славянским народам Балкан, мусульманам Индонезии².

В ногайском пандемониуме имеется еще один персонаж – дэв. Образ его представлен в антропоморфном облике. Это существо огромного роста, наделенное огромной силой. Живут дэвы семьями в пещерах и лесах. Образ дэва весьма противоречив: часто он выступает как отрицательный персонаж, способный навредить человеку, но иногда дэвы и помогали людям. В этом качестве дэв был распространен и у большинства народов Востока, Средней Азии и через посредство тюркоязычных народов – и Дагестана.³

В фольклоре ногайцев встречается также образ демонического существа Елмауз. Этот демон бывает мужского и женского рода, имеет антропоморфный вид. Елмауз – чудовище с огромным носом и ртом, пожирающее людей. Ему также припи-

¹ *Керейтов Р.Х.* Мифологические персонажи верований ногайцев // СЭ. 1980. № 2. - С. 125.

² *Гаджиев Г.А.* Указ. раб. - С. 32; *Басилов В.Н.* Аждаха // Мифологический словарь. - М., 1991. - С. 24; *Графферберг Э.Г.* Пережитки религиозных представлений у белуджей // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. - М., 1975. - С. 229; *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М., 1969. - С. 30-31.

³ *Гаджиев Г.А.* Указ. раб. - С. 36.

сывают способность вызывать затмение луны. Согласно легенде, в одном ауле жил юноша – пастух и его возлюбленная. Их ровесником был Елмауз, сын богатых родителей, отличавшийся необыкновенным обжорством. Так, съев своих родителей, он превратился в чудовище, которое стало поедать людей. Пожирая всех на своем пути, он добирается и до пастуха, который вступает с ним в схватку. В этом единоборстве одержать победу над Елмаузом пастуху помогает его собака. Юноша отрезает чудовищу голову, но не может разбить его челюсть. Поэтому голова Елмауза ожила и творит зло на всей вселенной. Пастух с отарой и собакой вознеслись на луну. Елмауз, желая отомстить своему обидчику, периодически нападает на луну и хочет ее проглотить. Когда Елмауз своей тенью пытается закрывать луну, собака пастуха чует его и начинает выть. При затмениях ногайцы думали, что они помогают победить чудовище, создавая на земле шум и тем самым отпугивая Елмауза¹. Подобное поверье о чудовище, борющегося с луной, существует и у саяно-алтайских тюрков². Образ демона Елмауз бытует в поверьях киргизов, казахов³, узбеков, татар, уйгур, башкиров⁴, карачаевцев и балкарцев⁵.

В сознании ногайцев сохранилась и вера в покровителей. Так, согласно преданиям существовал покровитель богатырей Периште, покровители скота⁶. Каждый из четырех видов скота имел своего покровителя. Верблюдам покровительствовал Ойсыл-Кара, крупному рогатому скоту – Зенги-баба, лошадям –

¹ Керейтов Р.Х. Ногайская свадьба // Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988. - С. 129-130.

² См.: Потапов Л.П. Тюркоязычных народов мифология (Мифология саяно-алтайских тюркоязычных народов) // Мифы народов мира. Т. 2. - М., 1988. - С. 539.

³ Баялиева Т.Д. Указ. раб. - С. 103.

⁴ Басилов В.Н. Указ. раб. - С. 214.

⁵ Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. - Нальчик, 1991. - С. 78-80.

⁶ Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 67.

Камбар-ата, овцам – Шопан-ата, козам – Шексек-ата. Тех же покровителей скота имели и казахи¹.

У ногайцев значительное место в религиозных представлениях занимали духи («йинлер»), объединяемые собирательными названиями «джинны» и «шайтаны». Отличие джинна от шайтана трудноуловимо. Ногайский йин в народной фантазии представлен антропоморфным существом маленького роста. Он имеет человеческий облик, и только при тщательном рассмотрении можно обнаружить отличия: пальцы на руках и ногах йина без суставов, а нос без внутренней перегородки, т. е. имеет одну ноздрю². По представлениям народа, они ведут такой же образ жизни, что и люди: рождаются, живут, питаются, веселятся, женятся, умирают.

Духи имеют свои излюбленные места обитания – пустыри, безлюдные степи, заброшенные дома, мельницы и прочие пустующие строения, саманные карьеры, места выброса мусора, кучи золы, старые пастбища³.

Подобные представления о джиннах существовали и у народов Средней Азии⁴, Дагестана⁵.

Джинны по представлениям ногайцев, как и люди, принадлежали двум религиям: одни покровительствовали мусульманам, а другие христианам⁶. Считалось, что духи не причиняют вреда людям, если их не потревожить. Потревоженный йин мог нанести непоправимый вред виновнику беспокойства: лишить его разума, парализовать и т. п. Поэтому люди боялись своим появлением нарушить покой духов. Помимо этого предпринимались различные меры предосторожности: не разрешалось выливать воду на порог дома (считалось, что здесь нахо-

¹ Казахские сказки о животных (легенды, предания, бытовые рассказы, сказки и басни) / Сост.: С.А.Каскабасов, Е.А.Костюхин и др. - Алма-Ата, 1979. - С. 9.

² Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 9.

³ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 20-21.

⁴ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 9.

⁵ Снесарев Г.А. Указ. раб. - С. 26; Тайжанов К., Исмаилов Х. Особенности доисламских верований у узбеков – карамуртов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. - М., 1986. - С. 113.

⁶ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 20-21.

дится дом духов), приветствовать на пороге дома, наступать на порог. Запрещалось спать ночью под деревом, т. к. считалось, что там йин живет¹. Деятельность духов активизировалась в вечернее время и ночью, поэтому люди старались не выходить из дома с наступлением сумерек. Если все же приходилось по каким-либо причинам покидать дом, то люди обязательно вешали на шею талисман с молитвой, зубец чеснока, надевали ватный пояс. Повстречавшийся с йином обязательно должен был произнести слово «Бисмилла» («Во имя Аллаха»): как только произносилось это слово, йин исчезал.

В народе существует очень много рассказов о встрече людей с йинами. Как, например: «Возвращался человек по имени Асанали домой и повстречал на своем пути свадебный поезд. Люди, как и полагалось на свадьбе, веселились, танцевали. Асанали подъехал поближе и присоединился к ним. Но люди почему-то не замечали путника. Приглядевшись к ним, он заметил все черты, характерные для йинов. В толпе он заметил симпатичную девушку и ущипнул ее. Девушка неожиданно упала в обморок, тут народ заволновался, веселье прекратилось. К девушке подбежали женщины и стали приводить ее в чувство. Кто-то из присутствующих посоветовал пригласить старуху-знахарку, которая плелась в самом конце свадебной процессии. Старуху подвели к больной. Осмотрев девушку, она сказала, что ее «ударил» мусульманский йин. Тогда собравшиеся стали читать молитвы и девушка пришла в себя. Свадебный поезд тронулся дальше. А Асанали сел на коня и направился домой. Приехав в свой аул, он рассказал о случившемся старикам. Выслушав его, они сказали, что это были йины. И если бы они первыми увидели Асанали, то в живых вряд ли оставили».

Еще один рассказ: «В одном селе жила женщина-повитуха по имени Айшат, однажды ночью к ней постучали и попросили принять роды. Айшат тут же собралась и отправилась на помощь. Роды прошли успешно, и в знак благодарности родственники роженицы дали Айшат целую горсть золотых украшений. По дороге домой Айшат решила взглянуть на украшения, но увидела вместо золота бараний помет. Рассердившись, она вы-

бросила его. Кое-что у нее все же осталось в кармане. Утром женщина, вытряхивая карманы, обнаружила золотые сережки. Тогда Айшат поняла, что приняла роды у женщины йин. (Йины любят золото и беспокоят людей, у которых его много. Старики говорят, что золото йинов может показаться человеку пометом).

Прошло время. Как-то Айшат гуляла на свадьбе у односельчан и встретила там женщину-йин, у которой когда-то принимала роды. Они поздоровались. Кроме Айшат, женщину никто не замечал. Женщина-йин поинтересовалась, каким глазом Айшат видит ее. Она ответила, что левым. Тогда женщина-йин пальцем выколола левый глаз Айшат. Так женщина-йин оставила Айшат без глаза».

«Как-то у одной пожилой женщины вечером с пастбища не вернулся теленок. Тогда она, взяв с собой внучку, пошла искать пропавшую скотину. Долго они искали животное и вдруг вдалеке увидели темное пятно. Женщина с девочкой направились в ту сторону, где ожидали найти пропажу. Приблизившись, они увидели юрту. В юрте сидела старуха и варила ногайский чай. Она приняла гостей, расспросила обо всем и стала угощать чаем. Прежде чем пригубить чай, женщина, как и положено мусульманам перед едой, произнесла слово «Бисмилла». Тут же все исчезло, и юрта, и старуха. А женщина и девочка сидели на камнях и держали в руках бараний помет. Тут женщине все стало ясно: это был йин. Уставшие, они вернулись домой, а утром теленка обнаружили во дворе».

Считали, что некоторых людей йины могли посещать и дома. Как рассказывают информаторы, джинны являются к людям в ночные часы в облике их близких родственников, знакомых и стараются выманить из дома под любым предлогом. Если человек догадается сказать «Бисмилла», то йины тут же исчезают. Если же человек поверил и вышел во двор, то йины уводили его далеко от дома, катались на нем верхом, заставляли танцевать до изнеможения. Обычно обманутых йином людей находили далеко от селения в беспомощности. Эти люди серьезно заболели, бывало, что они лишались рассудка и речи. Для их излечения приводили муллу, который молитвами изгонял из тела больного джинна. Так, в одного человека по имени Ажигайтар из с. Акмамбет вселился джинн. Ажигайтар стал неуправляемым: ночевал на крыше,

¹ Керейтов Р.Х. Указ. раб. - С. 120.

убегал из дома и бежал, как говорили, с такой скоростью, что даже всадники с трудом настигали его. Решили родственники Ажигайтара пригласить авторитетных мулл и изгнать джинна из его тела. В назначенный день в доме Ажигайтара собрались семь известных мулл, славившихся своим знанием Корана, которые не один раз помогали людям избавиться от злого духа. Муллы попросили развести костер, связать Ажигайтара и положить его у костра. После того, как все поручения были выполнены, муллы сели вокруг костра и стали громко произносить молитву. Услышав слова молитвы, Ажигайтар стал вырываться. Чем больше вырывался Ажигайтар, тем громче муллы говорили. Прочитав несколько раз молитву, муллы стали бить Ажигайтара по щекам, требуя сказать имя йина, который вселился в него. Обессиленный такими испытаниями Ажигайтар произнес имя Аалалым. Один из мулл тут же записал это имя на клочке бумаги и бросил его в костер. Ажигайтар стал вырываться из пут и кричать диким голосом: «Аалалым, мой Аалалым горит!» На следующий день Ажигайтар был уже вполне здоровым и не верил тому, что о нем рассказывали односельчане».

Существовали и другие способы избавления от болезней, посланных духами. Особенно действенными против йинов считались талисманы, которые писали муллы. Талисман («дуа») представлял кусок бумаги с арабским текстом, обычно это были специальные суры из Корана, зашитые в материю. Талисман специально помещали в сшитый кожаный мешочек в виде квадрата или треугольника, продевали в один из уголков кожаную веревку и носили на шее в качестве оберега от нечистой силы. В народе до сих пор существуют рассказы, как талисманы спасали людей от злых духов. «Однажды юноша ехал верхом на коне из соседнего аула к себе домой. По дороге ему повстречался старец, он тоже направлялся в тот аул, откуда был родом юноша. Юноша слез с коня и, как и подобает по обычаю, предложил старику сесть верхом. Старик отказался от этого предложения, да еще добавил: «Я бы не только на коня, но и на тебя бы сел верхом, да вот кое-что мешает». Юноша из уважения к старику так и не сел на коня. Взяв коня за удила, он пошел рядом со стариком. Так за разговорами они дошли до аула. Тут старец попрощался с юношей и пошел своей дорогой. А юноша напра-

вился к себе домой. Придя домой, юноша рассказал о необычном поведении старика своему деду. Выслушав внука, дед указал на талисман, который висел на шее юноши, и сказал: «Вот что помешало твоему попутчику сесть на коня. Старик был йином. Если бы не твой талисман, злой дух покалечил бы тебя».

Для изгнания злого духа муллы совершали различные действия с сырыми яйцами, домашними животными черного цвета (курица, петух, баран). Изгнать злого духа из тела больного могли и знахари, умеющие читать Коран и писать по-арабски.

Согласно народным поверьям, помимо джиннов («йин»), являвшихся людям в облике человека, существовали и шайтаны. Шайтаны – это невидимая нечистая сила, которая толкает людей на неправильный путь, на совершение неблагоприятных поступков. Витая в воздухе, они могут вселяться в человека. Поэтому люди, зевая, прикрывают рот рукой, а в конце зевоты произносят: «Тьфу, тьфу, тьфу налат болсын шайтанга – шукур болсын Аллагда!» («Тьфу, тьфу, тьфу, пусть будет проклят шайтан – да прославится Аллах!»), отгоняя тем самым нечистую силу.

Согласно народным представлениям, шайтаны иногда создают песчаный смерч, называемый в простонародье «шайтан той» («свадьба шайтана»). «Шайтан той» возникает неожиданно, в ясную, безветренную погоду. Ветер иногда достигает такой силы, что может поднять в воздух человека. Смерч движется по степи, подобно живому существу. Люди остерегались песчаного смерча, т. к. в нем сидит шайтан, который насылает на человека, попавшего под вихрь, всякие болезни и может даже свести с ума. Во избежании зла при виде вихря нужно сотворить молитву, дунуть и плюнуть»¹.

По рассказам информаторов, если попасть острием ножа прямо в центр смерча, то в этом месте якобы можно обнаружить следы крови шайтана.

¹ Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. – Мелодии ногайских и оренбургских татар. I. Введение // Известия об-ва археолог., истор. и этнограф. при имп. - Казан. ун-те. Т. 12. Вып. 1-2. - Казань, 1894. - С. 25.

Подобные представления о песчаном смерче, создаваемом шайтанами, существуют у узбеков¹, арабов².

Ногайцы верили в существование домашнего духа Бастырык, приходящего ночью к спящему человеку, чтобы душить его. Бастырык, по представлениям ногайцев – темный, злой дух, не имеющий определенной формы. Некоторые информаторы на себе испытывали действия этого духа.

Бастырык являлся к человеку ночью, во время сна, наваливался на него всем своим телом и душил, при этом человек не мог даже пошевелиться. Только на рассвете Бастырык покидал спящего человека. Чтобы оградить себя от злого духа, человек, находясь в туалете, должен съесть то, что он любит (к примеру, сладости, сыр и т. п.). Верующие полагали, что злые духи водились среди нечистот, и человек, поевший там что-либо из продуктов, якобы задабривал нечистую силу и таким образом избавлялся от нее. Подобные представления о духе, вредящем спящему человеку, существовали и у народов Дагестана³.

К категории злых духов относились дух Обыр и Сипауш. Оба эти духа были связаны с душами умерших и принадлежали к потустороннему миру.

Так, дух Сипауш в народных поверьях представлен в образе высокого и очень худого человека, с длинными волосами, без глаз. Он ходит на ощупь и часто забирается в жилища, находящиеся недалеко от кладбища, не оставляя там ничего съестного. Белый фосфорический свет, который иногда появляется на кладбище, отождествляется в народе с сипаушами⁴.

Обыр – это не что иное, как душа умершего злого человека, которая принимала обличье кошки. Вот что пишет Н.Ф. Дубровин о превращении человека в Обыра: «Едва только весть о смерти кого-нибудь разнесется по аулу, как все аульные кошки привязываются и держатся в таком заключении до самого погребения покойника, из опасения, чтобы какая-нибудь из них

не перескочила через его тело. Ногайцы верят, что если кошка перепрыгнет через тело, то умерший будет по ночам посещать свое семейство»¹.

Подобные представления о переселении душ умерших имели место у татар, башкир, чувашей, карачаевцев, удмуртов, славян².

У ногайцев бытовало и поверье о наличии в каждом доме покровителя домашнего очага «уйй иеси» (букв. хозяин дома). На нем якобы держалось благополучие семьи, достаток в доме. По народным поверьям, «уйй иеси» это «женщина – старуха с волосами длиной в 40 арш. и 70 грудями, обложенными каждая 70-ю подушками»³. Ногайцы считали, что она жила под бревнами потолка, в темных углах дома. Старики не разрешали детям шуметь, взрослым – громко разговаривать дома, ссориться, т. к. «уйй иеси» не любит шума. В народе полагали, что «уйй иеси» покидает дома, в которых нет согласия между членами семьи, а вместе с ней пропадает и достаток в доме.

С наступлением темноты «уйй иеси» принималась за свои обычные дела: переставляла вещи в доме, издавала разные звуки, создавая шум, могла выгнать скот со двора, доить коров и т. д. Чтобы ни сделала «уйй иеси», ее не ругали. Для того, чтобы задобрить «уйй иеси», хозяйка дома перед тем, как лечь спать, ставила в углу комнаты чашку с молоком.

Мнение о домашнем духе весьма противоречиво: с одной стороны, на нем держится благополучие дома, с другой – он может вредить хозяевам дома. Все неудачи или горести в доме приписывались желанию этого духа. Этот незримый покровитель ассоциировался с образом предка.

Наиболее почитаемым среди ногайцев является культ предков. Это выражалось, прежде всего, в регулярном «кормлении» умерших родственников. После каждого приема пищи ногайцы перечисляли имена своих умерших родственников с пожеланиями, чтобы их души были сыты. Существовало также

¹ Снесарев Г.П. Указ. раб. - С. 26-27.

² Лейн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. - М., 1982. - С. 199.

³ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 20.

⁴ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 10.

¹ Дубровин Н.Ф. Указ. раб. - С. 279.

² Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX - нач. XX вв. - М., 1957. - С. 362.

³ Мошков В.А. Указ. раб. - С. 29.

поверье, что голодные души умерших посещают по четвергам и пятницам дома своих родственников и наблюдают, вспоминают ли те о своих предках. Считалось, что, «пребывая на небе, душа питается только молитвами живых людей, поэтому за них нужно молиться каждый четверг»¹.

По четвергам хозяйки пекли ритуальные пышки – бауырсаки, варили ногойский чай, приглашали на «юма шай» (букв. пятничный чай) соседей, родственников и поминали умерших. Организация по четвергам совместных трапез – поминок и раздача «садакья» считались обязательными для каждой семьи. Если по каким-либо причинам хозяйке не удавалось испечь пышки и пригласить на чай соседей, то она в этот день давала собаке хлеб с солью.

Временем поминовения умерших являлся месяц мусульманского поста – Рамазан и праздник Ураза байрам. По представлениям ногойцев, в эти дни души умерших освобождаются от темноты, приходят к жилищам своих родных и близких и слушают, что они говорят. Слыша живую беседу и наслаждаясь паром от поминальной пищи, души радуются, а если родственники в ссоре и не собрались вместе, то они горюют и плачут»².

Ногойцы верили, что душа «ян» бессмертна и продолжает жить в ином мире.

Значительное место в жизни ногойцев занимали различные суеверия, вера в приметы. Многие приметы были связаны с определенными днями недели. Каждый день имел свои качественные характеристики: лучшим днем для заключения брака «неке» считалась пятница, сватовства – четверг. Благоприятным днем для любого начинания считался понедельник. Неблагоприятными тяжелыми днями считались вторник и среда. Во вторник нельзя было отправляться в путь, в среду – выполнять тяжелую работу, купаться, выносить из дома мусор, выливать грязную воду.

Последняя среда каждого месяца мусульманского лунного календаря считалась опасной для людей, в этот день не рекомендовалось отправляться в путь, заключать какие-либо сделки.

¹ Мошков В.А. Указ. раб. - С. 61.

² Малявкин Г. Указ. раб. - С. 149, 171.

Ряд примет имеет связь с животным миром. Так, например, крик совы и вой собаки предвещали чью-нибудь смерть. Ждали несчастья, если в дом залетала летучая мышь, вползала змея, не к добру считалось и карканье вороны. Были и счастливые приметы, связанные с птицами. Так, крик петуха, стрекотание сороки предвещал приход гостей.

Было запрещено убивать некоторых птиц и животных. К примеру, запрещалось стрелять в белого сайгака. Считалось, что в него может попасть только плохой человек. Гибель этого животного якобы влекла за собой смерть кого-нибудь из членов семьи.

Нельзя было стрелять в сову. В народе считали, что сова сидит на ветке и приговаривает:

«Акылы бар мени урмас,

Акылсызны тубеги мени тиймес».

«Умный меня не убьет,

Глупый в меня не попадет».

Запрещалось также убивать филина, ласточку, голубя – их считали священными птицами. Священным считался и паук. В преданиях голубь и паук – спасители пайхамаров. Мы записали следующую легенду. «Аллах решил испытать пайхамаров и послал за ними погоню. Пайхамары убежали от преследователей. Решили они спрятаться в узком ущелье. Голубка за всем этим наблюдала и думала, как же помочь пайхамарам. Когда они проникли в ущелье, голубка залетела вслед за ними, снесла там яйцо и вылетела из ущелья, паук за ней успел сплести паутину и тем самым закрыл вход. Дойдя до ущелья, преследователи остановились у входа. Посмотрев, что проникнуть в ущелье невозможно, не повредив паутины и не раздавив яйца, побежали дальше. Так голубка и паук спасли пайхамаров».

Существовал и ряд других примет, в которые верили ногойцы. Например, переступить порог нового дома нужно было с хлебом, маслом, солью, чаем. Эти продукты должны были принести достаток в новый дом. Нельзя было рассыпать муку, соль. Не разрешалось переступать через топор, лопату, скрещивать пальцы, руки на груди, стоять подбоченившись, молодым закладывать руки за спину, прижимать колени к груди, ночью стричь ногти и подрезать волосы. Беременным женщинам не позволяли

переступить через веник – будут трудные роды, а также переходить дорогу верблюду – будет вынашивать ребенка 12 месяцев. Существовала и такая примета: женщине, которой долго не удавалось забеременеть, знахари предлагали посмотреть в глаза удоду («бисокок»).

В верованиях ногайцев сохранились и следы поклонения «священным» деревьям. Так, по сведениям информаторов, между г. Кизляром и с. Огузер Кизлярского района Республики Дагестан росли неподалеку друг от друга два «священных» дерева. Когда умирал хороший человек, с одного дерева капала кровь, а когда происходило что-то хорошее, с другого текло молоко. Проходящие мимо этих деревьев люди должны были помолиться возле них. Приходили к «священным» деревьям и с просьбами.

Среди ногайцев было широко распространено и почитание «священных» родников. Особой известностью пользовался «святой» родник «Щепкен тыкъан», находящийся в 6 км от с. Кумли Ногайского района. К нему приходили больные люди. Напившись воды из родника, больные якобы выздоравливали.

Весьма распространенным было и почитание могил «святых» людей. Так, ногайцы приходили на поклонение к могилам шейха Авалхана, похороненного в 1618 году в с. Терекли-Мектеб, и святого Батыр-Кады, похороненного в 1722 году в с. Кумли.

Большое место в жизни ногайцев занимали заговоры («арбау»), заклинания («шуклау»). Чаще всего при пропаже скота прибегали к заговариванию волчьей пасти. Над раскрытым лезвием складного ножа произносили специальную молитву, а затем нож складывали и не раскрывали до тех пор, пока не найдется скотина. По свидетельствам информаторов, заклинание волчьей пасти почти всегда приносило положительный результат: скотину находили в целостности и сохранности.

С этой же целью бросали в огонь сорок черных горошин и яйцо орла, обмазанные жидкой глиной. Горох и яйцо, прежде чем бросить в огонь, заговаривали у муллы.

Распространено было и заклинание вора. Но перед этим односельчан заранее оповещали о совершении заклинания во избежание неблагоприятных последствий и в надежде, что вор раскается и вернет украденное. Для этого ловили лягушку, шли

к мулле, заговаривали ее и помещали в кувшин с сывороткой. Сверху кувшин плотно закрывали. Лягушка, наглотавшись сыворотки, начинала разбухать. Говорили, что вместе с лягушкой отекал и вор. Если вор приходил с повинной, то лягушку доставали из кувшина, надавливали на живот так, чтобы она изрыгнула сыворотку, и отпускали на волю. Как только лягушка выпускала жидкость – отеки у вора начинали сходить. Так, информаторы рассказывали, что у некоей Алтын пропал пуховый платок. Она тут же сообщила о пропаже односельчанам с предупреждением о совершении заклинания. Но платок не вернули. Тогда она сделала все в точности так, как и полагалось при заклинании вора. И вдруг стала замечать, что ее теленок пухнет. Не поняв причины, теленка зарезали, а в его внутренностях обнаружили пропажу.

Существовал и другой вид заклинания, о совершении которого так же, как и в первом случае, предупреждали заранее. Жилу правой ноги волка высушивали на солнце, затем опускали в воду, заговаривали у муллы и клали на раскаленные угли, где она скручивалась. Считали, что после этого действия вора обязательно скрутит.

Чтобы отыскать пропавшие и ворованные вещи, гадали и на бобах, и на окрашенных в разные цвета камешках¹.

Весьма распространены были и заговоры. По своей направленности их можно подразделить на медицинские, промышленные, любовные. Так, заговорами и заклинаниями сопровождалась любовная магия. Заговоры были вызывающие как взаимное влечение, так и взаимную ненависть. При этом использовались волосы, обрезки ногтей, одежды, нитки, наперстки, иголки². С этой же целью обращались к мулле. Он выписывал соответствующую суру из Корана, которую заворачивали в лоскуток, зашивали в кожаный треугольничек и носили при себе как амулет. С целью приворожить у муллы также заговаривали кусочек хлеба, который затем незаметно давали съесть возлюбленному.

¹ Алейников М.Н. Указ. раб. - С. 11.

² Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 69.

С заклинаний и заговоров начинали любую работу: стрижку овец, обработку шерсти, приготовление ритуальной пищи и т. д. Заклинания и заговоры широко использовались и в обрядах вызывания дождя, прекращения градобития, ветра, при затмении солнца.

Большое количество заговоров связано с хозяйственной деятельностью: охотой, животноводством, бахчеводством, рыболовством¹.

Многие ногайские заговоры, заклинания связаны с рождением и воспитанием ребенка².

Широк круг заговоров и заклинаний от различных болезней человека: от действия злых духов, травм, ранений, оспы, укусов собак и змей, от чумных эпидемий, отравлений и т. д.

Причиной всех болезней и несчастий народ считал, с одной стороны, собственные прегрешения, с другой – действия злых сил природы и гнев бога. При всех болезнях лечение сопровождалось заговорами. В них лекари обращались не только к Тангри, Кудаяу (боги неба у тюркоязычных народов – М.Г.), Аллаху, но и к языческому святому Коркуту:

Хорхутлы-агай из устья Сыр-Дарьи,
Прогони несчастье,
Уничтожь все болезни.
...Заставь играть свой кобыз,
Прогони нашу печаль.
Не оставив ни печали, ни болезни,
Умножай число счастливых³!

Причиной заболевания мог послужить, как считали, и сглаз («кобз»). Вера в сглаз, порожденная суеверием и бессилием народной медицины, свойственна не только ногайцам, но и всем народам мира⁴. По представлениям ногайцев, есть категория людей, обладающих «дурным глазом», т. е. способностью

сглазить. Такими способностями, как говорили, обладали люди с голубыми и зелеными глазами. Их боялись и старались не попадаться им на глаза. Аналогичные представления с некоторыми особенностями характерны и для аварцев, даргинцев, лакцев, грузин, черкесов¹. Распознавали сглаз по следующим признакам: общее недомогание, сонливость, вялость, головная боль, тошнота, рвота, потеря аппетита и т. д. Снимали сглаз ногайские знахарки («кагымши») путем гадания и с помощью свинца.

С помощью расплавленного свинца сглаз снимали и аварские знахарки².

Эффективными средствами от сглаза считались соль, волчий зуб, камешек, взятый из желудка курицы, веточка боярышника. Оберегом, предохраняющим от сглаза, колдовства, от любой вредной силы, служила и кожа змеи. В качестве оберега змеиную кожу использовали и народы Дагестана, в частности даргинцы и лезгины, народы Кавказа и русские³.

Чтобы уберечь ребенка от сглаза, лоб мазали сажеей, а на новое платье красивой девушки нашивали ложную заплату⁴, носили амулеты, написанные муллой. От сглаза, у входа в дом, сарай вешали череп коня, подкову. Ногайские знахарки («кагымшы») умели с помощью свинца снимать испуг. Расплавленный свинец пропускали через ушко ножниц в чашу с холодной водой, где он образовывал различные фигурки. По форме свинцовых фигурок знахарка определяла причину испуга. Увидев фигурку из свинца, больной якобы избавлялся от испуга.

Большой популярностью в народе пользовались прорицатели («сынши»). Они определяли пол будущего ребенка по внутренностям курицы, специально зарезанной для этой цели, на горохе, бараньей лопатке предсказывали судьбу. Баранью лопатку использовали в своей гадательной практике и монгольские предсказатели⁵.

¹ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 39.

² Там же. - С. 43.

³ Там же. - С. 45.

⁴ Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 70.

⁵ Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Головой цикл. - М., 1989. - С. 257.

¹ Сикалиев А.И.-М. Указ. раб. - С. 71.

² Там же. - С. 68.

³ Там же. - С. 71.

⁴ Гаджиев Г.А. Указ. раб. - С. 39.

Не менее популярны среди ногайцев были колдуны («яды»), чародеи («саварши»), волшебники («сыхыршы»), шаманы («камлауши»), гипнотезеры («козьбайлаушь»).

Итак, анализ собранного материала показал, что в рассматриваемое время домусульманские верования и представления органично сочетались с господствовавшей религией – исламом. Наиболее отчетливо домусульманские верования сохранились в тех жизнеобеспечивающих сферах, где человек был бессилен перед силами природы. Вера в духов, сглаз, вредоносное колдовство была вызвана и духовной потребностью, и зависимостью людей от природных явлений и окружающей среды.

Верования и обряды ногайцев имеют много аналогий с народными верованиями татар, башкир, казахов и др. Вместе с тем на верования и обряды ногайцев большое влияние оказали народы Дагестана и Северного Кавказа – это объясняется не только совместным проживанием в одном регионе, но и тесным культурным взаимодействием.

На религиозные верования ногайцев определенное влияние оказали и народы Средней Азии, Сибири. Однако, несмотря на столь тесные разносторонние связи с другими тюркскими и нетюркскими народами, ногайцы сумели не раствориться в иноязычной среде и сохранить свои народные традиции.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исторического развития, в тесном общении с народами Северного Кавказа, ногайцы выработали свою самобытную духовную культуру, в которой, с одной стороны, сохранились традиции кочевого мира, с другой – некоторые традиции оседлых народов.

Приобщение детей к миру взрослых происходило во время бесед, рассказов людей старшего поколения, совместных наблюдений за погодой, звездным небом, трудом родителей и т. д. Воспитание детей проходило и во время игр. Первичные знания об окружающем мире, явлениях природы и закономерностях общежития подрастающее поколение получало в обществе. Их было бесчисленное количество. Одни игры развивали в детях ум, смекалку, сообразительность, наблюдательность, другие были направлены на их физическое развитие. Таким образом, в семье дети получали всестороннее развитие, как умственное, так и физическое.

Первой ступенью системы образования были примечетские школы – мектебы. В них учащиеся получали элементарные знания (навыки чтения, письма, четырех арифметических действий). Второй ступенью системы образования были медресе. В медресе учащиеся приобщались к достижениям арабо-мусульманской культуры, к передовой научной мысли Востока и Запада.

Получив определенные знания в области астрономии, философии, логики, выпускники медресе продолжали обучение в духовных и светских высших учебных заведениях России, Турции, Египта и др. Таким образом, воспитанная на местных традициях передовая ногайская молодежь вбирала в себя достижения мировой науки и несла их в массы. В XIX – начале XX века в ногайской среде появились известные ученые-просветители, видные общественные деятели, журналисты.

Уроки нравственности молодежь получала и через устное народное творчество, которое имело свои особенности и своеобразие. В его образцах воспевается мужество, справедливость, гуманизм, трудолюбие, любовь к родине. Лучшие черты харак-

тера ногайского народа наиболее ярко отражаются в героическом эпосе, сказаниях, героических песнях. В сказках, поговорках, песнях ярче всего отразились и морально-этические нормы, нравы ногайцев, особенности их кочевого быта, которые нашли свое продолжение в народном календаре. В нем сконцентрированы эмпирические знания и весь опыт, накопленный в ходе хозяйственной деятельности многих поколений. Народный календарь стал своего рода сводом практических рекомендаций для скотоводов и земледельцев. Недостаток знаний, неспособность объяснить многие явления природы вызывали у людей страх перед ее силами, что послужило причиной появления иррациональных методов ведения хозяйства. Многие действия календарного цикла обрастали религиозно-магическими приемами, которые были призваны защитить урожай, спасти его от возможной засухи, града, ливневых дождей и т. д. Народный календарь со временем обрастал различными праздниками, приуроченными к выполнению определенных сельскохозяйственных работ, сменам времен года, явлениям природы. Календарные праздники носили массовый характер, их обязательными атрибутами являлись песни, танцы, игры, в которых самое активное участие принимали дети и молодежь. Развлекательные игры, сборища также облекались ритуальными действиями религиозно-магического характера.

Религиозные воззрения ногайцев нашли свое отражение не только в обрядах, связанных с народным календарем, но и во всех сферах их жизнедеятельности.

Бессилие человека перед силами природы породило веру в существование духов, в различные приметы, заклинания, заговоры. Их бесчисленное количество должно было оградить человека от неблагоприятных явлений природы, колдовства, сглаза.

Заговоры и заклинания применялись и в народной медицине. Использовали их в основном при лечении нервно-психических заболеваний. Наряду с иррациональными способами существовали и рациональные способы лечения. Лечили многие заболевания: болезни головы, носа и горла, внутренние болезни, костно-мышечные, кожные и др. Лечили травами, продуктами животного и минерального происхождения, применяли физиотерапевтические способы лечения и т. д.

Почти все ногайцы умели лечить животных. Среди них были и известные лекари, которые славились своим умением лечить скот.

Таким образом, все сферы духовной культуры ногайцев отражали особенности их кочевого быта, нравы, обычаи и мировоззрение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК –	Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией. Тифлис.
Вестник ДНЦ –	Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала.
ВИРГО –	Вестник Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург.
ГАСК –	Государственный архив Ставропольского края. Ставрополь.
ЗИРГО –	Записки Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург.
ЗИООИД –	Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАНОИФ –	Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии. Петроград.
ИИЯЛ –	Институт истории, языка и литературы. Махачкала.
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КС –	Кавказский сборник. Тифлис.
РФ ИИАЭ ДНЦ РАН –	Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Махачкала.
СМОМПК –	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СЭ –	Советская этнография. Москва.
Труды ЧИНИИ–	Труды Чечено-ингушского научно-исследовательского института. Грозный.
УЗ ИИЯЛ –	Ученые записки Института истории, языка и литературы. Махачкала.
ЭО –	Этнографическое обозрение. Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общие сведения о ногайцах.....	11
Глава 2. Система народного образования.....	25
Глава 3. Устное народное творчество.....	40
Глава 4. Народный календарь, календарные обряды и праздники	83
§ 1. Народный календарь и календарные обряды.....	83
§ 2. Календарные праздники.....	114
Глава 5. Народная медицина и ветеринария.....	130
Глава 6. Религиозные представления.....	158
Заключение.....	183
Список сокращений.....	186

Гимбатова М.Б.

**ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НОГАЙЦЕВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Редактор *М.Б. Хуришлова*
Корректор *А.М. Хазамова*
Верстка *В.Г. Курбанова*

Подписано в печать 05.05.2005 г. Форма А5.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman»
Тираж 300. Заказ № 3.

ООО Издательский дом «Эпоха»
г. Махачкала, ул. Дахадаева, 73 а.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru